

АЛЕКСАНДР
САПЕГИН

ТОННЕЛЬЩИКИ

Не такое уж отдалённое будущее.

Производственно-приключенческий роман о буднях космических тоннельщиков 26-го века от Р.Х. Производственные будни, политика, краткая история русского сектора, звездолёты, сражения, красавицы и злобные пираты прилагаются.

Сапегин Александр Павлович
Тоннельщики

Год 2027, Земля.

— Куда пойдём? — отправив окурок тонкой сигареты с ментолом в недалёкий полёт и лениво проследив за красным росчерком не потушенного бычка, шлёпнувшегося в реку, русоволосая девушка, чью прелестную головку украшала косая французская коса, обернулась к кавалеру.

— Есть предложения? Мне геморно. Ничего нового в бошку не лезет, — ответил ей парень, зевая во всю ширь. Будь его подруга чуток повыше, она бы могла разглядеть не только гланды, ее взгляд, наверняка, имел все шансы упереться в стенки желудка зевающего. — Решай сама, а?

— Да, Игоряша, ни хрена ты не романтик, — со вселенской грустью в голосе высказалась подруга.

— Не пойму, и что я в тебе нашла? Не спортсмен, — начала перечислять девушка, загибая ухоженные пальчики с аккуратными наманикюренными ноготками. Состроив жабыи губы на физиономии, парень кивнул, соглашаясь со словами пассии.

— Не богат. Как латыш: в штанах хрен, в кармане шиш, — второй палец присоединился к первому. Ответом на обвинение служили разведённые в стороны руки и сложенная фи́га. Следом за жестом из трёх пальцев черное кожаное портмоне переключалось из брючного во внутренний карман джинсовой куртки.

— Крутого папика, тачки и двухъярусной квартиры за душой не имеешь, — паяц в джинсовом костюме, в которого превратился кавалер девушки, опять виновато повел руками.

— Ладно, ладно, на харю симатяжка, должно же быть в тебе хоть что-то. Но до героя любовника тебе, как от Москвы до Пекина раком переть, — «симпатяжка» обиженно надул губы, и стёр со щеки невидимую «скупую мужскую слезу», выбитую несправедливым обвинением, ведь рост у него выше среднего, мордаха не лишена мужской красоты, да и тело отнюдь не дистрофика. Славный малый, девкам такие нравятся. — Приземлённый ты какой-то у меня, Игорь. Никаких доходов, расходы одни.

— Зато ты, Светик, прямо фея печального образа, — зевнув ещё шире, но в этот раз прикрыв рот ладонью, ответил Игорь. — Никаких изъянов, сплошные достоинства.

— Тебе что-то не нравится? — изогнув бровку, девушка ткнула парня кулачком в бок.

— Что ты, что ты, все мне нравится! — уклоняясь от шутливых затрещин, ответил Игорь.

— То-то же! Ещё раз вякнешь, останешься без борща.

— Да я и сам хотел от него отказаться. Две работы, приходишь вечером уставший, как собака. Пожрал, и сразу спать охота, на секс никаких сил не остается. Поэтому борщ побоку, в активе оставляем койку и секс.

— Ого! Какие мы, секс ещё заработать надо.

— Скажешь, я не заработал? — опасно сощурил глаза Игорь.

— Заработал, успокойся, а вот сводишь девушку в «Гигантик», то и на «клубничку со сливками» отломится.

— В «Гигантик»? Туда не пробиться.

— А ты приложи усилия, и сделай девушке приятно, покажи, что за душой, кроме мордашки, есть ещё, за что тебя любить.

— Ладно, есть у меня должничок один. Должен мне, как земля колхозу, он как раз в «Гигантике» вышибалой подрядился на полставки подрабатывать. Пора стребовать долги.

— Я знала, что на тебя можно положиться! — привстав на цыпочки, девушка смачно приложила губами к губам кавалера. Легкий поцелуй ожидаемо затянулся, превратившись в затяжную борьбу языками. — Хорошего помаленьку. Звони своему колхознику.

Отпрянув от кавалера, Светлана нырнула в клатч за помадой и зеркальцем. Может быть в рекламе помада держится на губах сутками, но почему-то она имеет нехорошую традицию моментально съедаться во время поцелуев. Перекочевав под свет ближайшего фонаря, Светлана принялась поправлять «боевую раскраску». Неожиданно в зеркальце отразился яркий росчерк падающей звезды, улыбнувшись, пока звезда не сгорела, Светлана успела загадать желание. Проведя последний раз помадой, и пару раз сложив губки бантиком, девушка обернулась к Игорю, который, позабыв о коммуникаторе, напряжённо смотрел в небо.

— Игорь! Мы идём? — позвала Светлана. — Ой, что это? — пискнула она, когда среди звёзд что-то ярко блеснуло. Потом ещё раз и ещё.

Через пару мгновений несколько падающих звёзд расчертили небосвод яркими полосами. Интенсивность вспышек нарастала с каждой секундой, казалось, что их источник стал ближе.

— Игорь? — Света подёргала бойфренда за рукав куртки. — Ты дозвонился?

— Дозвонился, но жопой чую, Светик, что нам надо домой мотать.

— Так мы идём в «Гигантик»?

— Света, ты чем слушаешь? Ноги в руки и за мной.

— Куда?

— Домой, Света, домой! Собираем манатки, гребём продукты и дуем в деревню.

— У тебя все дома? — покрутив у виска пальцем, спросила девушка. — Игорь, ты свои сигареты проверь, может тебе какую травку подсунули или чего позабористей. Ты меня пугаешь.

От яркой вспышки над головой поблек свет Луны, на некоторое время ночная тьма сменилась светлыми вечерними сумерками.

— Ой, мама! — чуть присела в страхе Светлана.

После второго взрыва в околоземном пространстве Игорь подхватил подругу за локоток и, не слушая возражений, поволок упирающуюся девушку за собой. До съёмной квартиры пара добежать не успела. Озарив землю и редкие облака неоновым холодным светом, из небесной черноты свалилось здоровое падающее нечто, бывшее искусственным объектом. Почему искусственным? Потому что метеориты не маневрируют.

От тяжёлого гула задрожала земля, и зазвенели стёкла. Встали на крыло перепуганные птицы, зажглись сотни окон, множество людей высыпало на балконы.

— Дождались..., - сплюнув на брусчатку, сказал парень.

— Чего дождались? — спросила его подруга.

— Братьев по разуму, — ответил Игорь, провожая взглядом тёмную громаду, в основание которой упиралось четыре огненных хвоста.

Пришельцы, если это были они, добрались до земли в условиях свободного падения. Почему? Причиной, заглушившей движки махины, явилась ракета или её аналог,

свалившаяся на корабль примерно оттуда, откуда появился сам неопознанный летающий объект непонятной конструкции, ибо на «тарелку» он походил мало. Впившись в горб «не тарелки», ракета превратила часть обшивки жертвы в пар, часть заставила раскалиться до красна, ещё кусок не затронула, но корабль это не спало. Огненные тумбы-ноги погасли, как по команде и тысячи тонн стали, пластика и груза, долю которого составлял экипаж инопланетного корыта, рухнули вниз.

Бах! Даже не так — БАХ! Как живая пошла волнами потревоженная земля, заверещали сигналки автомашин, звонко лопались об асфальт выбитые осколки стекла из окон, на некоторых домах, как при землетрясении, образовались трещины, а за городом выросло пламя исполинского пожарища. Яркие вспышки, раскрасившие черноту ночи, продолжали радовать зевак, а в штабах большинства стран мир поднятые по тревоге военные не знали, как поступить. Самая передовая орбитальная аппаратура, сориентированная на источник беспокойства, выдала картинки, по своему содержанию, бывшие очень далеко от мирных. Два космических флота, словно в третьеразрядном фантастическом боевике, перемалывали друг друга в труху. Сбывались самые мрачные прогнозы скептиков, твердивших миру, что мирный высший разум — это нечто из области детской фантазии.

На следующий день, двадцать седьмого мая две тысячи двадцать седьмого года состоялся первый в новейшей истории человечества контакт с внеземной цивилизацией. «Высший разум» принёс на Землю не мир, но меч...

Часть 1. Не кочегары мы, не плотники...

— Уважаемые пассажиры, через пять минут наш орбитальный лихтер начнет стартовые процедуры и совершит подъем на орбиту, экипаж и командир корабля просят вас прослушать информацию о мерах безопасности при совершении полета, — из невидимых взгляду колонок донесся приятный женский голос.

Вещала красотка на лингве — пассажирские компании большинства человеческих миров взяли на вооружение так называемый «общий» язык. В начале, середине и конце отделяемого пассажирского отсека развернулось голографическое изображение длинноногой бортпроводницы в униформе транспортной компании.

Богдан, скользнув взглядом по датчикам силовых полей персонального спасательного кокона и аварийному запасу дыхательной смеси, привычным жестом пристегнул ремни и откинулся на спинку кресла. Подчиняясь программе, гель под заменяющей кожу поверхностью сформировал наиболее удобную для человека форму спинки сидения.

Для того, кто в сотый раз совершает межзвездный перелёт, инструктаж не нес абсолютно ничего нового. Девушки на голо, из раза в раз повторяли одно и то же, да и сами они были словно клоны из одного маточного репликатора.

«Скорей бы уж, — промелькнула в голове Богдана шальная мысль. — Задрали сопلي жевать».

Не его одного раздражала ненужная тягомотина перед стартом. Несколько офицеров, разместившихся во втором ряду, дружно поддерживали Богдана кислыми минами. Судя по знакам различия, соседи в военной форме сами регулярно держатся за штурвалы космических кораблей и орбитальных штурмовиков. Лихие ребята не привыкли церемониться, стартуя чуть не на форсаже.

Давно ли он сам трясся в десантных «коробочках»? Давно, если подумать. Для некоторых простых смертных целая эпоха канула в призрачные воды Леты. Девять лет минуло с той поры, как пришло время сменить латы боевого скафа на комбез инженера-энергетика и гражданские скафандры-пустотники. Хотя лично ему грех жаловаться, бывшему штурмовику гораздо чаще приходилось работать не в сине-белых «Снегирях» монтажников, а в универсальных, камуфлированных, армейского типа «Хорсах» или «Морриганах». Монтаж энергоустановок и реакторов в пустоте имеет свои тонкости и особенности. Армейские скафандры для подобной работы подходили лучше гражданских образцов.

Бросив на молодых пилотов косой, но равнодушный взгляд, Богдан прикрыл глаза. Три года после универа погоны украшали плечи бывшего выпускника Федерального Государственного Университета Ирия. Три долбанных года. Парни, учившиеся с ним в группе, в отличие от него, оттянули двухгодичную лямку, оговорённую контрактом с государством, после чего оказались свободны в выборе: гражданка без всяких обязательств или социальная служба, а его — пентюха, затянуло армейским «хлебушком». Контракт с вооруженными силами Ирия и Российской Федерации как-то сам собою продлился ещё на три года. По велению души, угум... и продолжала бы армия лепить из него отпетого служаку в хорошем смысле слова, если бы не случился Силур — старый колониальный мир Тхора.

Гуманоидная раса, удивительно похожая на выходцев с Земли, насчитывала пятьдесят тысяч лет (по земному летоисчислению) письменной истории. Впрочем, ничего странного,

большинство древних рас — гуманоиды, кроме Тхора внешнее сходство с землянами имеют Ту'от и Каас. Среднестатистического Тхора (с ударением на «о») от простого урюпинского обывателя отличает количество зубов во рту, коих у ксеносов тридцать шесть штук и отсутствие волосяного покрова на теле, под мышками и в паху. Рудиментарная растительность у аборигенов с созвездия Плеяд осталась лишь на головах. В отличие от своих конкурентов и чего скрывать — врагов, Ту'от с прическами прощаться погодили, по цвету волос они могли конкурировать с героями японских аниме, и только острые треугольные зубы хищников в компании с четверками пальцев на руках и ногах не дадут причислить последних к Homo Sapiens.

Вернёмся к первым. В космос Тхора вышли тридцать одну тысячу лет назад. Около пяти тысяч годков потребовалось им на покорение сферы в сто световых лет и Плеяд в частности — звездного скопления, в состав которого входит система Атхор с семьёю спутниками, три из них земного типа. Ваар, Рохт и собственно Тхор — прародина древней цивилизации. За свою длинную историю Тхора испытали многочисленные взлёты и падения. Порою Тхортан — альянс или содружество колоний (тут как перевод ляжет), управляемых централизованным правительством, включал в себя до трехсот планет, а порой он скукоживался до десяти кусков грязи, вращающихся вокруг центральных светил. Рушились связи между мирами, приходили в упадок культура и ремесла, в муках умирала наука и колонии скатывались в средневековую дикость, но материнский мир вновь и вновь возрождался из пепла подобного фениксу. Возрождению шибко способствовали десятки орбитальных станций и крепостей, напичканные инфохранилищами и заводами по производству нанитов. Аналитики материнской планеты предвидели взлёты и падения, оставив потомкам множество автоматизированных помощников и памятников предыдущих эпох.

К моменту контакта Земли и Кааса, альянс миров Тхора испытывал очередной подъем, насчитывая порядка пятидесяти миров. Но сейчас рассказ не об истории и циклических периодах развития инопланетной цивилизации, а о причине перехода Богдана из разряда военных в гражданские специалисты. А причины крылись в правителях Тхора, которые пристрастились решать свои проблемы, таская каштаны из огня чужими руками. В тот раз любители пользоваться услугами варваров из окраинных миров для приведения в лоно альянса планет, «охваченных вирусом сепаратизма» остановили выбор на людях. Неудивительно, что в роли пушечного мяса часто выступали дикари с окраин Земной Конфедерации — варвары, привыкшие воевать и проливать чужую и собственную кровь, которая щедро оплачивалась новейшими технологиями и автоматическими орбитальными заводами. Варвары же охотно совершали подобный размен, заодно тренируя и обстреливая собственных военных и проводя испытания боевой техники. Вследствие сложного политического положения и других мелких и крупных нюансов, армия центральных миров вынуждена была оставить почти покоренные системы, освободив место наемникам. Оно и понятно, резать своих вроде как не комильфо, а тут центральные миры мало того, что сохраняют лицо, так еще выступают в роли голубей мира, демонстративно выдворяя «гуннов», сделавших всю грязную работу на ту помойку, из которой они вылезли. Глядя на подобные выверты, варвары изумленно крутили пальцами у висков, но закон чужого монастыря и уставов в нем никто не отменял. Ошибкой будет подходить к иной расе с человеческой моралью.

В тот раз на усмирение инсургентов официально «наняли» девятую отдельную

десантно-штурмовую бригаду вооруженных сил РФ, базировавшуюся на Ирий. Факт найма вызвал нешуточный скандал в палате представителей Конфедерации, после которого от мощных пинков под зад вылетели из своих кресел больше десяти человек в правительстве Земной Конфедерации. Россия выразила решительный протест, что ее без нее женили, но в ходе сопровождавших разбирательство подковерных интриг администрацию русского сектора вынудили пойти на уступки и выделить несколько военных частей для проведения спецоперации. Альтернатив русским не оставили: либо соглашаться на найм, либо во всеуслышание объявлять (со всеми вытекающими последствиями) о выходе из Конфедерации. Последнее, в силу определенных причин, тогда считалось преждевременным.

Флот под флагом контр-адмирала Сергея Иванцова, суда которого несли в своих чревах спускаемые модули для десяти тысяч штурмовиков, получил от представителей Тхора координаты нужных планет, покинул места постоянного базирования.

Целью операции по усмирению недовольных был Силур — колония Содружества, провозгласившая независимость. Центральные миры в созвездии Плеяд мало заботил тот факт, что Силур отделился полторы тысячи лет назад, когда Тхортан развалился вследствие очередной войны. Вышедшая в свободное плавание планета успела окунуться в средневековье, по прошествии времени самостоятельно выкарабкавшись в космос и присоединив к себе две системы. На беду силурцев, в глазах центрального правительства стратегическое положение колониального мира просто не предусматривало самостоятельности и никого из политиков не волновало, что некоторые думали иначе. Их участь, как всегда была решена в кулуарной тиши кабинетов.

Никто из парней и командования думать не думал, гадать не гадал, что на Силуре процветает самое настоящее махровое рабство, причем просвещенные потомки Тхора просто обожают подчиняющие ошейники, ментальное зомбирование и психокодирование. Как выяснилось позднее, Силур слыл одним из центров работорговли, где не делалось разницы между расами.

Если кратко, флотские и десантники пришли в неистовое бешенство, когда в инфоблоках и рекламных голороликах, принимаемых с планеты, разглядели девушек и детей с исчезнувшего пять месяцев назад туристического лайнера «Сатурн». Силурцы и посредники Тхора выкупили пленников у пиратов, превратив их в послушных марионеток и сексуальных рабов. Ничего предосудительного в своих действиях они не видели — это ведь варвары... Говорят, что генерала Маляра едва удержали от немедленного десантирования на планету с нейтронной гранатой в руках, когда он увидел ролик, в котором за приличную сумму продавалась его давно оплаканная и похороненная племянница.

По флоту прошел приказ пленных не брать... В кои-то веки Богдан был на двести процентов согласен с командованием. Десантные модули металлическим дождём посыпались на поверхность планеты. Рой штурмовиков камня на камне не оставил от систем противовоздушной обороны.

Сепаратистов зачищали жестоко, работорговцы уничтожались на месте вместе с домами, от базы пиратов и охотников за живым товаром, сданных торговцами с потрохами, осталось лишь быстро остывающее облако газа. Не пощадили русские и рабовладельцев. В лоно альянса Тхортан вернулся разоренный и залитый кровью мир. Силурцы не желали просто так давать свободу рабам. Другой менталитет, другая культура, традиции и мировосприятие. Никто не может приказать расстаться с личной вещью. Ах, вы требуете

дать «вещам» свободу?! Без денег и выкупа? Так знайте, что ментальные установки с «вещей» снять нельзя, обратное психокодирование возможно. Да, если вы так настаиваете, им дадут свободу... от жизни. Бах, и ошейник выполняет заложенную в него функцию, превратив биологический объект, бывший живой вещью и безропотной собственностью хозяина, в облачко пепла. Нет «вещи», нет проблемы, осталось отряхнуть руки. Силурцы не знали русской поговорки: «Как аукнется, так и откликнется». Откликнулось орбитальными бомбардировками и десантом в ключевых точках планеты.

Кто бы сомневался в последствиях. Галактическое сообщество осудило русских наемников, творивших неприкрытые зверства на мирной планете. Дипломаты обменялись нотами, девятая бригада лишилась командования и трети личного состава, с треском уволенного со службы. Власть имущие экстренно спасали репутацию.

Богдан только-только раскрыл клювик, ожидая пайку в виде капитанских звездочек и должности ротного, которую он фактически занимал последний год, но не срослось. Метла показательных репрессий в первую очередь выметала отличившихся в последнем инциденте, а рота Богдана «показала себя» при зачистке одного из комплексов планетарной обороны. Старлея попросили из армии, невзирая на безупречный аттестат и великолепные результаты по огневой и физической подготовке. Не помогло и третье место по снайперской стрельбе, заработанное месяцем ранее на армейских соревнованиях. Московские чиновники на Земле, исходя ядовитой слюной и суча ножками, требовали крови в прямом и переносном смысле. Засевшие на прародине министерские крысы рубили с плеча. Их стараниями от метрополии отвернулось большинство удаленных гарнизонов и баз флота. Сообразив, что они пилят сук, на котором сидят, тузы в министерстве обороны и в правительстве спохватились, но было поздно. Колониальные миры рассудили по-своему. Пару месяцев спустя, когда страсти поутихли, администрация Ирия приняла львиную долю уволенных штурмовиков во внутренние войска планеты, где они пополнили собой части специального назначения. Где-то пятая часть штурмовиков перекочевала на Лелю — третью планету русского сектора. Леля получила свое название в честь богини весны, первой зелени и цветов — дочери Лады. Благодаря благодатному субтропическому климату и богатейшим красно и черноземам, Леля законно делила пальму первенства с китайской Планетой Хань и Испанской Эльдорадо по поставкам продуктов сельского хозяйства на рынки Конфедерации. Стоит заметить, что многие офицеры и младший командный состав получили повышения по должности и увеличение денежных окладов, а между Звездным Флотом и центральным правительством РФ пробежала громадная черная кошка. Разлад усугублялся ещё тем, что военные и командование удаленных российских баз заручились поддержкой планетарных администраций русского сектора или, как его называют неофициально — Провала.

Между Земной Конфедерацией, куда официально входила Россия со звездными системами русского сектора и самим сектором, давненько тлели угольки конфликта. Показательная порка бригады, в которой основной костяк составляли выходцы с Ирия и Пандоры, только подкинула сухостоя в тлеющее пламя разногласий. Но Богдану уже было плевать на дразги между власть имущими. Благо старлей в отставке имел на руках гражданскую специальность и диплом о высшем образовании. Сообщение о приглашении отставника в ряды вооруженных сил Ирия или Лели, запоздало на полтора месяца, а потом и сам получатель решил про себя не соваться в одну и ту же реку дважды. В армии он побыл, пора откусать гражданских пирогов.

Неделю спустя после увольнения с действительной службы, отметившись в военном

комиссариате, молодой человек уже проходил вводный и первичный инструктажи в головном филиале ОАО «Спецэнергостроя». Едва только на горизонте засверкали молнии гнева «олимпийских небожителей», а по телеканалам начала всплывать вонючая пена «народного гнева прогрессивного сообщества», Богдан доверился возопившей интуиции, заблаговременно разослав резюме в различные фирмы. И не прогадал. Вместе с выходным пособием он получил около десятка приглашений на собеседования. Ознакомившись с бумагами, которые давно заменились «голографическими среами», парень остановил выбор на строителях. Последним до зарезу требовались инженеры, умеющие работать в открытом космосе, а бывший штурмовик подходил работодателю по всем статьям, тем паче у него в социальной карте стояли отметки о присвоении ему звания мастера-универсала и допуск на все типы скафандров и механизмов. Что-что, а на подготовке профессионалов войны армия не экономила, и каждая военная специальность дублировалась гражданской. Хороший абордажник обязан знать конструкцию и уметь применять множество различных устройств и механизмов..., ну, и скафандров, соответственно.

Неделю спустя новоиспеченный бригадир монтажников оказался на Остии — планете американского сектора, удаленной от Земли на полторы сотни парсеков. Потом были российская Пандора, китайская Хань, кааские Ррорух и Плора, на закуску шла внешняя граница Солнечной системы, а последним в карьере пустотного энергетика стал астероидный пояс одной звездной системы, не имевшей собственного названия, только каталожный номер и сеть гравитационных маяков. Впрочем, в простонародье систему кликали Дырой. Помотала Богдана нелегкая по галактике, нечего сказать. Единственным исключением для перспективного сотрудника «Спецэнергостроя» являлись звездные системы Тхора, где русские штурмовики, после неких событий, были официально объявлены персонами нон-грата и преследовались по закону. Слава богу, начальство предварительно знакомилось с личными делами сотрудников и заранее избегало лишних неприятностей.

Через четыре года от даты приема на работу Богдан Михайлович Северов возглавил отдел безопасности труда Второго Регионального Отделения «Спецэнергостроя». Казалось — живи и радуйся, но некоторым беспокойным индивидам покой только снится. В новой должности деятельный начальник отдела проработал менее двух лет по земному календарю, откуда был с треском уволен на вольные хлеба за отстаивание позиции о запрете работы в пустотных костюмах с просроченными сроками эксплуатации. Ещё ему инкриминировались финансовые убытки акционерного общества, возникшие вследствие постановления на прикол пары внутрисистемников. Конечно, в соответствующей графе социальной карты была внесена другая формулировка, но суть от этого не меняется. У изношенных внутрисистемных кораблей давно барахлили генераторные установки индивидуальных спасательных силовых коконов, брать же на себя ответственность и давать добро на работу развалюх в астероидном поясе «Дыры» Богдан не собирался. Великая Пустота никогда никому не спускала с рук пренебрежительного и наплевательского отношения к себе. За три года службы в армии, в мирное время, он четырнадцать раз провожал в последний путь пластиковые гробы с теми, кто забывал о коварстве черной бездны. Стоит недоглядеть, как вымороженные зубы Пустоты, не хуже ножниц древнегреческой Мойры Атропы, перекусывали нить человеческой жизни. Гроб с телом и плазменным зарядом плавно дрейфовал на километр от висящей в бескрайнем ничто базе, и на мгновение превращался в маленькую звёздочку. Родственники сгоревшего в звездном пламени получали символическую запаянную капсулу с прахом погибшего.

Пустотники одновременно не любили и уважали бригадира за его занудность, требовательность и... трепетное отношение к простым работягам. Богдан никогда не чурался влезть в «костюм» и самолично покрутить гайки, при сем не забывая гонять подчинённых в хвост и в гриву. А тут кабинетные маразматики, ни разу не выходившие в открытый космос, заставляли стража порядка закрывать глаза на безобразия. Начальство давило, но он упорно продолжал стоять на своем. Конфликт интересов налицо. Со всех сторон руководитель отдела безопасности труда был прав, выстроив круговую оборону из множества регламентирующих деятельность инструкций и правил, но современные условия диктуют новые правки. В трехмерном мире оборона должна быть не круговой, а сферической. Выставленные спереди и сзади щиты не гарантируют отсутствия нападения сверху или снизу. Гордиев узел разрубило дамкловым мечом основного постулата любой компании со строгой вертикалью власти, гласившего, что право всегда начальство. Если начальство не право — зрите в начало первого предложения. В случае беды руководство не виновато, для таких дел существуют стрелочники рангом ниже.

Естественно, самоуправства начальнику отдела, будь он тысячу раз прав, не простили. В конечном итоге его вздернули ржавым крюком за нижнее ребро по результатам аудиторской проверки, выявившей завышенный расход средств на аттестацию рабочих мест и приобретение новых регенераторов для жилых блоков вахтовых космических станций. Да тут ещё наложились «ничем неоправданные» простои развозчиков вахтовых рабочих..., и несанкционированная транспортировка к головной вахтовой станции крупного ледяного астероида. Сидящие на дне атмосферы быстро запомнили, что в космосе котируются несколько другие ценности, чем в кондиционированных кабинетах. Воздух и вода — вот главные из них, а полуторакилометровая глыба льда, состоящая из замерзшей воды, ценится дороже золота и топлива, затраченного на ее транспортировку.

Стараний Богдана не оценили. Раз выговор, два выговор, стопроцентное лишение всех премиальных в течение квартала кого угодно заставят написать заявление на увольнение по собственному желанию. Слабым утешением могло быть то, что прокуратура не имела к нему претензий, когда семьдесят три дня спустя в астероидном поясе «Дыры», из-за неисправности спасательных коконов одной из двух старых калош, которые опять выпустили в рейсы, погибло сто пятьдесят семь рабочих. Зато у работников Фемиды, навестивших Северова на Ирии, образовалось несколько дополнительных вопросов к региональному руководству «Спецэнергостроя», но людей-то уже не вернуть. Пустота не возвращает тех, кого сожрала...

Легкая вибрация лихтера отвлекла Богдана от воспоминаний. Царапая глотку когтями неприятных ощущений, к горлу подступила легкая тошнота. Тугой комок несколько секунд постоял у гланд, после чего неохотно вернулся на дно желудка. Сглатывая желчную горечь, он досадливо поморщился — столько лет летает, пора бы уже адаптироваться к взлетам с планет, но включение приводов с так называемым обратным вектором силы тяжести по-прежнему вызывает тошноту. В прошлом, бледная физиономия лейтенанта-штурмовика вечно давала пищу сослуживцам для дружеских подтруниваний над ним.

Корпус пассажирского отсека задрожал сильнее, за экраном внешнего обзора, который руками проектировщиков и дизайнеров удачно замаскировался под иллюминатор, разгоралось яростное сине-неоновое свечение выхлопа химических атмосферных движков. Транспортный бустер, волоочий на своем горбу десяток пассажирских модулей, включив комбинированную тягу, легко оторвался от забетонированной площадки международного

космодрома «Заячья балка». Поддавая метафорического уголька в топку антигравитационных приводов (хотя к антигравитации полтора десятка пятиметровых шайб, равномерно наклепанных на корпусе «толкача», на самом деле никакого отношения не имели) и, опираясь на раскаленные иглы, бьющие из раскаленных сопел двигателей первой ступени, размещенных под брюхом горбатого тягача, старая орбитальная калоша резво поползла вверх.

«Мерины» — грузопассажирские рабочие лошадки космодромов шестидесяти процентов человеческих миров, исправно служили своим создателям уже больше полутора веков. За столь солидный срок первоначальная конструкция претерпела множество мелких изменений и модернизаций, но основа челноков и узнаваемый профиль неизменно сохранялись. Удачная конструкция, простота эксплуатации и отличные технические характеристики сделали их безусловными лидерами среди долгожителей космофлота. За полторы сотни лет изделия орбитальной верфи «Вулкан» — самой большой искусственной звезды, светящейся в ночном небе Ирия, расползлись по всей галактике, частенько прописываясь в портах иных рас, с нарочитой ленцой плюсуя к своим наименованиям различные сдвоенные индексы. «Мерин ЭК» или «Сириус ЭТ», или ещё десяток наименований, где «Э» обозначало экспортную модель, а вторая и третьи буквы — варианты, адаптированные для определённой галактической расы. Изделия «Вулкана» и его многочисленных «сынков» и «дочек» пользовались стабильным спросом не только у людей. Простые и надежные, бывшие чуть сложнее огнеупорного или силикатного кирпича, они снискали заслуженную славу и популярность, поделившись ею с конструкторами и рабочими верфей.

«Мерин» упорно карабкался вверх, руки, лежащие на подлокотниках кресла, отяжелели. Появились небольшие перегрузки. Почти три «же». Ириец во втором поколении и не заметит, не то, что, как Богдан — в десятом, все же сила тяжести на планете больше стандартизированной земной «единички» в один и сорок семь сотых раза, да и компенсаторы на бустерах стоят отменного качества, великолепно сводя на нет перегрузки вплоть до тридцати «же». Обычно пассажиры перегрузки совсем не ощущают, но сегодняшний рейс маршрута АЛ-68 не совсем обычный. Девять из десяти пассажирских модулей целиком и полностью забиты военными — молоденькими лейтенантами и старшими сержантами, выпускниками институтов и училищ, за обучение которых платила армия, она же снимала все сливки с выпусков учебных заведений. А в десятом модуле на сто посадочных мест оказалось всего тридцать семь пассажиров, из которых половина тоже носила погоны. Четырнадцать неоперившихся юнцов — заготовок под будущих пилотов истребителей, штурмовиков и более серьезных судов водоизмещением за миллионы тонны и троица дядек Черноморов, надзирающих за «чудо-богатырями», чтобы юные защитники отечества ненароком не наломали дров и сами при этом не сломались. Из «черноморов» лишь один, крепко сбитый крепыш с майорскими звездами, мог похвастать усами. Рыжий, с нагловатой мордой, долговязый капитан и каштановолосый, располагающий к себе голубоглазый старлей чуть ли не хрустели гладко выбритыми физиономиями и на весь салон распространяли запах терпкого мужского парфюма с толикой аромата дорогого марочного коньяка. Напиток богов, свято соблюдая правило быть пьяным с утра, сопровождающие успели дерябнуть перед стартом и теперь релаксировали. Майор, запрокинув голову, тихонько посапывал в две дырочки, а капитан со старлеем заговорщицки перешёптывались, с кривыми ухмылками наблюдая за попытками «корнетов» подкатить к стайке симпатичных

девчонок, занявших кресла в передней части салона. Девчонки строили из себя недотрог, но, поощряя ухаживания, всюду постреливали глазками.

«Мерин» прибавил тяги. Видимо, пилоты тягача решили вспомнить молодость и славные армейские традиции, знаменитые своим показательным пренебрежением к различного рода компенсаторам и любовью к лихим стартам на форсаже. Кого угодно заест скучный быт челноков: на орбиту и обратно, с орбиты вниз и опять наверх, а так хоть какое-то развлечение, все равно вояки жаловаться не будут — свои люди.

Богдан, взяв пример с усача, прикрыв ладонью рот с оттяжкой зевнул, и устроился поудобней. «Корнеты», периодически озираясь на старших офицеров, держались в рамках приличий и не позволяли себе лишнего.

Сейчас «лошадка» доскачет до предписанной диспетчером орбиты и скинет груз с горба, где он будет около часа болтаться в невесомости, пока «коробчонку» с тушками космических лягушек путешественниц не подберет рейсовый лайнер. Пассажиры с модуля перейдут на борт судна, а прибывшие на Ирий займут нагретые кресла в герметичном катафалке на сто посадочных мест, который потом отстреляет от шлюза причальной палубы и передадут в нежные стыковочные захваты тягача, носящего гордое имя — «Мерин». Пассажирские громады редко когда опускаются на дно атмосфер, если только в аварийной ситуации. Не приспособлены километровые сигары со вставленной в ж..., хвост ажурной люстрой с дюжиной гипердвигателей и водоизмещением в один миллион шестьсот тысяч тонн для посадки на планеты. Военные жестянки, те да, те проектируют и строят с учетом посадки в непригодном месте. Армейские «птички» при необходимости и при должном мастерстве пилотов могут плюхнуться в болота или занять «наседы» в скалах. Так и требования у армии другие, и задачи иные. Чего греха таить, при нужде гигаваттные лазерные установки или плазменные орудия и болото высушат, и скалы подравняют. Кроме армии универсальные корабли намного меньших размеров используются для грузоперевозок, хотя последнее время контейнеровозы, особенно следующие транзитом, просто оставляют груз на орбите, откуда его забирают трудяги «Мерины» и их многочисленные собратья. По аналогичной технологии протекает обратный процесс.

Три минуты — полет нормальный. Отпिनываясь от атмосферы и языков плазмы, тягач тянул в благодатную прохладу открытого космоса. Периодически позевывая, Богдан краем уха прислушивался к трепу офицеров, оккупировавших кресла в соседнем ряду. Бравые парни, жены и подруги которых остались дожидаться своих сильных половин в «далекой гавани», мигом ощутили себя занятыми «казановами», включившись в процесс обсуждения статей девчат, возглавляемых фигуристой дамой бальзаковского возраста.

— Как вам ляльки?

— Что? — вначале Богдан даже не сообразил, что каштановолосый старлей с рваным шрамом за левым ухом, который едва-едва прикрывался ежиком коротких волос, обращается к нему.

— Клевые девчонки, говорю, — пояснил сосед, и тут же протянул руку:

— Данила.

— Богдан, — представился в ответ Северов, пожимая крепкую ладонь.

Бросив ленивый взгляд на юных дам, ставших центром внимания бравого воинства и заслуживающих самых высоких оценок от любого нормального мужика, Богдан скептически хмыкнул, и отрицательно покачал головой:

— Дохлый номер, не прокатит, — однозначно высказался он.

— Да ну? — откровения гражданского заинтересовали рыжего сослуживца Данилы. — С чего такие скоропалительные выводы, мужик?

— Ты, капитан, грудь-то не надувай, — осадил его Богдан, что поделать, ему с детства не нравились рыжие. Быть может из-за того, что среди коренных ирийцев рыжих не встречается? Обладатели огненных шевелюр обычно сваливались на просторы колониальной планеты с метрополии или с центральных миров. О какой любви может идти речь при встрече городского пижона и деревенского механизатора? В лучшем случае молчаливое обоюдное презрение, в худшем — мордобой. — Вы, пилоты, парни конечно резкие и в чем-то даже удачливые, но сегодня не ваш день.

Спустя несколько секунд ему внимала добрая половина парней.

— Видите ту леди? — Северов взглядом указал на среброкожую матрону с отличной фигурой, что орлиным взором надзирала за длинноногим и аппетитным выводком. Пилоты покивали. — Так вот, братцы, вся ваша шайка ей на один зуб, а ежели кто вздумает распускать руки, и тянуть их к ее девочкам, тот рискует навсегда лишиться грабок и навечно прописаться к стоматологу. Оторвёт напрочь и выбьет нахрен. Ладно, если переломами или свернутыми челюстями закончится, считайте повезло и вы легко отделались. Суровой леди ничего не стоит оторвать вам «бубенчики», засунуть их глотки жертвам кастрации и заставить проглотить. Причем все это будет сделано с милой улыбкой и с добрым укоризненным взглядом. После этого вам никакие доктора и регенерирующие капсулы уже не помогут.

— Откель дровишки? — задал вопрос капитан. — Или фигуристая куколка успела познакомиться с твоими яйцами? Состоялся, так сказать, контакт третьего рода с печальным итогом?

— Тебя как зовут, капитан?

— Меня не зовут, я сам прихожу, а родители Андреем Михайловичем нарекли, — усмехнулся не в меру наглый пилот.

— Ну, до Михалыча тебе, Андреем нареченный, ещё расти и расти, переть, как до Земли раком, а с Региной, — Богдан сделал ручкой суровой даме, в ответ получив кивок и открытую белозубую улыбку. Пикантные ямочки на щеках матроны коренным образом преобразили суровую надзирательницу в очаровательную женщину, которая знает себе цену, — я имею честь быть знакомым два года. Девочка она со всех сторон положительная и серьезная, но с тонкой душевной организацией (пилоты, внимавшие Богдану, дружно оглянулись на Регину, пытаясь высмотреть в ней оговоренную «тонкость», не высмотрели), крокодильими слезами плачет, когда очередного кобеля затаптывает. Региночка десять лет во второй штурмовой бригаде инструктором оттрубила. Потом перевелась в отряд «Вихрь», что базируется на Ляле, или перевели, подробностей не знаю. Приходилось слышать про этих суровых парней? Не отвечайте, по глазам вижу, что приходилось. Теперь вы заочно знакомы с бывшим заместителем командира «Вихря» по воспитательной работе. Вы не смотрите, что она чуток поправилась после выхода в отставку, навыков профессионального киллера товарищ подполковник не растеряла. Да ей проще вас заранее в расход вывести, чем потом, до окончания контракта, стажерок на Ирий по беременностям списывать. Я вас предупредил. Ферштейн? Андестенд ми? Делайте выводы, господа.

— Да ты что, правда, что ли? Крутая телка, как я посмотрю, — весело осклабился рыжик Андрей, который Михайлович. — Бой баба!

Пилоты содрогнулись, не помог даже плоский юмор капитана с метрополии. Регина

махом приобрела тысячу пунктов репутации в их глазах. Отсутствием воображения никто из ребят не страдал. Картины, нарисованные в разумах людей с погонами, были страшнее Армагеддона и последнего дня Помпеи вместе взятых. Каждый из них в красках и в трехмерной проекции представил себе, что с ним персонально может сотворить бывший заместитель командира отряда «Вихрь». И каким надо быть воспитателем, чтобы держать в ежовых рукавицах отъявленных головорезов. Мысли о девочках завяли быстрее прошлогодних помидоров. Богдан про себя покатывался со смеху, наблюдая за потерявшими лоск пилотами.

— Ильин, Качуров, уймись уже и «зелень» уймите или я вас в реале пташке на расправу отдам, — продрав глаза, майор взялся наводить порядок.

— Какой пташке? — сунулся кто-то из пацанов.

— Не пташке, а «Пташке». «Пташка» — это позывной подполковника Птицыной, правда в те времена она была одного со мной звания. — Снизойшёл до объяснения главный «Черномор». Операция «Черная луна», внешние рубежи, вторая штурмовая зачищала сектор от пиратов. Я тогда служил вторым пилотом десантного крейсера, хм, заberi меня пустота, забавное совпадение. Вторая бригада, второй пилот. Веселое было времечко...

Взгляд майора острым буравчиком впился в лицо Богдана, несколько секунд спустя в глазах командира разбитной шайки пилотов мелькнуло узнавание. Странно всё это, Богдан мог бы на любимом персональном скафе о встроенной системой анабиоза поклясться, что до сего дня не имел чести быть знакомым с майором.

— Слышь, земляк, — майор забавно, словно городской голубь, склонил голову на бок и поиграл желваками, — а ты в каком звании в отставку ушёл? — не дав Богдану вставить слово, он продолжил, попутно спасая бывшего штурмовика от закладки любимого скафандра в ломбард:

— Помнится мне, у тебя, дай бог памяти, погоны с тремя звёздочками были. Да ты не хмурься, а то дырку во мне взглядом пробуришь. Я тогда сам только-только после лётного был. Сопливый летёха. Второй, хе-хе, пилот десантно-штурмового бота. Наша эскадрилья твою роту на планетарный комплекс сбрасывала, вот и запомнил. Да, прости, Егор.

Майор пересел на соседнее с Богданом кресло и протянул лопатообразную ладонь. Пожатие у него было крепким, мужским, а рука шершавой, с жёсткими мозолями на подушечках. Казалось, будто старый пилот больше привык тягать железо и работать физически, а не нежно держать чувствительные джойстики управления космических аппаратов и тыкать пальцами в сенсоры панелей управления.

— Богдан, — второй раз за вечер представился Северов, тихонько радуясь, что его паранойя в этот раз ошиблась. Как ему неприятно было вспоминать, но новый знакомец ждал ответа. — Да, не ожидал. Не скрою. Корабли в море не сходятся, а тут люди в космосе, не галактика, а деревня... Старлеем и остался. Не заработал, слишком повеселился внизу.

— Пошто так? — оторопел летун. — Штурмовики растут быстро..., а-а-а..., точно, — посмурнел Егор, вспомнив гонения на собратьев в военной форме после экспедиции к Силуру. — Ваши ребята давали с-с... жару, Силур до сих пор третий комплекс забыть не может.

— То-то мне каждый третий день икается. Всех в уме перебрал, а оно вот оно что, — улыбнулся Богдан. — Теперь буду знать.

— А что на Лелю не перебрался? — допытывался любопытный майор.

— Скажем так, очень сильно я там повеселился, очень. Видишь, до сих пор икаю, да и

поздно про меня вспомнили, а жрать каждый день хотелось. Деньги, брат, из воздуха не берутся, зато навыки на гражданкегодились. Тысячу раз нашего полкана-горлодёра поблагодарил. Суровый был мужик, царство ему небесное. Знаешь, Егор, чтобы закрыть тему, я не о чём не жалею. Давай не будем ворошить прошлое.

— Как скажешь, — пожал плечами старший над безусыми гардемаринами, — а с «Пташкой» как схлестнулся?

— С Региной?

— С ней.

— Ну, — Богдан улыбнулся, — наша Мама Рега, командует над навигационной службой и маркшейдерами-пространственниками, ну, и пространственницами тоже.

— И как?

— Чуть что, в рыло.

— Да? — майор с сомнением посмотрел на очаровательного подполковника в отставке. — Как считаешь, может действительно предупредить молодёжь?

— И лишь меня удовольствия лицеизреть представление? Не советую. Егор, свои шишки они пусть набивают сами. Нарабатывают, так сказать, рефлексy.

— Твоя правда. Значит, занимаем места согласно купленным билетам. Да, если не секрет, а где? — майор неопределённо покрутил рукой.

— Тоннельный отряд, — не раскрывая номера, ответил Северов. — Рэерскую область, или Аюй — мне так привычней, ковыряем помаленьку.

— Хм, — пилот понимающе кивнул.

— Хм, — в унисон хмыкнул Богдан.

Путешествия на Аюй не пользуются особой популярностью. Что там говорить — совсем не пользуются. Одна пассажирская лоханка в неделю и пара — тройка армейских транспортов в декаду. И всё. Пиратов и контрабандистов никто не считает. Российские пограничные посты предпочитают развеивать последних на атомы. Были, понимаешь, прецеденты, а так со всех взятки гладки. Да кто будет проверять боезапас? Спишется на учебные стрельбы.

Аюй — ничейный кусок галактики, сфера в пятьдесят девять светолет, расположенная в двухстах парсеках от Ирия. Совсем недалеко по галактическим меркам, почти задний двор. Аюй так и просится, чтобы его захапали либо земляне, либо Каас, чьи сектора он разделяет, но ни первые, ни вторые, ни Роух — потомки кошек, ставших на задние лапы и вышедших в космос, интереса к бесхозному имуществу до поры до времени не проявляют. А все дело в том, что несколько миллиардов лет в центре бесхозного «пустыря» столкнулось несколько звезд, некоторые умники считают, что там устроило галактический фейерверк небольшое звездное скопление, но не суть важно. С момента окончания катаклизма успела образоваться Земля, сгинуть динозавры, появиться человечество, но последствия светопрествления аукались до сих пор. Гигантская гравитационная аномалия на корню рубила планы колонизации сектора и прокладки торговых маршрутов.

Не считая чёрных дыр, есть в галактике большие и малые зоны, в которых отказывались работать, привычные людям, законы физики и пространства. В этих местах гиперпространство становилось «вязким», нивелируя тяговые импульсы подпространственных двигателей. Если в обычном космосе корабль прыгает на светомесяц, то в зоне едва-едва на три или четыре светочаса.

Одной из таких зон с чёткой границей гравитационной аномалии был Провал,

включавший в себя три планеты из русского сектора — знаменитую троицу: Ирий, Лелю и Пандору. Положительной стороной было то, что аномалия служила русским настоящим природным щитом. Ни один флот не войдёт в зону незамеченным. Второй «тёмной областью» заслуженно слыл Аюй. В зоне, особенно ближе к центру, гравитационные потоки взбрыкивали, словно необъезженная лошадь, а движки самых крупных межзвездных судов отказывались генерировать импульсы мощнее, чем на светочас. Теперь представьте себе, сколько времени потребуется для преодоления сферы в шесть десятков светолет. То-то же. Поэтому перспективный со всех сторон кусок галактики пустовал бесхозно. Бесхозно, пока за дело не взялись транспортные компании, уставшие терпеть издержки и убытки на облёт проблемного участка. Экономисты посчитали затраты и выгоду от инвестиций и пришли к заключению, что деньги на строительство транспортного тоннеля окупятся через десять лет, максимум пятнадцать: причём в самых неблагоприятных условиях. Пятнадцать лет понадобилось на проектирование и поиск инвесторов, и вот когда был сформирован портфель заказов, и пробито финансирование, на авансцену вышли тоннельщики.

Наверно стоит остановиться на том, как осуществляются гиперпространственные перемещения судов с «прыжковым» приводом и как работают тоннели.

Сотни лет назад, когда человечество только-только выбралось за пределы атмосферы и ещё не успело загадить околоземное пространство космическим мусором и спутниковыми трупами, фантасты и некоторые учёные изящно обобщили теорию Эйнштейна. Теоретики от литературы и науки предположили, что субсветовых скоростей можно достичь путём свертки пространства. Первыми за идею ухватились писаки, наводнившие книжные полки и космос многотысячными флотами и звёздными королями. Горели планеты, взрывались звёзды, рождались и рушились галактические империи. Никто предположить не мог, и в дурном сне никому не приснилось, что теория окажется недалеко от истины. Флот Каас, осуществивший первый официальный контакт землян с иным разумом, прибыл в Солнечную систему на кораблях именно с гиперпространственным приводом.

До сих пор учёные множества галактических рас затрудняются дать точное определение гиперпространства, впрочем, сей занятный факт не мешает использовать его свойства. Обычно, самый элементарный, «прыжковый» привод состоит из четырёх отдельных двигателей, генерирующих мощное поле, способное «прокалывать» пространство. Глубина «прокола» зависит от мощности движка. Вся соль в длительности импульса, разрывающего метрику пространства. Ни один, даже самый мощный двигатель не может выйти за планку, ограниченную одним светомесiacем, поэтому суда комплектуют несколькими двигателями, собранными по «люстровой» схеме. Импульсы генерируются последовательно, то есть, работа двигателей должна быть синхронизирована так, чтобы конец работы одного движка, синхронизировался с началом генерации импульса другого и так по кругу. Это, так называемая классическая схема. Для достижения большей скорости и сокращения времени полёта, двигатели собирают в парную или тройную группы, и тогда их общее количество может достигать двадцати четырёх штук. Попытки напихать движков побольше, упираются в следующие ограничения: мощностью реакторов, расход топлива и вес болванки, то бишь судна, которое пропихивается через иное измерение. Общеизвестно, чем больше вес, тем сложнее вести корабль в гиперпространстве. Расход топлива и загрузка реакторов возрастают в разы. Говоря словами небесной механики, железные корыта, бороздящие пространства галактики, работают на принципе «внутреннего» прокола, в данном случае, каждое судно является само себе велосипедом.

Схема «внешнего» прокола находится на вооружении у тоннельщиков. Классический тоннель состоит из так называемых тоннельных колец двадцати километров диаметром. На кольца монтируются реакторы и импульсные генераторы, которые создают прокол пространства в центре очерченного железными фермами круга. Понятно, что в случае «внешнего» прокола ограничения в весе и внутренних источниках энергии отпадают сами собой. На кольцо можно навесить хоть сотню импульсников и тысячу энергетических реакторов, если будет мало, увеличиваем диаметр кольца и добавляем ещё. Схема, конечно, усложняется и синхронизации добиться труднее, но в условиях гравитационных аномалий идут и на такие жертвы. Космический корабль, пролетая через центр кольца, получает своеобразный пинок, которого хватает на преодоление определённого отрезка пространства, где его подхватывает второе колечко и отправляет к третьему, и так дальше по этапу. Работа всего тоннельного комплекса, в который может входить как десять, так и сто колец, управляется из общей диспетчерской, благо аномалии практически не мешают работе передатчиков и приёмников станций грависвязи. На шестьдесят световых лет аномалии Аюя, согласно расчётов и проекта, уйдёт тысяча двести колечек. Теперь представьте объём и стоимость работ. Понятно, что распил бабок будет, никуда от этой порочной практики не деться, но вложения в любом случае окупятся.

В торгах на право строительства тоннеля схлестнулось три десятка компаний и холдингов со всех уголков известной галактики. На удивление и разочарование многих, в конкурсе победил российский трест с головным офисом на Ирии. Русские, дабы вы знали, имеют колоссальный опыт в данной области. В «Провале» понастроено больше двадцати тоннелей. Ровным счётом — двадцать семь. Можно сказать, что медвежий угол, в котором всего три населённых планеты земного типа обладает самой развитой «дорожной» инфраструктурой в галактике.

Девяносто лет назад Роух попробовали откусить кусок русского сектора, и были неприятно удивлены мгновенно нарисовавшимся перед ними флотом. Пока им не накрутили хвоста, кошки сдали назад. Политики и дипломаты быстренько списали инцидент на недопонимание. Кошки принесли официальное извинение и больше не совались к Провалу. А секрет в том, что тоннелям плевать на гравитационные ямы и возмущения, поэтому переброска войск осуществилась моментально. К тому же Провал в пять раз меньше Аюя.

— Эй, земля, — майор толкнул Богдана в плечо. — Смотрю я на тебя и девчонок и никак понять не могу: вы же, вроде, гражданские, ну, кроме некоторых, а повадки у большинства..., такое чувство, что у вас там головорез на головорезе сидит.

— Не переживай, Егор, если что, девочки твоих парней не больно зарежут. Только разглядел? — спросил Богдан. — Только ты никому не говори, хе-хе. Тут дело такое, там ведь кроме Великой Пустоты и шальных контрабандистов никого нет, да и персонал, в основном, из бывших. Армейцы и пустотники. Да-да, из тех, кто привык месяцами сидеть в консервных банках внешних баз или на стройках в открытом космосе. Специфика, сам понимаешь. Прессинг страшный, психологи каждого отслеживают. У нас комиссия — десантура позавидует. Поработай-ка изо дня в день в скафандре. В некоторых районах вахты через неделю меняют, особенно в глубине сектора. Жесткое излучение..., что там рвалось миллиарды лет назад..., до сих пор фонит, да и с оружием обращаться каждого учат, ведь хрен его знает, что и кто там сидит. Сектор никто реально не исследовал. Бывали случаи..., шальные залётные пробовали отряд за волосатый сосок прихватить. Приходилось стричь баранов. А кто их знает, что там, в центре сектора? Экспедиции по краю не в счёт.

Бережёного, оно, сам понимаешь, Бог бережёт. Пушки не игрушки, вот и приходится соответствовать: комиссии, экзамены и физподготовка. Не все, конечно, поголовно сдают нормативы..., но начальство поощряет и дополнительно стимулирует звонкими «шевелюшками». Это я не упоминал боевые модули на внешних сторонах колец и противометеоритную защиту никто не отменял.

— Серьёзно у вас.

Богдан пожал плечами.

— Издержки профессии. Зато оплата достойная, могу составить протекцию. Пилоты нам позарез нужны, ты подумай, Егор. Ставка — пальчики оближешь, надбавки, премии: квартальная, годовая, за выслугу.

— Ничего не обещаю, но за подумки денег не берут, скинь инфу на чип. Пенсия-то не за горами, а я ничего, кроме члена и штурвала в руках не держал. Бабские сиськи не считаются, а так, да..., всю жизнь в каске, а у вас буду как дома себя чувствовать, и свою «старушку» перетащу. Ей тоже через год на пенсию. Врачи вам треба?

— Спрашиваешь.

— Вот и хорошо, вот и ладушки.

Майор протянул чип. Через минуту, довольный итогами разговора, пилот вставил носитель информации в разъём вживлённого кибермодуля.

— Неплохо. Очень неплохо, — выдавил он, считав информацию. — Великая Пустота, в армии бы так платили!

— Не слишком радуйся, не забывай, подобные ставки только в дальних секторах и Аюе.

— Всё равно впечатляет. Так что жди, земля.

— Жду. Твои контакты я себе перекинул. Смотри не передумай, а то я слово замолвлю и пустобрехом, не дай Тьма, потом окажусь.

— Не бойсь, солдат ребёнка не обидит.

Над головой заскрежетало. Богдан скосил взгляд на экран. Так и есть — яркие глазки звёзд накрыла сверкающая разноцветными огнями громада пассажирского лайнера. Гигантский корабль завис над модулем, «выстрелив» стыковочными захватами с кабелями энергопитания. Ещё раз противно скрежетнуло. Дважды моргнул свет и через секунду, одарив людей кратковременной неприятной тошнотой, включились блоки искусственной гравитации, на которые было подано питание, но пассажиры не спешили покидать кресла.

Богдан чуть приоткрыл рот. Выравнивание давления всегда неприятно отзывалось на ушах, вроде небольшая разница, но на перепонки давит. В салоне густо запахло лекарствами. Тоже понятно — без санобработки никуда. На Флейме и Земле своих бацилл хватает, чтобы тащить туда ещё заразу с Ирия. Аналогично с обратным обменом. Бактериологи отнюдь не обрадуются мутированному в космосе подарку с исторической родины.

Между рядами кресел появились голограммы длинноногих стюардесс, светивших белозубыми улыбками. Трёхмерные проекции благодарили за выбор компании и просили приготовить посадочные карточки.

— Какой уровень? — хлопнув себя по нагрудному карману, спросил Егор.

— «С», первый класс, — кратко ответил Богдан.

— Неплохо, жируете, господа тоннельщики. Ладно, земляк, держи краба, — Богдан пожал широкую ладонь пилота. — В спортзале увидимся. Составишь компанию?

— Какой вопрос, — отстёгивая ремень, ответил бывший штурмовик. — Свяжемся через информаторий.

— Договорились. Так, Качуров, што тут за бардак, давно на киче не сидел? Что «товарищ майор»? Собирай «зелёных», пока им девчонки не наваляли. Товарищ полковник, — майор приложился губами к ручке Регины. Мама Рега улыбнулась командиру военлётов. Глядя на её улыбку, Богдан ощутил укол ревности и желание съездить новому знакомцу по физиономии. Чтобы не доводить до греха, он отвернулся в сторону, пропустив быстрый взгляд женщины в его сторону. Между тем майор продолжал вещать:

— Прошу извинения за моих подчинённых. Никаких манер. Позорят Флот, мерзавцы. Да-да, вы правы, им ещё предстоит узнать, что тут им не там, а то распустились, понимаешь, в училищах. Понты сплошные, никаких понятий о безобразиях. Ничего, на базе салагам привьют понятия о дисциплине. Я их лично в кабинах спарок замордую. Честь имею!

Майор ещё раз приложился к ручке Регины и, выстроив своё воинство, повёл его к переходному тамбуру. Некоторые из девчонок успели сунуть паре счастливиц записочки с инфоадресами. Богдан дождался, пока уйдут военные, подхватил с багажной полки свой баул и сумку Регины и, с независимым видом, направился следом, не видя загадочной полуулыбки красивого полковника в отставке. Если верить корабельному информаторию, то каюта коллеги находилась рядом с его временной жилплощадью. Восемьдесят шестая и восемьдесят восьмая соответственно. Богдан на всякий случай проверил карточку: нет, всё правильно. Одноместные номера указаны верно. У девчонок двухместные каюты палубой ниже. Хм, обычно администрации бронировала места сотрудникам на одном уровне. Может, не было билетов? Всякое случается, рейсы на Аюй не пользуются особой популярностью, но конкретно этот совершает длинный крюк через Землю и ещё пару центральных планет, и всегда заполнен чуть ли не до отказа, да в связи с выпуском курсантов в военных заведениях, армией забронирован эконоом класс. Поэтому могли возникнуть определённые напряжения и накладки. Хотя Регина брала билеты заранее...

— Сумка у меня, заберёшь, как устроишь «цыпляток», — обернувшись на ходу и подмигнув юным красавицам, сказал Богдан Регине.

Ничуть не обидевшись на сравнение с желтоклювыми птенцами, девушки заулыбались.

— Только попробуй стащить мои стринги! — шутливо пригрозила Регина.

— Забываешься, солнце, я нюхаю бюстики, — под весёлое хихиканье прекрасной половины человечества, состроив похотливое выражение и взглянув на объёмную сумку полковника взглядом записного извращенца, ответил Богдан, припустив чуть быстрее. С Регины станется вклеить между лопаток.

— Ну-ну, маньяк, встретимся тёмной ночью на узкой кровати, я тебе сливной краник на деревянную ножку двойным узлом намотаю, — пустила она «парфянскую стрелу» в спину убегающему Богдану. Эта может. Эта наматает.

— Ваша карточка! — остановил Богдана стюард. Получив искомое, он провёл ею над считывателем биометрических параметров:

— Всё в порядке. «С» — уровень лифт номер три, проходите, пожалуйста. Спасибо, что выбрали «Аэрос».

Забрав карточку, ставшую после регистрации универсальным ключом и расчётным средством, Богдан молча кивнул стюарду. В лифте, тонко, едва уловимо пахло мускусом. После внимательного осмотра по сторонам, в правом углу у зеркала было обнаружено несколько коротких двуцветных волосков. Да и характерный запах говорил сам за себя — Роух.

«Кошки» давно облюбовали земные и российские авиакомпании, с их помощью

путешествуя по галактике. На удивление многих скептиков и недалёких потомков западных демократий, у русских с Felidaеподобными* пальцеходящими ксеносомами было намного больше общего, чем с похожими на людей гуманоидами Каас. Планеты Русского Сектора давно активно торговали с окраинными доминионами Роух. Вёлся оживлённый культурный и научный обмен, развивался туризм. Маститые исследователи английского и американских секторов терялись в догадках, пытаясь объяснить непонятный феномен. Каас скрипели зубами, но боясь потерять союзника, вмешиваться опасались. Мозголомам и заклётым друзьям было невдомёк, что у жителей Провала и прямоходящих хвостатых-полосатых одинаковая ментальность и схожий взгляд на окружающий мир. Вследствие чего рождалось родство душ, которое представители таких разных галактических рас интуитивно ощущали друг в друге. Во Фронтире — пограничном секторе космоса, существовал пяток планет, которые находились в совместной разработке роух и российской колониальной администрации. Никого там не удивляли смешанные города и полицейские подразделения, состоящие из представителей двух рас. Люди и роахири, если пользоваться самоназванием роух, прекрасно сотрудничали, дружили семьями и прайдами, веселились, праздновали праздники.

Окраинные доминионы роахири так же испытывали давление центра и главенствующих прайдов. Как же, якшаются с врагами, но «обезьяны» и «кошки» пограничных миров дружно плевали на окрики сверху. Никто на местах не вспоминал, что люди, воевавшие на стороне каас, дважды давали «кошкам» хороших люлей. Именно люди, а точнее, выходцы из России, пятьсот лет назад, составлявшие девяносто восемь процентов численного состава третьей армейско-тактической группы, в последствие превратившейся в знаменитый Третий Флот, на старых звездолётах, которые союзники, используя принцип: «На тебе, Боже, что нам негоже», отдали «варварам» и на древних атмосферно-космических истребителях, переделанных доморощенными «Кулибиными» в штурмботы, хорошо вломили роахири в сражении при Грумарте, чем окончательно переломили ситуацию на звёздных фронтах в пользу каас. Современный флот наголову разгромили старыми калошами, а само сражение, по истечении лет, вошло во всевозможные учебники и наставления по тактике, которые читали в армейских образовательных учреждениях галактических рас.

Двести семьдесят четыре года спустя разразилась очередная война, в которой Земная Конфедерация привычно выступила на стороне «благотворителей». Каас и Роух сцепились за право обладания Ороро — небольшим звёздным скоплением, главное богатство которого составляли десять планет земного типа с кислородосодержащими атмосферами и водой, что само по себе большая редкость, даже в бескрайних масштабах космоса. Десять планет на небольшом пятёчке в полтора световых года — это сильно. Приличный кус, чтобы сцепиться за него с конкурентом. Глядя через призму истории, роахири, как первооткрыватели миров, имели на новые планеты больше прав, но история не знает сослагательного наклонения, и Третий Звёздный Флот, базировавшийся на Ирий, выдвинулся на передовые позиции на границе Провала, нос к носу столкнувшись с четвёртым и одиннадцатыми мобильными корпусами роух. На расстоянии в четыре с половиной световых года от Лели разгорелось ожесточённое сражение космических армад и вновь звезда венного счастья, и удача улыбнулись людям. Преследуя отступающих, третий флот, на хвостах противника, ворвался в Центральные доминионы Роух. Правители «кошек», испугавшись масштабного вторжения и угрозы десантирования наземных войск, запросили перемирия. По итогам скоротечной войны, каас стали обладателями семи из десяти планет, роахири сохранили за собой три

системы, землянам и русским, в частности, не досталось ни одной. В тот раз между союзниками пролетела большая чёрная туманность. Она не была первой, но именно после Орорской войны между галактическими соседями и «друзьями на век» обозначился раскол, углублявшийся с каждым десятилетием. Каас привыкли относиться к людям, как к наёмникам, варварам или пушечному мясу, которое должно быть вечно благодарным за то, что его вытащили в большой космос. Нет, конечно, на официальном уровне всё было красиво и пристойно, но стоило отойти за фасад большой политики, как сразу обнажалось её непристойное дно и скрытые витиеватыми словами мерзости. За три века от Первого Контакта, Земная Конфедерация набрала реальную силу, превратившись из объекта политики в субъект, который требовал считаться со своим мнением и имел личные интересы в различных уголках галактики. Старшие расы упустили момент, когда древние корыта, отданные землянам за ненадобностью, сменились у них на современные суда различных типов, а звёздные системы обзавелись мощными планетарными крепостями. Древние технологии были творчески переработаны и получили новое развитие, зачастую опережая то, что имели завзятые галактические корифеи. Те же Роух, на свою беду, наткнулись на несколько неприятных сюрпризов в виде подвижных минных полей с глюонными зарядами, гравитационными радарам, блоками определения свой-чужой и одноразовыми импульсными двигателями. Из-за малого размера и ничтожной массы обнаружить такое поле практически невозможно, пока не начнут работать импульсники, а потом кричать «караул» становится поздно. Когда каждая «ячейка» содержит до сорока мин, то процент выживаемости угодившего в ловушку корабля начинает стремиться к нулю. Хотя одна из мин да бахнет рядом с несчастной металлической скорлупкой. На сём корабль списывался в металлолом, а экипаж отправлялся в райские кущи.

Осознав, что юный дракон вот-вот сорвётся с привязи, каас начали активно вколачивать клинья между конфедератами, нащупав беспроегранный вариант разведения по разным берегам по национальному признаку. Год за годом, десятилетие за десятилетием и англо-саксонские сектора стали косо поглядывать на русских, как всегда «отхвативших» себе самые богатые области пространства...

Неприятно скрипнув, скоростной лифт остановился. Перекрывая транспортную шахту снизу, глухо хлопнули лепестки межпалубной диафрагмы.

— Уровень «С», — раздалось в динамике приятным женским голосом. Непонятно кому кивнув, Богдан шагнул в открывшийся проём.

— А ничего так! — присвистнул он, очутившись в богато обставленном холле.

На двух боковых стенах качественная имитация под обзорные окна, ковровое покрытие, мягкая мебель, фонтанчик с рыбками, кадки с радужными лианами, фигурно заплетающими один из углов, и дарящими неповторимый аромат морских лилий Лели.

— Добро пожаловать!

Богдан улыбнулся краснокожей красавице за стойкой ресепшена, в которой без труда угадывалась уроженка Пандоры. Отличительной особенностью чистокровных пандорцев была красная пигментация кожи.

— Здравствуйте, Екатерина, — прочитав имя на бейджике, ответил на улыбку Богдан, протягивая карточку дежурной по «этажу». — У меня восемьдесят шестая каюта.

— По коридору налево, — ответила девушка. — Третья дверь после второго обзорного холла.

— Катя, можно вас попросить на пару секунд открыть дверь восемьдесят восьмой

каюты, — приподняв сумку Регины, сказал Богдан. — Моя коллега сейчас устраивает подчинённых, её вещи сразу бы поставить в номере, а не таскать за собой.

— Хорошо, пройдёмте. У вас номера с питанием. Ресторан на уровне «А», два кафе на нашей палубе. Следом за кафе казино, далее спортивный зал и бильярд. Большая спортивная арена на уровне «F», там же китайский ресторан и пиццерия. Завтрак с шести тридцати до девяти тридцати по корабельному времени. Обед с двенадцати до двух...

— Спасибо, Катя, я довольно часто летаю и уже изучил расписание. Кафе работают круглосуточно, напитки и лёгкие закуски в холодильнике. Ионный душ направо, галльон налево.

— А вот и не угадали, душ у нас настоящий, но объём воды лимитированный. Не более ста литров в сутки.

— Ого! Богато живёте, Катенька! — девушка смущённо улыбнулась, кокетливо поведя плечиком. — А спинку у вас трут? — закинул удочку Богдан.

— Сами, всё сами, — обломила с «поклёвкой» Катя. — Или..., - она хотела что-то добавить, оборвав себя на полуслове и как-то странно посмотрев на весёлого пассажира. — Мы пришли.

Повернувшись к стене, она коснулась пальчиком сенсорного считывателя отпечатков. Дверь номера «восемь-восемь», имитирующая цельное деревянное полотно, бесшумно отъехала в сторону.

— Спасибо, Катенька, вы мне очень помогли, — поставив сумку, улыбнулся во весь рот несостоявшийся Казанова.

— Пожалуйста.

Пригласив обратиться, если что, этажная, покачивая бедрами, вернулась на ресепшен.

— Хороша Маша, да не наша, — резюмировал оставленный в одиночестве пассажир, вваливаясь в номер. — Царские хоромы, надо чаще первым классом летать.

Хоромы и впрямь были царские, особенно для того, кто привык путешествовать в двухместных и четырёхместных каютах. Прихожая со встроенным шкафчиком под одежду и обувь, на второй стене зеркало от пола до потолка. Небольшая гостиная с ковром, диваном, журнальным столиком и двумя креслами. На отдельной стойке голопроектор последней модели. Главной изюминкой гостиной была закрытая портьерами имитация под панорамное окно. За иллюзорными створками открывался завораживающий вид на заснеженные горы, а воздухе витал запах альпийских лугов. Из невидимых вентиляционных щелей под потолком тянуло морозной свежестью. О картинах и встроенном холодильнике не стоит и упоминать. Вторая дверь в прихожей вела в санузел, состоящий из отдельной душевой с двумя режимами мытья: ионным и водяным, и унитаза. В душевой, как в настоящей гостинице, набор полотенец, мыльно-рыльные принадлежности и мягкий махровый халат. И, как апофеоз роскоши, в гостиной, за замаскированной под настенную панель дверью — спальня с широченной кроватью.

— Охренеть, — выдавил Богдан, на мгновение заглянув в последнее помещение. — Траходром.

Первым делом он разложил по полкам то, что можно разложить и повесил на плечики сорочки, брюки и спортивный костюм. Лететь, по корабельному времени около четырёх суток, так что стоит воспользоваться предоставляемым компанией комфортом.

После душа и приведения себя в порядок, Богдан связался с Региной, которая, как оказалось, давно закончила размещать девчонок, пришла к себе и только-только собралась

ополоснуться. Невольный отрыв дамы от помывочных процедур преследовал цель договориться о совместном походе в ресторан. Ужин-то не за горами и провести его лучше в компании с красивой леди.

Вечер прошёл в соответствии с планом. Ресторан, приятная атмосфера, спокойная музыка, медленные танцы, лёгкий флирт и комплименты прекрасной даме. У двери под номером «восемь-восемь», Богдан поймал себя на мысли, что не хочет отпускать руку Регины, но, одарив его невесомым поцелуем в гладко выбритую щеку, леди ускользнула к себе.

— Облом, — тяжело вздохнул кавалер.

Сполоснувшись, Богдан накинул на плечи халат и пошёл в спальню. После выпитого вина его клонило в сон, но стоило оккупировать водяной матрас и расположиться на льняном постельном белье, как сон, словно рукой сняло. Ни читать, ни смотреть фильмы не хотелось. Раскинув руки в стороны, невольный полуночник принялся пересчитывать звёзды, мерцающие за панорамным «окном». Неожиданно в стене, смежной с соседней каютой, повернулась одна из панелей и в спальню шагнула Регина, закутанная в банный халат.

Felidae* (лат) — кошачьи.

— Рега..., - с натугой выдавил из себя Богдан, сглотив неожиданно тугой комок слюны

— Т-с-с, — Регина приложила пальчик к губам, чуть поведя, крепкими, но такими соблазнительно покатыми плечиками. Тяжёлая белоснежная скань легко съехала вниз, мягкими складками упав к ногам женщины.

— П-ф-ф, — только и смог произнести Богдан, пялясь на обнажённую женщину. Ему казалось, что уже никаким космическим молотком не отколотить прикипевший к вздымающейся груди взгляд.

— Молчи.

— Пф, — о чём говорить? Слов не было, от слова совсем. Было другое, то, что случается между мужчиной и женщиной, которые равнодушны друг другу...

* * *

— Я не могу представить...

— Носорог толстокожий, — сказала Регина, пристроив голову на плече Богдана. Пахнувшие цветущим лугом волосы, приятно щекотали подбородок бывшего штурмовика, который до сих пор находился в некоторой прострации от произошедшего. Это было..., вихрем, огнём. Страстью. И вот, расслабленные и полные неги, они лежали на кровати и говорили обо всём. Что, как, почему и как они совместно докатились до такой жизни. Говорили о себе, о других, о жизни.

— Так ты, значит, Солнце моё, запугала всех девчонок в управлении и на вахте...

— Их запугаешь. Предупредила. Ласково, но с подробностями. Я ведь как в отставку вышла никак к гражданке не привыкну. Раньше мечтала, представляла, что будет так и так, а как откинулась на вольные хлеба, поняла, что для полного счастья не хватает команды «подъём» по утрам. В армии же как: параллельно, перпендикулярно, покрашено, побелено, посеяно песком, дорожки со стрелочками и светящимися полосочками. Захочешь, не

заплутаешь. Секс только по команде «раздевайсь». Чуть что не так, сразу рыло или на «кичу». Хотя кому это я говорю? Вот я им и нарисовала, самкам офисным, панораму в перспективе в чисто армейском стиле. Девочки вняли. Адреналиновых наркоманок, готовых рискнуть здоровьем и проверить, разойдутся ли у меня слова с делом, не нашлось, хотя... даже жаль, — состроив жалостливую мордашку, Регина притворно тяжело вздохнула и закинула на любовника правую ногу. Чуть повела ею, цепляя бархатной кожей внутренней части бедра «уставшее» мужское достоинство, и принялась выводить пальчиком на груди Богдана замысловатые фигуры, — были там охотницы... Сучки трусливые... Ходили кругами, как акулы, но тронуть не посмели, а я так мечтала размяться со спарринг-партнёршей.

— Я в ауте, Солнце. Такие страсти всплывают. Веришь, нет, я ведь ни сном, ни духом! То-то они целый год все шарахались от меня, как от прокажённого и ни одна коза не проболталась. Я уже и так, и эдак: ликёры, коньяки и шампанское, конфеты..., ухает всё как в чёрную дыру — девки топливо засасывают, а выхлопа с дюз никакого, приходилось на поверхности пар спускать. Мне уже мысли в голову стали лезть нехорошие, может, я что-то не так делаю, или пахнет от меня не так, мутация какую, может в пустоте подхватил, что бабы нос воротить стали? Вот чумичи, а тут вот оно как повернулось... Эх, Солнце, — Богдан приложился губами к макушке Регины.

— А что было делать, скажи на милость? Некоторые совсем не понимают намёков.

— Я... Я..., просто я боялся, что у тебя кто-то есть.

— Значит, ты просто боялся? Ай-я-яй! — тонкие, но такие сильные пальчики резво пробежались по боку Богдана до подмышки, тот ожидаемо дёрнулся от щекотки. — Ты гляди, ревнивый!

— Ай, ты что творишь, э-э, я не в том смысле!

— А в каком? — за щекоткой последовал укус за сосок.

— Ну, и боялся тоже, чего теперь греха таить, — обняв Регину, признался Богдан. Мелкие издевательства над ним тут же прекратились.

— Великая Пустота! Чего?! Чего ты испугался? — приподнявшись на левом локотке, Регина поймала взгляд любовника.

— Ну, подкатишь к тебе с предложением прогуляться на свидание, а ты карту с координатами пешеходного маршрута до Альфы-центавра выдашь. Шампанское в зад вколотишь, пробку нахрен и полетел кавалер на реактивной тяге до ближайшей пустотной базы. Кто ты, а кто я? Безвестный лейтенант и знаменитая «Пташка».

— Господи, космос безбрежный, я угодила в ловушку..., — бессильно рухнув на мужскую грудь, пробормотала Регина.

— Какую?

— Бабскую! Не замечал, что львиная доля первых красавиц, если копнуть поглубже, одиноки? Нет? А всё из-за того, что мужик нынче измельчал, боится проявить инициативу и к бабе подкатить, думает, волк облезлый, о наличии «хозяев» у красоты, а той и в помине нет. Вот и маются девки без сильного плеча.

— Ты, смотрю, решила не ждать милости от природы? — поддав ехидных ноток в голос, спросил Богдан, опасливо прикрывая локтём бок и подмышечную область.

— Дождёшься с вами, хвостики поджали и в кустики. Спрятались. Ждёте с моря погоды. Если бы не я, ты бы до сих пор слюни пускал, да издали облизывался. Оно мне надо? Инициативы сил ждать не было, пришлось самой проявлять. Мне мужик нужен.

— Погоди-погоди, как тебя, вообще, угораздило?

— А-а, — Регина махнула рукой, — в академии, на курсах.

— Не понял...

— Чего тут непонятного? На очередных курсах нам лекции читали по тактике и заодно крутили кадры штурма орбитальной крепости. Радуйся, атака твоих штурмовиков попала в историю, по вашим действиям теперь лекции читают и в пример приводят! Лихо вы там внешнюю оболочку и бронепалубы с защитными экранами вскрывали, особенно мне запомнилась зачистка зенитных терминалов и расстрел катеров в ангарах. Красиво сработали, как по нотам. Ты там такой весь brutальный...

— Ага, скафандр в кровище и пене гермозаплаток, дырок-то от осколков понаделало жуть. На тактической антенне и шлеме нашлёпки из кишок аборигенов, они ведь страху от страху совсем не знают. Кидались, как безумные или обколотые. Варезку раззявит и прёт на рожон, как лемминг на убой. А по мне — небритый, глаза красные. Красавец. В дурном сне увидишь — обсерешься.

— И не говори. Один в один картинка на патриотический плакат или постер, чтобы враги боялись и уважали. Тогда и влюбилась. Вроде нет ничего в тебе особенного, ни хромой, ни косой, а в душу запал. Ночами не спала. Господи, ведь большая девочка уже была, четверть века разменяла, Крым и рым прошла, а втюрилась, как малолетка. Я в информаториях давай сведения искать — пусто. Был, служил, воевал, да весь вышел. Уволен, а дальше следы теряются. Глухо. Галактика большая, пойди, найди, попробуй. Думала всё, разбились девичьи мечты, так и помру старухой. В отставку вышла...

— В отставку ушла или «ушли»? По возрасту ещё могла служить и служить, или нет?

— Жёсткого лишку в реакторной зоне во время учений хапнула. Так вот, милый мой. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Сам понимать должен. Списали на полгода. За счёт флота арадиотиновый* курс, биогенные* модуляции и реабилитация. Пока по санаториям да отпускам за три пропущенных года моталась, свято место оказалось занято. Помыкалась мальца по штабам и поняла: не для меня это блядской секретуткой в миниюбке по инстанциям бегать. Морды вокруг сальные, порошу не нюхали, половина кирпича просит, причём не сходя с места. Обрыдло как-то всё, и поняла я, что пора завязывать. Выслуги с запасом, чего тянуть? Накатала заявление и ушла, в отряд устроилась, всё привычной. Там в Пустоте и по гарнизонам, тут в Пустоте и по вахтам. Только там мужиками командовала, а тут девок подсунули, но ничего, утряслось как-то за полгода. Только в себя приходиться стала, в работу втянулась и тут, бац, прикладом по кумполу! Иду я такая по конторе, вся из себя после совещания, моральными люлями удовлетворённая-удовлетворённая, а из-за угла, на встречу, ударный линкор выплывает. Улыбочкой направо и налево сверкает. Вгляделась, батюшки-светы — ненаглядный мой, собственной brutальной персоной. Ноги у меня и подкосились. Видимо само провидение меня в тоннельный отряд привело. Гляжу я на тебя и такое желание накатило всех твоих куриц пергидролевыми передушить. Еле удержалась от смертоубийства и греха на душу.

— Что-то не припомню я такого.

— Конечно, ты тогда Марину Косину из метрологической службы охаживал.

— Теперь припоминаю..., хм, и через месяц она мне гарбуза выкатила. Не с твоей ли подачи?

— Ничего не знаю!

— Ясно, а я тебя на спартакиаде первый раз увидел и обалдел. До сих пор перед глазами

твой костюмчик стоит.

— Только костюмчик?

— Ну, и наполнение, м-м, костюмчика... Весьма, весьма аппетитно. Конфетка. Хотелось схватить и утащить в берлогу.

— Что же не схватил? Я была бы не против. А-а, ты же боялся. Все мужики одинаковые: как разнести на атомы базу чужих, вы в первых рядах. Не страшно им, а сделать даме приятно духу не хватает. Неужели мы страшнее инопланетных чудовищ? Понимаю, риторический вопрос. Больше года я ему глазки строила. У-у-у, тупой медвежара. И почему у тебя позывной «Шак»* был? Ты не шак, ты — ишак. Так бы и ходили мы с тобой кругами, если бы не эта командировка. Удачно сложилось, что приобретение билетов наша референт спихнула на меня. Я этот тип лайнеров знаю, и сразу выхватила смежные каюты для новобрачных. Не знаю, кто был проектировщиком, но по замыслу, спальня у кают общая и с одной стороны дверь скрыта фальшпанелями. У меня сестра в такой в свадебное путешествие на Землю летала. Чего лыбишься?

— То-то девочка с ресепшена на меня подозрительно и осуждающе смотрела, когда я ней попытался подкатить, — рассмеялся Богдан. _ Представляю, что она обо мне подумала!

— Ты и здесь успел? Кобель!

Богдан затянул Регину на себя. Заключив её в кольца рук, он прошептал в округлое ушко:

— Пойдёшь за меня?

— Что-что? Я не расслышала.

— Странно, а комиссию прошла без проблем, на слух не жаловалась. Не дергайся, синичка моя. Я жуткий собственник и что мне в руки попало, назад уже не возвращается. Представь, окольцевать тебя хочу, колечко на лапку повесить.

— Жуть, не думала, не гадала, что подобные реликты, динозавры, можно сказать, встречаются в наше время. Ты меня в самое сердце поразил. Надеюсь не из долга, что, как настоящий мужчина, ты теперь обязан на мне жениться? — Регина хихикнула, всем телом прижавшись к Богдану и предательски покраснев. Блеск в её глазах говорил лучше всяких слов. — Так сразу?

— Сейчас как возьму, да как отшлёпаю по мягкому месту! Не сразу, вестимо, сразу даже мухи не зю-зю. Заявку здесь, на борту подадим, а свадебку на межвахтовом отпуске сыграем. Как тебе, здорово я придумал?

— Гляжу, ты уже всё распланировал.

— А чего тянуть? Жить будем у меня. Думаю, ты про поместье в «Медвежьем углу» в курсе?

— Читала личное дело.

— Молодец, наша пострела везде поспела. Кадры тоже запугала, но я е слышу ответа на главный вопрос.

— Да.

— Что-что? Я не расслышал.

— Да! Глухомань несчастная.

— Другое дело. Вижу, что уж замуж невтерпёж. Э-э-э, руки не распускаем! Чур не бити и не щекотать.

— Тьфу на тебя.

— Не смей плевать на мужа будущая мать моих детей.

— Ты уже и детей распланировал?

— А то! Минимум троих. Девочку и двух мальчиков, можно и наоборот, но первой обязательно, всенепременно должна быть девочка.

— А вдруг будет мальчик?

— Нет, я хочу девочку. Маленькую, хорошенькую, похожую на маму.

— Хочешь? Не замечаю должного рвения. На девочку знаешь, как стараться нужно? Да, да, вот так...

*Арадиотиновый курс и *Биогенные модуляции — медикаментозное выведение из организма радиоактивных составляющих и восстановление работы клеток, генов и хромосом с применением специального оборудования и наноботов.

*Шак — ирийский чёрный псевдоорлан. Хищная птица с размахом крыльев более двух метров.

* * *

Утром по корабельному времени, после лёгкого завтрака и душевых процедур, во время которых от страсти и очередной заявки на маленькую девочку чуть было не пострадала душевая кабинка, не выспавшиеся, но счастливые и довольные, теперь уже жених и невеста направились в спортзал...

Вчерашним вечером, перед ужином в ресторане, Богдан связался с майором и договорился о встрече и совместной тренировке. Всё не так скучно и рутинно, к тому же он и счастливом сне предположить не мог, что судьба уготовит головокружительный кульбит, раз и навсегда поменяв как саму холостяцкую жизнь, так и ориентиры. Впрочем, как оказалось, Регина тоже планировала «выгулять выводок». Девочкам полезно размяться, не сидеть же им в каютах, так и жиром заплыть недолго, посему совместную тренировку с пилотами отменять не имело смысла. Спустившись на палубу с большой спортивной ареной, они, обменявшись парой быстрых поцелуев, разделились. На малом семейном совете было решено до поры до времени не открывать окружающим изменившийся статус. Регина пошла встречать девушек, а Богдан остался дожидаться майора и Ко. Пилоты оказались пунктуальными до безобразия. Точно в оговорённое время двери грузового лифта открылись, выпуская веселую компанию в спортивных костюмах. Пожав друг другу руки, Егор и Богдан направились в спортзал, парни, перекидываясь шуточками, потянулись следом. Прекрасная половина человечества в лице главной «наседки» и её очаровательных «цыпочек» уже были на месте. Девушки картинно разминались, демонстрируя окружающим великолепную растяжку и не менее великолепные фигуры. Подчинённые майора восторженно загомонили и как-то по одному, тихой сапой, стали перетекать и просачиваться на женскую половину зала. Глядя на творящееся непотребство, Богдан и Егор понимающе ухмылялись, но препятствий не чинили. В случае чего там есть кому надзирать за порядком, поэтому они спокойно занялись разминкой...

— Шевелите лапами..., лягуары* беременные..., понаберут сопливцев, вы пилоты или мартышки за штурвалом?

Усмехнувшись, Богдан подмигнул Егору, имевшему неосторожность допустить своё молодое пополнение, считавшее себя круче гор и варёных яиц до площадки с юными

маркшейдерами женского полу под руководством Регины. Парни ожидаемо начали рисоваться перед девчонками и строить из себя непобедимых бойцов, устраивая показательные спарринги, снабжённые многочисленными комментариями от «опытных» бойцов. Регина терпела минут двадцать, потом сердце бывшего инструктора спецназа не выдержало издевательств над боевыми искусствами и пижоны на собственных шкурах ощутили гнев профессионала. Богдан демонстративно не вмешивался в специально подстроенную одной из девочек Регины перепалку и придержал Егора.

— Не лезь, — посоветовал он майору. — Дыши глубже, воспринимай жизнь философски и наслаждайся представлением. Где ты ещё такое увидишь? Считай себя в партере в первом ряду.

— М-м-м, парней жалко, — оправдывал тот свой порыв.

— Ничего, Мама Рега умеет выбивать дурь и вколачивать уважение к старшим. Твоим мальчикам будет полезно получить урок манер.

Слово за слово и будущие покорители звёздных трасс попались в словесную ловушку, где их взяли на «слабо». Регина вызвала на спарринг пару самых смелых пилотов. Десять секунд и «крутые» бойцы улеглись отдыхать на татами. Девчонки, веселясь и показывая багровеющим кавалерам языки, хихикали на весь зал. Во втором раунде против «Пташки» вышли четверо парней, которым она устроила настоящую головомойку, приправленную изощрёнными и унижительными насмешками.

— Вот же язва! — восторженно лупил себя по ляжкам Егор, глядя на разлетающиеся в разные стороны кегли, минуту назад бывшие пополнением лётного состава отдалённой флотской базы. Травм, кроме уязвлённого самолюбия, никто не получил, группироваться и падать парни умели, их наставники не зря ели свой хлеб. Простому смертному с улицы усесться за джойстики или штурвал космического корабля было нереально. Прежде ему предстоит сдать несколько тестов на интеллект и физическую подготовку, где скорость реакции, мышления и умения принимать решения, а также сила играют далеко не последнюю роль. Считать пилотов, даже юных, мальчиками для битья, значит, грубо ошибаться в оценках. Более опытная Регина заранее просчитала стратегию и показательно работала на театральный эффект. Предпочитая ударам захваты и броски, она делала упор, как в айкидо, на силу, вес и инерцию соперника. Гибкая и невероятно быстрая, женщина легко превращала главные преимущества противников в их слабость. Сказывалась наглядная разница в классе и подготовке. Не стоило парням задирать убийцу, хоть и симпатичного, но от этого не менее опасного и смертельного. Неплохо себя показали острый язычок и обидные насмешки. Противники злились, а злость плохой советчик.

— Какая женщина, какая женщина! — орал майор. — Фурия! Валькирия! Ай, красава! Миронов, гряземот* смердячий, два наряда вне очереди, Покрашевский, по прибытии в расположении три мешка картошки ждут тебя не дождутся, плачут горячими слезами. Баринов, устал, родимый? Что ты разлёгся, как барин на перине? А, больно тебе? Обидели несчастного? Ты же боец невяе..., э-э-э, сказал бы я тебе, какой из тебя боец, ничего, расскажешь это галыюнам, когда будешь их начищать вместе с Мироновым. Ахматизаров, говоришь, быстр как пуля? Мда, вижу, что быстр, едрёна вошь, как понос, а из говна пуля дерьмовая выходит, покажешь мне, как ты полы тряпкой натираешь, тобой уже вытерли, так что опыт имеется. Что, глисты беременные, хавальники раззявили? Мало вас тут «Пташка» мордой в грязи вазюкала. Будь моя воля, я бы её к нам на базу на месячишко выписал, чтобы она поучила вас жизни и показала почём фунт лиха.

— Потанцуем? — расправившись с молодёжью, улыбающаяся во весь рот Регина, показав высший класс в умении становиться неприметной и отводить взгляд, возникла перед Богданом с Егором и кивнула на огороженную силовыми полями площадку с произвольно изменяющейся силой тяжести.

— Моя Леди, как я могу вам отказать? — на манер аристократа, заложив левую руку за спину и согнувшись в изящном поклоне, дурашливо расшаркался Богдан, целуя поданную ему ручку в кожаной перчатке с обрезанными пальцами.

— Полный контакт, мой Лорд, — за неимение сонма юбок даме пришлось оттягивать полы нижнего края обтягивающих спортивных шорт. Присев в реверансе, и отвесив Богдану лёгкий подзатыльник, она приняла игру на публику.

Сказал бы ей Богдан про «полный контакт», да постеснялся. Загадочно улыбаясь, майор пожелал удачи и попросил не обижать красавицу и, вообще, он их сегодня приглашает в ресторан, так что пусть контакт будет полным, но без членовредительства.

— Хорошо, — состроив серьёзную мину, обещала Регина, — по яйцам бить не буду.

— На святое замахиваешься! — демонстративно прикрыв пах, под смех окружающих, тоненьким голоском пискнул Богдан.

— Правильно, бойся меня, — рассмеялась Регина. — Не переживай, солдат ребёнка не обидит. Идём.

Провожаемые добрыми шутками и пожеланиями, они синхронно запрыгнули на площадку, и едва видимое мерцание включившегося силового экрана отделило их от многочисленных зрителей, собравшихся в зале. Отдельной группкой стояли девчонки и гардемарины Егора, жаждавшие реванша в исполнении противника злобной мегеры, отделавшей их несколько минут назад. Прочитав мысли подчинённых, написанные на лицах крупными буквами, майор осуждающе качнул головой и сделал в памяти зарубку, не забыть впаять «мстителям» ещё по паре нарядов в дополнение к заработанным ранее. Чем бы солдат не занимался, главное, чтобы он за..., э-э-э, о всякой хрени не думал. В пролетевшей и помахавшей белым платочком юности, будучи сам в шкуре гардемарина, майор уяснил, что наряды имеют полезное свойство, благоприятно влияя на очищение мозгов. Что ж, он охотно передаст весь накопленный потом и кровью опыт следующему поколению. Ничего, не переломятся.

Уловив лёгкий мускусный аромат, майор скосил взгляд в сторону. За спинами людей, чуть позади него остановилась пара Роух. Самец и самка из высокородных. Возможно, из одного из главенствующих прайдов центральных миров. Точнее, к высшей кошачьей аристократии принадлежала самка. Почему Егор сделал такой вывод? Потому, что на шаг позади и справа от кошклюдки стоял Реконструктор с кривым мечом за спиной. Только высшая аристократия, первые лица государства и высокопоставленные чиновники могли позволить себе элитную охрану или вассалов из представителей боевых прайдов. Реконструкторами телохранителей называли за приверженность к доспехам давно минувших эпох и внешней средневековой атрибутике с традициями носить мечи вкупе с боевыми кинжалами. Члены древних боевых прайдов как бы показывали окружающим элитный статус и беспрекословное следование древним воинским заповедям и неизменным традициям. Конечно, за внешней ритуальной атрибутикой скрывалась современнейшая композитная броня, напичканная различной электроникой с генераторами защитных и атакующих полей, а мечи могли похвастаться молекулярной заточкой и способностью перерубить рельс. К бедру реконструктора был пристёгнут парализатор, а на поясе висела открытая кобура

боевого лучевого станнера с системой определения ДНК. Никто, кроме хозяина, не мог воспользоваться его оружием. Наличие телохранителя само по себе ни о чём не говорило. Мало ли кто имеет средства и возможность для найма профессионала, а вот огнестрел мог сказать многое понимающему человеку — не проста хвостатая дамочка, ох, непроста. Стараясь не показать вспыхнувший интерес, пилот, прислушался к роахири, тихо порывающим на «высоком». Многие роух ошибочно считали, что люди не понимают «высокой» речи, насыщенной звуками на низких и высоких частотах. Да, люди, в силу природы и конструкции голосовых связок не могли похвастать аристократизмом, общаясь с роахири на «простом» наречии, но никто не мешал им улучшить слух с помощью генной инженерии или инструментально, а «высокий» выучить за десяток-другой сеансов гипнопедического курса в обучающей капсуле. Когда ты месяцами болтаешься в закрытой «жестянке», приходит скука и командование борется с ней различными способами, в том числе добровольно-принудительным изучением языков и обычаев соседствующих рас. Врага надо знать в лицо. Конечно, гипнопедия не панацея и не даёт понимания многих нюансов, остающихся за бортом идиоматических выражений, спотыкается на диалектах и произношении, но она даёт понимание главного.

— Вы это мне хотели показать, Труор? — потеряв длинную косу и склонив голову набок, спросила роахири с окрасом шерстки, как у снежного барса, у своего телохранителя.

— Да, домина*. - тихо ответил реконструктор.

— Хм, забавно, вы решили, что поединок обезьян* должен впечатлить меня?

— Домина, не стоит так пренебрежительно относиться к людям. Многие у нас наступили себе на хвост*, недооценивая людей, и жестоко поплатились за это.

— Зато вы, Труор, преклоняетесь перед ними.

— Домина, не смешивайте хвост и лапы, между уважением и преклонением есть существенная разница.

— Простите меня, Труор, — прижав уши, взмахнув хвостом и склонив голову к плечу в жесте извинения, сказала роахири.

— Извинения принимаются, домина. Смотрите внимательно, женщина резко нарастила темп и перешла в атаку.

— И что, Труор, я не специалист и не могу по достоинству оценить всех нюансов. Не подскажите, что я упускаю?

— По всем признакам люди переместились в зону с повышенной силой тяжести, но только увеличивают темп. Обратите внимание на цвет их кожи.

— Это ирийцы, Троур.

— Верно, домина. Я осмелюсь напомнить вам, что сила тяжести на Ирие выше, чем на материнской планете людей. У них принята интересная метрическая система, в которой параметры материнского мира принимаются за единицу. В таком случае сила тяжести на Ирие будет равна один и шесть десятых от земной, на Пандоре одна целая и тридцать пять десятых, на Леле один и пятьдесят семь сотых от земной.

— Значит, они сильнее своих соплеменников с других планет, так?

— Да, домина, не всех, конечно, но в целом вы правы.

— Мне интересно, Труор, вы повторно делаете акцент на этих планетах, я опять что-то упускаю?

— У людей эти миры относятся к Русскому сектору, а сами себя они называют русскими или россиянами, реже русичами или русью.

— Русские? Мусорщики*?

— Мусорщиками их уже триста не называют.

— Отчего так? Я помню доминус* Ррум на уроках истории рассказывал и показывал на визоре космические свалки и помойки, в которых копались обезьяны ещё сто лет назад.

— Вы совершенно правы, домина, копались и сейчас частенько копаются, особенно в брошенных системах и в местах сражений. Каас вытащили в космос дикарей, и мы смеялись, говоря, что нам могут сделать варвары на древних калошах каас? Позорный разгром при Грумманте остудил многие головы, смеяться перестали. Потом веселье вернулось, когда люди взяли на себя все подряды на окраинных мирах по очистке космического пространства от мусора и разбору свалок кораблей на месте сражений. Доминус Ррум верно сказал, что людей с окраинных миров и русского сектора за глаза стали называть «мусорщиками», но он забыл упомянуть, что «мусорщики» тащили к себе всё сколько-нибудь интересное и без зазрения совести разбирали битую технику до винтиков. Каас не желали делиться с людьми передовыми технологиями, кидая им кость из старых разработок, люди сами их взяли, копаясь в мусоре, домина. Вспомните, когда их перестали называть помойными крысами? Не помните? Я напому, домина. Когда они разметали Армаду и ворвались в центральные миры на кораблях, которые проектировали и строили, опираясь на знания и адаптированные технологии, добытые из мусора.

— Спасибо, Труор, ваши слова на многое заставляют взглянуть иначе. Мне придётся поставить вопрос на совете прайда о качестве образования, но я хотела бы вернуться к поединку. Как мне кажется, вы хотели рассказать о другом.

— Да-да, продолжу. Люди — это одна из самых быстро адаптирующихся рас в галактике. К тому же они активно применяют генную инженерию и генную модификацию, особенно в части закрепления естественных мутаций с положительным эффектом, как и мы, впрочем, но если у нас, скажем так, порог облучения и сопротивления мутациям выше, то люди им более подвержены. В результате естественных и наведённых мутаций из-за особенности природных излучений Провала у людей, живущих в аномальной зоне, произошло изменение мышечных волокон, укрепление костей, повысились некоторые показатели организма, но внешне они сохранили все особенности своего вида, кроме пигментации кожи. Это только то, что мы знаем достоверно. За несколько сот лет новоприобретенные признаки закрепились в их организмах на генном уровне, став доминантными. Слава духам предков люди не стали умнее, но и того, что им досталось, делает их опасными бойцами. Очень опасными, домина. Они и без того не были лёгкими противниками, но я бы остерегся называть их в глаза обезьянами или мусорщиками. Доминантные признаки распространились по всем планетам сектора посредством браков и чётко выверенной евгенической программы. Я не просто так на это обращаю ваше внимание, домина. Женщина и мужчина на площадке, по отдельности, могут составить конкуренцию мне, и не смотрите, что они на две головы ниже и намного легче любого из роахири.

— Труор, мне трудно в это поверить!

— Тем не менее, примите это как факт. У людей русского сектора во внутренней армии служат все, и самцы и самки, детёныши в школах проходят начальную военную подготовку. Представьте, что в случае войны и объявления мобилизации под копьё может встать одновременно сто миллионов человек: штурмовиков, пилотов, десантников. В кратчайший период сектор имеет возможность сформировать и укомплектовать пару полновесных флотов со всеми вспомогательными силами и эскадрами тылового обеспечения.

— Нация милитаристов. Мне становится не по себе, Труор.

— Каас первые заметили грозящую им опасность.

— Они же союзники.

— Всё так, но люди давно вышли из яслей, став реальной силой, влияющей на большую галактическую политику, и справедливо требуют равноправия, а не пренебрежительного отношения и помыкания. Каас сообразили, какого монстра взрастили и прилагают множество усилий для внесения разлада между людскими прайдами, играя на противоречиях, взаимной нетерпимости и расовых разногласиях. Отдам должное нашим врагам, они добились определённых успехов. Людскую Конфедерацию не первое десятилетие раздирают внутренние конфликты. Каас надеются, что люди передерутся и оставляют себе роль арбитров и миротворцев.

— Труор, я преклоняюсь перед вашим талантом любой вопрос увести в дебри и умением ставить всё с ног на голову, а ведь мы всего лишь начали обсуждение поединка...

— Домина, как старшая дочь Посланника и будущая дипломат, вы должны понимать, что нам нужны союзники. Когда-нибудь Каас доиграются, и вам надо будет приложить все усилия, чтобы они, — реконструктор ткнул когтем в сторону зрителей и тренирующихся, — повернулись лицами к нам, а не к другой расе, понимаете? Первой ступенькой на этом пути будет элементарное уважение. Вы должны прекратить называть людей мусорщиками и обезьянами, домина.

— Благодарю за урок, доминус Труор, — роахири церемониально поклонилась.

— Приятно учить умного и понимающего ученика, я горд, домина, что вы считаете меня наставником, — вернул поклон Труор.

— Труор, — кошколюдка забавно повела носом и дёрнула вибриссами, — чем дольше я смотрю на площадку, тем больше мне кажется, что это не поединок, а брачные игры.

Майор, вновь напряг уши.

— Домина?

— Они пахнут друг другом и семенем, принимайтесь, — телохранитель принял.

— Вы правы, тем забавнее, я бы сказал, что они пытаются определить, кто будет главным в прайде.

— Ставлю на самку!

— Что ж, — дёрнул хвостом Труор, — приготовьтесь к тому, домина, что выпивка и мясо сегодня опять за ваш счёт.

— Это несправедливо, — притопнула ножкой кошколюдка через десять секунд, когда спарринг на площадке завершился победой «самца».

— Мясо, домина, мясо, с приправами и кровью. Идёмте, я мечтаю как можно скорее получить свой выигрыш. — Роух испарились также быстро, как и появились. Кошки умеют ходить бесшумно.

— Ну, и где мой выигрыш? — выйдя за ограждающий экран, спросил Богдан. — Я мечтаю как можно скорее получить свой выигрыш!

— Я ничего не обещала! — попыталась отбиться Регина.

— Да? А я помню кое-что другое.

— Вымогатель, — ненатурально оскорбилась побеждённая, закидывая руки на плечи Богдана и привставая на цыпочки. Под дружное улюлюканье и аплодисменты зала она подарила победителю затяжной поцелуй.

На лицо майора выползла кривая ухмылка. Артисты погорелого театра. Как играют,

Станиславский отдыхает.

— И чего это мы такие загадочные? — срисовав кривоватые губы, спросила Регина пилота.

— Да так, — отойдя с парочкой в сторонку, где не было посторонних ушей, ответил Егор. — Сдали вас, ребятки, с потрохами. Регина — поздравляю, Богдан — завидую.

Майор бросил на даму похотливый взгляд и подвигал бровями.

— Земляк, ты ничего не попутал? — Богдан понял, куда клонит собеседник.

— Я бы и рад, — расплылся в улыбке Егор, — но у кошклюдок носы чувствительней. Заходила тут хвостатая парочка, пока вы друг другу физиономии чистили. Кошки воздух нюхали, о сексе говорили. Вам завидовали. На свадьбу пригласите?

— Какая свадьба, ты совсем опух?

— Какая — жених, невеста и конь с бубенцами, я ведь тоже не слепой. Видел, как вы гладили друг друга на ринге.

— Вот же кошки, — прошипела Регина, — поймаю, хвосты повыдергаю!

— Так что насчёт свадьбы?

*лягуар — рогатая живородящая жаба. Эндемический вид, водится только на Ирии;

*гряземот — мутировавший земной бегемот, завезённый на Ирий в 2200 году, предпочитает селиться в грязевых болотах и мелких водоёмах с богатой растительностью, разводится на мясо;

*обезьяны — презрительное наименование людей расой Роух;

*мусорщики — оскорбительная кличка людей, в частности из русского сектора, возникшая вследствие того, что специальные команды с Ирия и Лели разбирали древние свалки и места космических сражений. Благодаря данному опасному, сопряжённому с нешуточным риском и смертью, промыслу российские колонии на планетах Ирий и Леля скопировали и открыто «повели» множество секретных разработок и технологий ведущих галактических рас;

*домина и доминус (роух, как это не удивительно, но эти слова звучат аналогично земным и имеют тоже значение. Мироздание обожает забавные шутки и совпадения) — госпожа и господин, почтительное обращение.

* * *

— Б... э-э-э, обидно, — проглотив первое, совсем непечатное слово, сказал Богдан.

— Обидно, — поддержала его Регина, с тоской глядя на голубой шар Земли, величественно всплывающий над лунной поверхностью. За спиной влюблённой парочки о чём-то защебетали очаровательные подопечные Регины.

С экскурсией на Землю, а частности в Россию, случился вселенский облом. Третий день лайнер и его пассажиры болтались на орбите Луны, изредка спускаясь на изрытую кратерами поверхность. Форс-мажор во всей его неприглядной красе. Великая Пустота богата на сюрпризы и неприятности. Вирусы, в отличие от стражников, не дремлют. Опять кто-то притащил очередного мутанта гриппа или его собрата. Давеча информационные агентства «порадовали» межзвёздных путешественников известием, что санитарно-эпидемиологическая служба, стоящая на страже здоровья граждан Метрополии, тупо

закрыла материнский мир на карантин. Сто восемьдесят миллионов заболевших это вам не баран чихнул. Всех гостей планеты загнали в карантинные гостиницы Леонова — лунного города-порта, а транзитников не выпустили за пределы так называемой «чистой» зоны. Всё, что оставалось делать, это любоваться на Землю издалека, да пускать слюни и облизываться. Близок локоть, а не укусишь. Внизу свирепствовала поголовная вакцинация и имунномодификация под обязательным наблюдением эпидемиологов. Врачи не стали разбираться, причесав всех под одну гребёнку. Те, кто должен был пополнить ряды пассажиров, ещё сутки будут мариноваться в карантине. Гости из колониальных миров тоже посетили врача и получили по дозе вакцины. Чем пустота не шутит. Сегодня гриппа нет, а завтра все чихают и сопливают.

— Твои откуда? — прильнув к тёплому мужскому боку, спросила Регина.

— По отцовской линии с Читы и Воронежа, по маминой, вообще, черт ногу сломит. Есть предки с Ялты, есть с Японии, у кого брали генетический материал для клонирования «мультяшек» неизвестно. Так что во мне каждой твари по паре отметилось. Поскреби русского, такое чудо-юдо инопланетное вылезет, что не приведи Господи. Пустота от страха схлопнется. Доподлинно знаю, что первый камень главного семейного поместья четыреста сорок лет назад заложили. А ты, Солнце моё, чьих будешь?

— Казанские мы да Ярославские, да камчатские и дальневосточные, да сербские и сирийские. Про монголов ничего не скажу, а триста лет назад одна китаяночка с планеты Хань затесалась. Не переживай, в моей кровушке тоже без поллитры не разобраться. Мои из первопоселенцев были. Пра-пра и много раз прадед Георгий воевал в первую войну с роух. Это он в одиночку артиллерийский монитор у кошек жажнул. Всех штурмовиков кошки ещё на подходах положили, а ему повезло добраться живым до обшивки и удачно заминировать купол реакторного отсека. Хвостатые и мяукнуть не успели. Паф и всё, вторая волна десанта их тёпленькими зачистила.

— Пойдём уже, чего здесь впустую торчать, только нервы портить.

— Чем предлагаешь заняться?

— Можно наведаться в развлекательный комплекс или пострелять. Тут стрельбище есть, довольно таки приличное, а на втором уровне японский ресторанчик. Рыбку Фугу подают, не хочешь нервишки пощекотать?

— Экстрим, значит, значит, любишь. Экзотики захотелось? А если ты от этого тухлого караса ласты склеишь, кто будет заботиться о наших детях?

— Так нет пока детей? — беспечно махнул рукой Богдан.

— Да? — изогнула бровку Регина. — А я ведь тебя предупреждала, что от ветра в поле залетаю. Предупреждала?!

— Э-э-э...

— Вот тебе и «э-э-э», милок. Экспресс-диагност врать не будет, он уверяет, что третий день пошёл, как мне пора готовиться в матери, а тебе становиться отцом. Так что никаких фуг и фиг, а предложение пострелять принимается, папаша.

С тиром не выгорело. Стрельбище и полигон оккупировали военные. Коммандос из американского сектора, застрявшие на Луне по тем же самым причинам, что и остальные. И так не блестящее настроение стремительно ухнуло вниз, опустившись ниже полового плинтуса.

Русские и американцы не могли похвастать взаимной любовью, скорее обе стороны вынужденно терпели друг друга, хотя, в целом, разделённые бездной световых лет и

парсеков, они прекрасно уживались, а на Земле даже с успехом сотрудничали. Так бы и сгинула эта неприязнь по прошествии сонма лет, если бы не амбиции политиканов, подогреваемые кукловодами из других миров.

Последнее время с подачи каас древняя вражда между англосаксами и славянами, спавшая несколько сот лет, проснулась и пустила свежие ростки. Против Русского Сектора и китайской Хань за компанию с ним, была осторожно запущена заржавевшая, но вновь обильно смазанная деньгами и проспирцованная лозунгами машина пропаганды. Теневые режиссёры перетрясли бабушкины сундуки, вытащив на свет божий поеденные молью страшилки полутысячелетней давности. То там, то тут замелькали статьи о том, что русские превратились в расу милитаристов, которые зримо и незримо угрожают иным галактическим расам и рвут на части Земную Конфедерацию. Русские и китайцы оттяпали себе в единоличное пользование самые аппетитные звёздные системы, не желая делиться богатствами с остальным человечеством, отгородившись от него стеной из комических крепостей и орудий главного калибра Третьего Звёздного флота. Даже пятьсот лет межзвёздной экспансии ни на грамм не изменили русских, которые, по своей сути, остались дикими варварами. О том, что когда-то давно, при дележе неосвоенного сектора галактики, России просто-напросто спихнули медвежий угол гравитационной аномалии уже никто не вспоминал. Теперь сливки общества и столпы цивилизации тыкали пальцами в варваров с балалайками, которые нагло оседлали трансурановое Эльдorado и беспардонно захватили редкоземельный Клондайк. Под раздачу ещё угодила ни в чём не повинная Хань, граничащая с Провалом. Копьями царя Соломона китайцы похвастать не могли, зато они владели планетой с идеальным климатом для ведения сельского хозяйства и туристического бизнеса. На шестидесяти семи процентах поверхности круглогодичная весна, а на тридцати трёх ласковое лето. Виноваты Ханьцы были лишь в том, что всегда выступали единым фронтом с планетами Провала...

Побродив ещё немного по накрытому куполом парку, Богдан и Регина вызвали малый пассажирский модуль и вернулись на лайнер, висящий на окололунной орбите.

Через сутки, приняв выпущенных из карантина пассажиров и груз, судно покинуло Солнечную систему. На Землю Богдан в этот раз так и не попал. Тогда он ещё не знал, что следующий его визит на прародину человечества состоится очень и очень нескоро...

Взявшись за руки, новоиспечённые жених и невеста долго провожали печальными взглядами уменьшающиеся «шарики» Земли и Луны. Первой превратилась в горошину Луна, потом сжалась в голубой мячик родина человечества. Следуя указаниям диспетчера, пассажирский лайнер удалился от планеты на один миллион километров, после чего были запущены прыжковые двигатели. За десять минут до нырка в гиперпространство окна обзорных галерей закрыли бронеставни, стюарды и стюардессы лично проконтролировали работу автоматики. В космосе всякое случается, Пустота жестоко наказывает за беспечность и нарушение написанных кровью инструкций.

Чмокнув Богдана в щёку, дама сердца упорхнула к очаровательному подопечному «выводку», за которым требовался глаз да глаз. Впрочем, положила руку на сердце, особый дозор девушкам не требовался, «Пташка» полетела шугать вьющихся вокруг непорочных дев мужиков, так сказать подтверждать своё реноме. На вопрос жениха, требуется ли слабой даме помощь, та презрительно фыркнула, сообщив, что с отрывом у самцов некоторых ненужных частей тела она справится сама, иначе можно потерять квалификацию (что требовалось доказать). На сей возвышенной ноте она отправилась причинять справедливость

и насаждать добро в понимании суровой дуэньи, поставленной бдиль и недопускать.

Прилипнув взглядом к нижним округлостям, плотно обтянутым джинсовой тканью и проводив их обладательницу до лифта, Богдан сочувственно хмыкнул, глубоко в душе в чувстве мужской солидарности жалея охотников до женского внимания, которым грозила участь попасть под карающий паровой каток его подруги. Ничего, некоторым полезно. С другой стороны, ему-то всяко после ужина отломится порция женской ласки, а то не одна — это, впрочем, как стараться будет. Так чего жалеть неудачников? Решив для себя этот сложный вопрос, Богдан отправился в каюту. Ни в спортзал, ни в тир идти не хотелось. Обрыдло, если честно, лучше он в корабельном информатории пошукать.

— Граф Монте-Кристо? — солнечно улыбнувшись и кивнув на рамку электронной книги в руках жениха, спросила всплывшая в каюту Регина.

— Круче, — прикусив деревянную зубочистку, ответил Богдан. — Бьёрн Свенсон, «Антология Контакта». Память освежаю, ты не поверишь, нашёл для себя много нового.

— Боевик, детектив? — грациозно изогнувшись, Регина легла на кровать рядом с Богданом.

— История, первый официальный контакт с инопланетянами и попытки дать объяснения имевшим место странностям в тот период. Наткнулся в электронной библиотеке от нечего делать, теперь не могу оторваться. Забавный взгляд на вещи, знаешь, не скажу, что не заинтересовался.

— Да? Дай глянуть, — заинтересовалась женщина, требовательно протягивая руку к проекционной рамке. — Две тысячи сто десятый год, Стокгольм. Хм. И о чём пишет сей учёный муж?

— Сей мыслитель, — поглаживая подругу по месту, расположенному ниже талии, начал говорить Богдан, — задался вопросом, а какого ляда, собственно, человечество ввязалось в войну кошек и Каас, причём на стороне последних? Если включить тыковку, действительно, на кой нам нужна была та война? Типа ксенораса человеческого типа, межгалактическая солидарность и дружба навек? Чушь всё это. Если верить уверениям Каас, разведчики и тех и других не первый десяток лет толклись в Солнечной системе, значит, о человечестве им было известно достаточно. Угрозы мы никому не представляли. Ещё бы лет сто без вмешательства извне и проблема переселения планеты решилась бы самым кардинальным образом — ухайдокали бы друг друга ядерными дубинками. На тот период ксеносов «обезьяны» фактически не интересовали. С чего все решили, что роух были готовы уничтожить Землю? Ага, а благородные «пятидесятники» грудью встали на защиту диких варваров, которых они боятся и презирают до сих пор. Этот швед начал задавать неудобные вопросы четыреста лет назад в самый разгар экспансионного угара, в период, когда у объединённого человечества ещё не прошла эйфория от выигранной войны. Как же, людей приняли в Содружество и даже выделили сектор в рукаве галактики. Хотя самому тупому валенку было понятно, что людей сделали своеобразной прокладкой между роух и каас. Как в древнем Риме. Императоры сажали на границах диких земель одних варваров, чтобы они защищали метрополию от других. Дав людям устаревшие технологии межзвёздных перелётов, пришельцы, по сути, купили земные правительства. Всё выше перечисленное понятно, так или иначе, мы больше не могли оставаться в стороне, но вот рамки истерии и ажиотажа, когда народ пёр на вербовочные пункты, грубо говоря, на убой подобно леммингам, понюхавшим мухоморов, до сих пор неясен. Только в России в звёздный флот записалось около двух миллионов работоспособного населения по самым скромным

оценкам. Мужчины от двадцати до сорока лет. Самый цвет нации. Как только экономика не рухнула, если было чему рушиться. Что за истерия? Желание отомстить кошкам за разрушенные города? Почему мы тогда убираем за скобки корабли каас, которые валились на Землю не реже кошачьих? Пять крейсеров пятидесятников упало на Америку, три развалилось над Россией, по одному досталось Китаю, Германии и Франции. Кошачьих развалюх хлопнулось ровно на две штуки больше, причём по кораблю добавилось нам и китайцам. У нас большая часть пришлась на Сибирь, и слава Богу, что только медведей и комаров распугали, и так Красноярску, Питеру и Волоколамску досталось неслабо. Амеры и китайцы хапнули куда больше, я уже не упоминаю о французах. Галлы до сих пор просыпаются в поту, вспоминая АЭС Сиво и не к ночи помянутый артиллерийский монитор каас «Брум`маар», упавший на станцию. Катастрофа затмила Чернобыль по всем статьям. Так о чём я, точнее Бьёрн. Бьёрн, пишет, что нашу старушку и людей каким-то образом обработали с орбиты. Внушение, ментальное излучение, мнемо и прочее программирование, иначе ничем нельзя объяснить степень доверия, возникшую к чертовым «защитничкам». Сами каас всячески отрицали применение психотропного оружия, но дыма без огня, как известно, не бывает. Только выродки ошиблись. Эффект, оказываемый на людей, оказался временным и у правительственных кругов начали возникать к благодетелям нехорошие вопросы, поэтому землянам отдали «бесхозные» планеты буферной зоны. К тому времени у людей уже были космические дубинки и некоторые начали словесно размахивать ими. Бьёрн, кстати, прямо указывает, что при дележе планет самыми хитровыкрученными вновь оказались англосаксы, воспользовавшиеся победами Третьего флота и наколов «русского медведя», законопатив того в аномалию Провала. С другой стороны, наши предки на тот момент сами согласились на миры в аномальной зоне, тем самым сохранив самоидентификацию. Никто в мире больше не загорелся желанием лезть к чёрту на кулички, а нам, как указывает тот же автор, до..., в общем, цивилизованное общество сидело вот где, — Богдан жестом указал, где у предков находился весь «просвещённый» мир. — Наши предки давно мечтали куда подальше послать Запад, по самые брови погрязший в либеральной розово-голубой трясине «общечеловеческих» ценностей. Запад посылаться не захотел, и тогда с планеты менее чем за два года убралось больше пятидесяти миллионов русских. «Триумф Провала», пишет Бьёрн. Непредсказуемые восточные варвары выкинули очередной финт, затмивший собой убийство царя, революцию и коммунистический СССР.

— Не забивай себе голову. Кто этот Бьёрн Свенсон? Пустышка! Что он знал о большой политике? Ещё один писака, раздувший конспирологическую теорию всемирного заговора, а ты и уши развесил... Я, вообще, поражаюсь всеми этими экспертами, на голубом глазу утверждающими, что им единственным было откровение свыше и стало доподлинно известна настоящая изнанка мира. И этот из той же оперы. Просиживал штаны там у себя в Швеции и высасывал факты из пальца, страшилки об угрозе с востока, хотя с Исходом угадал, вражина. А ты лучше не останавливайся, почеси мне спинку... Да, здесь... Эй! Эту не спина! А ну верни руку на место и не останавливайся...

Лёгким выверенным движением Богдан забрал у невесты голографическую рамку и кинул её на прикроватную тумбу. На вечер у него намечались дела интереснее, чем погружение в прошлое, хотя он не совсем соглашался со словами Регины, но мудро держал личное мнение при себе. Только дураки спорят с женщинами, тем более по такому несущественному поводу. Тем не менее, шведский конспиролог умел работать с данными и вычленять главное. Мода на переселение в космический рай, а точнее повальное бегство

россиян в миры Провала оказались не чем иным, как неосознанной (или наоборот — осознанной) реакцией русского народа на непрекращающиеся десятилетиями гонения и обвинения Москвы во всех тяжких грехах. Общество инстинктивно стремилось под сильную руку и главнокомандующий Третьим Флотом стал тем харизматичным лидером, в котором уставший от толерастии обыватель узрел продолжателя традиций Сталина и второго президента независимой России. Провал, ставший официальной базой Флота, давал второй шанс начать всё заново и люди им воспользовались. Легко не было, отнюдь. Промышленность и инфраструктуру пришлось создавать с нуля, но они справились. Может быть от того, что взяв на вооружение опыт Китая, власти Провала планировать и мыслить начали категориями столетий? К тому же климат на всех планетах Провала оказался намного мягче российской средней полосы, позволив сектору избежать продовольственной зависимости от центральных миров. Колонисты просто вспомнили дачный опыт, продержавшись первое время огородами, дичью и подножным кормом, а дальше начали давать продукцию крупные агрохолдинги, снимавшие по два урожая в год. Климат благоприятствовал: тропики, субтропики и только на крайних северах Ирия и Лады были скоротечные снежные зимы, да в горах наваливало радости любителям лыжных видов спорта. Новая жизнь, новые возможности стали завлекательной приманкой. В первой волне улетела самая активная часть общества, заложившая фундамент нового государства, де-юре считавшегося колонией Российского сектора, а де-факто вот уже, без малого, больше века полностью самостоятельной автономией. С тех пор, как на поверхность Ирия ступила нога первого колониста, минуло почти пятьсот лет. Всё было: эпидемии, войны, мутации, нападения пиратов и природные катаклизмы — пережили их и прочие неурядицы переживём. Русский сектор ныне, по последней переписи населения, населяет около шестисот миллионов разумных и это только представители рода человеческого. Ксеносы разных мастей тоже присутствовали, кроме рас, близких к людям, в дружную семью народов влилось несколько прайдов роух. Примечательно, что наиболее доверительные отношения у людей сложились именно с бывшими врагами, да и на спорных планетах на границе сектора люди и роух уживаются вполне мирно. В общем, русские привычно забились в медвежий угол на краю ойкумены и в ус не дуют. Да, далековато от общепринятого центра земной цивилизации, и хорошо, что не близко.

* * *

У пассажирских терминалов обитаемого комплекса «Аюй-2», Богдана и длинноногое пополнение маркшейдерского отдела уже который день дожидалась «собачка» — грузопассажирская вахтовка, переделанная из устаревшего внутрисистемного штурмбота. Получив разрешение капитана лайнера, маленький кораблик напрямую пришвартовался к выдвинутому переходному отсеку. Как только в отсеке уравнили давление и включили искусственную гравитацию, девчонки похватили сумки и перешли с борта на борт. Проконтролировав подчинённых Регины, Богдан, под приглушенный смехок стюарда, шлёпнул невесту по попке, увернулся от ответной оплеухи и, схватив свою и чужую поклажи, рыбкой нырнул в переход.

— Доберусь я до тебя! — донеслось в спину.

— Я тоже тебя люблю!

Оставив Регину разбираться с девчонками, Северов прошёл в рубку:

— Здоров, мужики! Ба-а, знакомые всё лица, давно ваши рожи не видел, аж соскучился.

— Ну, здоров, коль не шутишь! — пожимая протянутую руку и дабы не отвлекать Николая Кузьмина, pilota бывшей военной лоханки, выполнявшего процедуры отстыковки, ответил за двоих Олег Мухин, он же штурман внутрисистемной лайбы. — Что-то не спешили вы. Коляша уже весь на гавно изошёлся.

— По нему видно. Слышь, а у Коли в мешках под глазами случайно не зарплата прячется? Там в кабаках хоть что-нибудь осталось? — хохотнул Богдан, кивая на подсвеченную иллюминацией громаду «Аюя-2».

— Я и говорю, на гавно изошёл. Пойла хоть залейся, а с баблом подсос конкретный. А вас всё нет и нет.

— Мужики, с таким весельем комиссию вы как проходили?

— Обижаешь, Шак, мы перед полётами ни-ни. Ты же нас знаешь.

— Знаю, не гоношись, это я так, для профилактики. Чего у нас новенького?

— Привет, мальчики! — в рубку заглянула Регина.

— Здравствуй-здравствуй, Солнышко! — расплылся в улыбке Николай, работая реверсом. Громадное веретено пассажирского судна качнулось и стремительно поплыло вверх. — Не стой в дверях, иди сюда, дай я на тебя гляну, услада очей моих. Олег, двери заблокируй. Ага, спасибо. Эх, Региночка, нельзя быть такой.

— Какой? — Регина плюхнулось в пустующее кресло второго pilota.

— Красивой такой, — печально вздохнул Николай, и тут же, без перехода:

— Пойдёшь со мной на свидание?

— Пойду! — игриво стрельнув глазками в сторону Богдана, как бы подначивая невозмутимого избранника, ответила Регина.

— А я не пойду, — соорудив расстроенную физиономию, огорошил красавицу Николай.

— Почему? — жалостливо хлюпнула носом внезапная космическая брошенка.

— Жена не пускает.

— Я поговорю с Танюшей, — промокнув платочком несуществующую слезу, Регина доверительно похлопала pilota по плечу. — Она баба понятливая, отпустит. Кастрирует сначала, потом отпустит. Я выбираю безопасный секс.

— Не-не-не! — бросив джойстики управления, в наигранном испуге замахал руками Николай. — Я лучше вприглядку, виртуально с тобой погуляю.

— Вот видишь, Северов, — обратилась она к Богдану, — что творится на белом свете. Только глаз положишь на нормального мужика, так он сразу в виртуал сбегает. Тьфу на тебя, Кузьмин, я на тебя Таньке жалобу письменную напишу в трёх экземплярах.

— Не, лучше не надо, пожалей сиротинушку. Ни папки у меня нет, ни мамки, а у Таньки знаешь, какая рука тяжёлая?!

— Бедненький, — Регина погладила pilota по голове. — Бьёт она тебя? Крепись, бьёт, значит любит!

— Скажи, мне, Регина свет Алексеевна, — Мухин, отщелкнув от затылка гибкий шнур нейросвязи, развернулся к Регине, — а чего ты такая весёлая?

— А чего грустить, мальчики? — белозубо улыбнулась та.

— Ну-да, вашу камарилью не шерстили, — почесал небритый подбородок Олег.

— Так-так, ребятки, колитесь, — Регина с полуслова уловила, что на вахтовой станции творится нечто непотребное.

— А у нас ревизоры, — не стал тянуть кота за хвост Олег, — были. Неделю шерстили. Налетели аки тати злые, да вороги лютые. Последнюю рубаху, трудовым потом просоленную, чуть не сняли, антихристы.

— Вай-вай, горе-то какое! Откель их принесло в нашу Тьмутаракань? — Богдан присел на подлокотник пилот-ложемента, в котором вольготно, закинув ногу на ногу, разместились невеста.

— Ой-ей, бают, что с самой Земли-матушки черти полосатые прибыли. Всё бы ничего, мужики и бабы они нормальные, по большей части и в некоторых, хм-м, местах..., да, местами очень даже ничего, но председатель у них мурло мурлом. Морда пустотного ключ-молотка так и просит. — Откликнулся на мягкий подголовник пилот. — В каждую дыру залез, во все задницы нос сунул. Мне Михалыч, Перегудов который «УМом» командует, сказал, что один чел из комиссии, под это дело, — Николай щёлкнул указательным пальцем по подбородку, — слил интересную инфу. Мол, надавили на холдинг и отряд совладельцы, требуют отдать часть работ сторонним подрядчикам из аффилированных компаний. Кому принадлежат компании, сами догадаетесь? Нет? Подсказываю — совладельцам. А кто у нас совладельцы, знаете? Тоже нет? «Баптисты», одиннадцать процентов акций имеют и некий Питер Брегман, он же владелец «Старгейт индастриз» с Британского содружества. Этот господин неизвестным, оно-то известно как, но считается тайной за семью печатями, в общем, неизвестным образом оторвал четырнадцать процентов.

— Короче, ксеносы и лаймы не в восторге, что варвары отхватили куш и требуют свою долю пирога, — подвёл резюме Богдан. — И что за фрукт этот, зиц-председатель Фунт?

— Сомневаюсь, что «зиц-председатель» знаком с Остапом Ибрагимовичем, оне нерусское, из нехристей будут. По-нашенски не бум-бум, ни в одном глазу. Господин Майлз считает ниже своего достоинства учить язык дикарей. Знаешь, Шак, мутно это всё как-то и непонятно. Помяните моё слово, за всеми этими ритуальными плясками что-то другое скрывается.

— С чего ты взял? — приобняв Регину за плечи, что не укрылось от моментально повеселевших взглядов членов маленького экипажа, спросил Богдан.

— А с того, друг мой ситный, что мы намерены, через неделю, как вы умотали почивать до хаты, пробили гравитационную складку пространства и реликтовую газовую туманность, доведя тоннельные кольца вглубь Аюя на одиннадцать светолет, аккуратно до пояса Койпера занятой системы с тремя планетками и кучей камней поменьше в виде астероидных поясов. Две из трёх планет — газовые гиганты с когортами спутников и один шарик земного типа. Одна целая, четыре десятых «же», период оборота вокруг собственной оси — двадцать восемь часов, два естественных спутника. Двадцать четыре процента кислорода. Папоротниковые леса — самый разгар каменноугольного периода. Зверья и разумной жизни нет, зато есть два континента и родственники трилобитов в океанах. Улавливаешь?

— Тю-у-у! Нихрена себе! Это же такой приз, не приведи Пустота! Так, Коля, а причём тут ревизоры? Кто-то слил инфу?

— Никто, безопасники сработали оперативно, штатные мозгокруты быстро наложили ментальные блокировки кому надо, изъяли документацию, а два финальных кольца, чтобы не палиться, увели в сторону на несколько световых месяцев.

— Дай догадаюсь. Геологи?

— Ничего от тебя не скроется. Геологи и астрофизики, кол им в дышло. Начальство приказало пощупать систему за волосатый сосок.

— И как?

— Сиська оказалась настолько заросшей, что геологи и присные чуть слюной от восторга не захлебнулись. Карпенко, на радостях, отослал шифровку в головную службу. Едва успели перехватить, но видимо не до конца сработали на опережение. Сейчас контрики на Земле и на Ирии копают, ищут дятла, который стучит. Уж больно быстро совладельцы и баптисты сориентировались. Да, ребятки, вот вам планшетик с расписочками, потренируйте подписи, и пальчики не забудьте приложить. Категория А-0, это вам не хухры-мухры. Гордитесь, вы теперь носители государственной тайны!

— Ну, ты и жук, Кузьмин, — ухмыльнулась Регина, Богдан лишь демонстративно закатил глаза. — Не знала, что ты на «секретку» и шестой отдел работаешь. Развёл нас, как лохов. А почему в этой лоханке, а не в отделе?

— Ты нашу малышку не забижай, — Николай ласково провёл рукой по консоли управления, — она хоть корява и неказиста, кое-где скрипит, кое-где свистит напускными старческими болячками, но чиста аки младенец и хитрой аппаратурой напичкана, так что никакой враг..., большие уже, сами должны понимать. У нас ведь тоже «дятлы» водятся. Никакой лишней суеты на людях. Ротики на замок захлопнули и помалкиваем, усекли, мальчики и девочки?

— Зачем тогда это? — Регина помахала планшетом.

— Затем, солнце моё, что вы так и так попадёте в разряд допущенных лиц. Объяснять, почему? Главный энергетик и главный маркшейдер, мимо Новы, так планетку обозвали, не пройдут. Постепенно нас усилят. А пока делаем вид и живем, как будто ничего не происходит. Отцы-командиры в штабах и высокопоставленные дяди и тёти в колониальной администрации в настоящее время аккуратно столбят прилегающую зону за российским сектором. Чует мое сердце и то, что ниже пояса — Нова не последний сюрприз.

— Пилоты, — отбив дробь по подлокотнику, сказал Богдан.

— Что? — закрутил головой Николай.

— Я хочу сказать, что с нами на лайнере до военной базы добиралась целая толпа выпускников лётных училищ. Знаешь, я тут подумал, очень смахивает на скрытое усиление. Ты представь, сколько надо учебных и боевых спарок, чтобы такой толпе устроить вывозные полёты и необходимый по часам налёт.

— Вот-вот, кажется, началось движение.

— Ладно, тайны, гостайны — это всё лирика. Ты нам о ревизорах расскажи.

— А что о них рассказывать. Вроде как финансовый аудит с инспекцией по материальной части, но сам понимаешь, дело шито белыми нитками. Этот Майлз, бочком, бочком, вокруг да около, возьми и наедь на Карпенко. Главное подвёл так ловко и аккуратно к тому, что парни из отдела и сам шеф несут всё, что плохо лежит, особенно золотишко и камешки. Да кто когда у нас это дерьмо считал? На прошлом объекте астероид один долбанули, там алмазов под три сотни кило набрали, в другой раз пудовые куски золота и прочей дряни. С собой ведь их не уволочешь, контроль не пропустит, в гохран сдали, а по мелочи никто никогда не учитывал. Оно кому надо?

— Ну...

— Вот тебе и «ну». Ты это Майлзу объясни, вызвал он Федю к себе и предъявил ему полную программу.

— И что он? — озорно поблёскивая глазами, Регина развернулась к Николаю.

— А ниче, — цыкнув сквозь зуб, ответил пилот, — без базара зарядил в дыню и добавил

по печени. Ревизор где стоял, там и слился в осадок. Федя хотел его ещё попинать для профилактики, еле оттащили.

— М-да, — Богдан задумчиво почесал маковку. — Интересные дела у нас творятся. А безопасники где были?

— А тот хмырь, на свою больную голову, их за дверь тормознул, типа частную обстановку обеспечивал. У мудака в портфеле бумага была, а там такие полномочия оказались отписаны, что мама не горюй. Ребята из службы безопасности лишний раз рот открыть боялись, чтобы с работы не вылететь, а тот урод пользовался ими налево и направо..., но ты же нашего Фёдора знаешь...

Богдан понимающе покивал. Федор Карпенко — майор в отставке, начальник отдела геологоразведки, не признавал авторитетов, если они его не заслужили одного в его глазах. Слыл он человеком вспыльчивым и не терпел хамского обращения. За своих майор мог горло перегрызть кому угодно. В отделе у него царил идеальный порядок и жесточайшая дисциплина, небритая вольница «искателей сокровищ» держалась в ежовых рукавицах. Но всё это на работе. За стенами космического офиса и во внеслужебное время Карпенко превращался в своего в доску компанейского парня. Он любил беззлобные шутки и обожал заниматься различными поделками из добытых на астероидах и космических глыбах минералов, драгоценных и полудрагоценных камней, а также металлов соответствующего достоинства. Своим увлечением он не слишком отличался от многих и многих. Большая часть сотрудников, безвылазно сидящих в космосе по несколько месяцев кряду, обретают то или иное хобби. Не был исключением и Фёдор. В свободное от работы время он мастерил ювелирные украшения, благо в материалах недостатка не было. Половина девчонок в конторе на Ирие щеголяла серьгами, кольцами и подвесками, вышедшими из-под рук мастера. На этом его и пытался взять в оборот «гость залётный», вследствие чего залетел по полной программе. Фёдор не будь дурак (зря что ли его инструктировали), притащил с собой пару жучков и микрокамер, которые активировались через пятнадцать секунд после приборной проверки на входе и записали весь разговор с попыткой шантажа и незамаскированной вербовки.

Как сказал Кузьмин, отредактированные записи легли на стол прикормленным юристам и те, вдохновлённые заданием Родины и напутственным словом, засели за составление судебного иска. Ведь на грамотно обработанной записи видно, что не геолог напал первым, а на него накнулись. Майлзу и его покровителю придётся отвлечься на судебные разбирательства. Юристы, отрабатывая пункты операции прикрытия, обещали раздуть вселенский скандал.

— Да-а, братцы, как я рад, что на межвахтовом чалился, — пересел на деактивированный резервный пульт Богдан. — Страсти-мордасти какие, резать кого, кишки выпускать это мы моём, а для интриг у меня кишка тонка. Я же с Федей однойцевый близнец, сразу по печени пробиваю и контрольным по шее, чтобы наверняка.

— Наговариваешь ты на себя, — включая автопилот, закинул ноги на консоль Олег. — Федю я неглиже не видел, а с тобой в баньке на полке париться приходилось. Так что близнец ты у нас двуяцевый, Региночка, прошу прощения за столь интимную подробность. Ты себя, Шак, в инвалиды погоди записывать. Кстати, Рега, Кузьмина мы вдоль по борту пускаем, он у нас парень женатый...

— Ты это к чему? — нехорошо сощурившись, обернулся к напарнику Николай. — Ты

это на что намекаешь, протокольная твоя рожа?

— Остынь, не о тебе разговор, — отмахнулся Олег. — Регина, солнце моё ясное, погибаю я без женской ласки... Э-э-э, Богдан, ты эт..., типа чего костями хрустишь? Ребятки... О-о-о! — расплылся в ехидной улыбке Олег. — Коля-а, прикинь, а! Кажется нашу пташку окольцевали...

Переглянувшись с Богданом, Регина принялась демонстративно разминать кулаки. Поняв, что сейчас его будут убивать, Мухин вжал голову в плечи.

— Отлетался ты, Мухин! — Регина плотоядно оскалилась.

— Братцы, да я, да мы, как рыбы об лёд! Богдан, хоть ты скажи ей! Я же ни-ни! Даже зеркалу с похмелюги без откровений, ты же меня знаешь!

— Знаю, Муха, поэтому между тобой и Регой не встану, лучше уступлю ей место. Ты знаешь, по этикету дамам принято уступать.

— Коля!

— Что сразу Коля?! Коля ничего, я, собственно, вообще, вон на ту звезду смотрел. А что-то случилось, не?

— И ты, Брут?

— И я, да только ты не Цезарь. Будь мужчиной, прими смерть достойно, — едва сдерживая рвущийся наружу смех, продолжал стебаться Николай. — Ребятки, так вы точно того или это секретный секрет?

— Коля, — Богдан сжал плечо пилота, — до вахтовой станции мы и без вас долететь можем... Соображаешь? Автопилот вывезет.

— Муха, они точно «того»! Тили-тили?

— Уймись, балаболка! — Регина наградила пилота звучным подзатыльником. — Точно Татьяне нажалуюсь, будешь пятый угол искать.

— Это запрещённый удар ниже пояса! — не сдавался Николай. — Мы, в отличие от вас подписок не давали, сечёте?

— Что-то борзые вы тут на вольных хлебах стали, спасу нет, — усмехнулась Регина. — Чего надо, ироды? Говорите, пока я добрая.

— Птичка моя, я верил в твою сердечную доброту, спасай трепещащую... щёя..., вот же словечко придумали, — зачастил Олег. — Огонь страсти и безответной любви объял одинокое сердце. Твои девчушки, Рега, просто чудо, но мне бы сердечную тропу к одной из них пробить. Рыженькая незнакомка с пикантной родинкой на левой щёчке забрала любвеобильный орган...

— Орган у тебя в штанах.

— Не вели казнить, кормилица, вели слово молвить.

— Молви, несчастный.

— Поспособствуй, благодетельница, а?

— Испортишь мне девочку, кастрирую на главной галерее. Вечером на брифинге. И не дай Бог ты её обидишь или бросишь, ты меня понял? И причешишь, пугало.

— Я знал, знал! Дай, я тебя расцелую! (Хрусть, хрусть!) Э-э, Богдан, намёк понятен... Хорош дурачиться. — Олег мгновенно сбросил шутовской тон и стал предельно серьёзным. — Спасибо, Регина. Так, ребятки, подходим к первому тоннельному кольцу, быстро по креслам и пристегнитесь, — включив громкую связь, Олег продублировал указание в пассажирский салон, — сейчас нас перебросят на вторую точку.

Сверху и с боков на бывший штурмбот величественно наплывала циклопическая

круговая металлоконструкция с гигантскими шайбами внешних ускорителей на подвижных рампах. Николай вполголоса дублировал получаемые от диспетчера-оператора указания. Запустив коррекционные двигатели, бот сместился на несколько километров вверх и влево. Казалось, что воронка силового конуса вспыхнула прямо перед носом бота. Миг, и окутавшееся коконом защитных полей судёнышко, перенеслось на несколько десятков астрономических единиц.

— Лёгкие тошнота и головокружение это нормально, — сказал в микрофон Олег. — Установку ещё не отъюстировали. Господа и обворожительные дамы, вон та сверкающая огнями шишка справа по борту станет вашим домом на ближайшую вахту. Шак, Пташка, вас куда?

— Правь к стыковке административного бокса, нам в кадры, — за двоих ответила Регина. — Душ прими, и причесаться не забудь, Казанова.

— Прибыли, — глядя на несуразную конструкцию вахтовой станции, прошептал Богдан.

* * *

— Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону, — отчаянно фальшивя, пропел Богдан песенку из ремейка старинного голофильма, рассказывающего о мировых войнах двадцатого века.

Вращая между пальцев полученную в отделе кадров чип-карту с направлением на «точку семь», Северова не покидало ощущение мерзкой подлянки, подкинутой ему кадровиками. И было с чего. Эзоповым языком или профессиональным слэнгом строителей «точкой семь» называлось будущее кольцо пространственного тоннеля. Отчего будущее? О того, что его ещё не существует, только чертежи и планы на строительство. Глухомань в Пустоте, Тмутаракань у черта на куличках. Как известно, для определения координат в трёхмерном пространстве требуется шесть точек, размещённых на ограждающих искомый объект плоскостях, а седьмая, известная точка, точка задаёт направление движения. Пустотники зачастую заменяют абсцентную лексику с отправлением оппонента в сексуально-пешеходную прогулку высококультурной фразой: «Иди ка ты в точку семь».

— Куда тебя? — из кабинета отдела кадров с развёрнутым изображением ордера на заселения в женское общежитие всей подопечной дамской стайки, проецирующегося с наручного коммуникатора, выскочила до неприличия весёлая Регина. — Нас завтра отправляют на двадцать седьмое кольцо.

— Вот, — Богдан передал невесте чип. Подкинув девайс на ладони, та вставила его в разъём коммуникатора. Электронная «бумага» на голо моментально сменилась изошрённым сухим канцеляритом посылки главного энергетика вахты куда подальше, а конкретно на самый крайний аванпост строительства.

— Точка семь? — подёрнула бровями-крыльями Регина.

— Ага, «отстрел» с твоего колечка. Пинком под зад, с глаз долой. Должен был лететь Костя Улюкаев начальником временной вахтовой, но он загремел в больничку с пустотной лихорадкой, поэтому в приказном порядке в попу галактики забрасывают кого не жалко, но с кого можно спросить.

— Тебя, что ли?

— Меня. Нашли крайнего, выморозки Пустоты.

— Не ругайся. Иди ко мне, я тебя пожалею. Опять на монтаж реакторов?

— Если бы, — обречённо вздохнул Богдан, — на мою шею навешивают нулевой цикл, подготовку площадки под монтаж двадцать восьмого кольца и строительство энергоустановки. Это, называется, повысили в должности. Я и лошадь, я и бык, я и баба, я и мужик. Писец, я в ауте, наверно директору «пятидесятники» всю ночь нашёптывали заколотить меня куда-нибудь.

— «Энергетиков у нас как грязи, а специалистов, имеющих опыт работы в Пустоте на дальних аванпостах закрытых баз наперечёт, а вот энергетиков с опытом работы по второму озвученному профилю по пальцам пересчитать!» — Богдан очень похоже передразнил главную штафирку отдела кадров. — Хреново быть на все руки мастером, их, как оказалось, обычно на все бочки затычками суют.

— Когда? — не стала рассусоливать невеста, сходу задав главный волнующий её вопрос.

— «Большой Мул» с контейнерами отходит от пятого грузового терминала через три часа. «Отстрелят» вместе с ним.

— Плохо, — пригорюнилась Регина, — но у нас есть один положительный момент, дорогой.

— Это какой?

— Милый, у нас есть время проверить мою каюту в жилом блоке и пообедать. Ты не против такой программы?

— Только каюту или...

— А «или», как себя вести будешь! Что-то не вижу радости на лице.

— Какая тут радость, голодным лететь придётся.

— Держи хвост пистолетом, штурмовик! Неужто ты сомневаешься в бесконечной мудрости начальства, Пустота ему покрывкой. Иногда оно даже заботится о рабах своих, презентовав изгоям гравитационный передатчик с ящиком маяков. Мы будем любить друг друга на расстоянии и даже звонить на коммуникаторы. Клянусь хранить тебе верность.

— Это утешает, но там не будет тебя и это угнетает. А верность обеспечена твоей лояльностью к компании. Дорогая, ты же не позволишь ей лишиться части контингента, состоящего из мускульных особей? Я не Отелло, женщин не душу, так и знай! Я мужикам за косые взгляды в твою сторону шеи посворачиваю. Всех убью, один останусь и это будет твоя вина!

— Идём «угнетённый», время не резиновое, каюта не осмотрена, кровать не проверена, да и обед стынет. Мне совесть не позволит отправить тебя голодным, а на свернутые шеи плевать с орбиты.

* * *

Подключив чип-карту к проекционному столу, Богдан второй час кряду пытался разобраться в номенклатуре присланных с центрального участка грузов. Высветив заверенную заявку, накладную и акт приёмки-передачи товара, он тихо матерился через плотно сжатые зубы. Кладовщик Михеич, в миру звавшийся Ольгердом Михайловичем Михельсоном, и являвший собой яркий образчик смешения кровей нескольких народов с разных планет, хотя с преобладанием фамильной еврейской части руды и царствующим на

костистом лице орлиным носом, незаметно слился в тёмный угол и не отвечивал. Выходец с Синая шестым чувством чувствовал, что для здоровья ему будет полезней молчать и не вякать, иначе доведённый до ручки начальник участка примется кулаками рихтовать оригинальный образец для голофото. Хотя он лично ни в чём не виноват и совесть его чиста, аки горная вода, но змеиное племя снабженцев измазало репутацию несчастного еврея в нехороших отходах жизнедеятельности. Нехорошие люди, Михеичу даже становилось стыдно за свою принадлежность к властителям складских закромов. Вот за что его так подставляют? За что, Господи?

— Михеич, где тебя Пустота носит?! — рявкнули от стола.

— Здесь я, — вознося молитву всем известным богам, явил свой лик начальник склада.

— «Здесь», — передразнил Богдан, — дуй сюда...

Окончание фразы не приводится из морально-этических соображений, тем паче даже предлоги в ней несли яркую эмоциональную окраску. Видя, что гнев направлен в безбрежные просторы космоса и нацелен на уродов, сидящих за многие парсеки от заброшенного медвежьего угла неприметной галактической стройки, с характеристикой коллег Михеич согласился и на себя тираду не примерял.

— Так, — ткнув пальцем в центр висящей в воздухе голопроекции, Богдан провел светящуюся черту под номерами контейнера и пломбы, которой был опломбирован «отстрелянный» на участок груз. — Сверяй, Михеич.

Жестом, свойственным сказочному волшебнику, а не двухметровому белобрысому громиле-викингу с орлиным шнобелем и масляными воловьими глазами, в которых застыла тысячелетняя скорбь еврейского народа, Михеич подвесил над столом снимки снятых с контейнеров пломб.

— Сходятся, — совместив номера и не обнаружив между порядком буквенно-цифровых рядов расхождений, уведомил он.

— Хорошо, — почесав затылок, процедил Богдан. — Хреново, что вот эти писульки не сходятся!

Кулак Северова пробил голографическое изображения накладной и счёта-фактуры.

— Пустоту их за ногу, где генераторы, я спрашиваю?! Где, мать их, расходники, регенерационные патроны и фильтры очистки, где монтажные камеры, газовые разрядники и топливные элементы? Где, я тебя спрашиваю? На кой хрен нам сдался солнечный парус и силовые установки внешних полей? А малые корректировщики и автономные навесные двигатели в какой анус запихивать прикажешь? Энергию где брать и жрать мы что будем, а? Молчишь?! Вот же хрень собачья!

Закрыв глаза и про себя посчитав до десяти, Богдан привычно унял ненужный сейчас никому гнев и раздражение. Сейчас ему, всем им, запертым в хлипких модулях и секциях малой вахтовой станции, как никогда, нужна ясная голова. Начни рубить с плеча и персонал, вверивший ему жизни, элементарно и незамысловато передохнет без энергии и воздухорегенераторов. Топливных элементов для энергоустановки, дай Пустота, хватит на неделю. И взять новые негде, вахтовые станции второй месяц работают «с колёс». Что за кризис застиг снабженцев, непонятно. Руководство обещает исправить ситуацию, но воз и ныне там.

В режиме максимальной экономии можно растянуть агонию дней на двадцать. А дальше куковать прикажете или сразу сгонять всех в центральную секцию жилого модуля, наглухо погасив периферию чтобы не загнулась система жизнеобеспечения? Как вариант, но

тоже не выход. Сколько у него в подчинении людей — тридцать пять душ, а аварийно-спасательных боксов? Ровным счетом двадцать три. Вот и приехали — спас-капсул на всех не хватит, двоих в анабиозную камеру не впихнёшь, а следующая поставка материалов ожидается не раньше, чем через декаду и не факт, что снабженцы поставят недостающее по аварийной заявке. Совсем не факт. Конечно, руководство строительства не останется безучастным и снимет с других участков пару-тройку энергоустановок. Больше элементарно не получится, Богдан был в курсе отсутствия резервов, которые всем чохом перекинули на разворачивающийся на другой стороне тоннеля строительный участок. Три генератора при потребных одиннадцати. Капля в море. Ну, штаны пару дополнительных дней они поддержат. Вот когда пожалеешь, что у тебя гражданские варианты пустотных скафандров, а не армейские аналоги со встроенными система криосна и кибераптечками и дуболомы проектировщики в угоду союзникам впихнули в проект грёбанные «малые энергоячейки» «пятидесятников», а не надёжные ирийские термоядерные установки в модульном исполнении. Ведь младенцу понятно, что замена одного на другое отдаёт дебилизмом чистой воды. Деньги экономим, мать их. Дозэкономились. Приведя мысли в порядок, он повернулся к подчинённому:

— Составляй акт сверки, Михеич, и служебную записку. Всё подробно запротоколируй и приложи подтверждающие видеоматериалы. Я хочу... груз по накладной откуда отправляли?

— С базы «Центральная». Земля.

— С Земли? Пломбы не нарушены, проверял?

— Обижаешь, начальник. Атомарный сканер мне на што? Всё по инструкции. У меня как в аптеке, не забалуешь. На материальных ценностях ведь сижу, не абы где. Тут стоит глазу моргнуть, и сядешь в другом месте или на астероидных рудниках пропишешься. Оно мне надо?

— Интересно, — пробарабанив пальцами по краю стола, Богдан на минуту задумался, — это уже ни в какие ворота не лезет. Ты понимаешь, что сама по себе путаница в номенклатурах не возникает? Не в наш век информационных технологий. ИИ базы с бухты-барахты позиции и грузы не путают. Значит что? Значит, мы имеем дело с человеческим фактором, Михеич. Или нечеловеческим. Не знаю, что хуже. Кто-то специально затягивает и саботирует строительство. Тут уже нехорошим пахнет. Диверсией! Соображаешь? Готовь шифровку в отдел безопасности отряда по установленной форме. Постой, я сам подготовлю и в «шестой» отдел до кучи. Не нравятся мне эти пляски. Нутром чую, что здесь что-то не так, какая-то корявая падла воду мутит. Как раз для «контриков» работа. Не было печали.

— Так мне писать или не писать?

— Пиши, всё пиши и мне на подпись. Личным кодом завизирую. Кто, что, чьими персональными кодами заверены бумаги и грузовые декларации, кто составлял счета-фактуры и прочее. Подробно расписывай, чтобы всю цепочку проследить. Иди, занимайся и пригласи ко мне УМовцев, хм-м, Ли Сын Мана и Шкарпетко, — Богдан чуть подумал, — и начальника «пустотников», а, Перушина тоже кликни. Будем думать, как нам из этой попы вылезать. Исполняй.

— А на чьё имя писать?

— Михеич!

— Понял, сваливаю.

Когда в начальственном кабинете, превращённом в импровизированный конференц-зал, собрались все приглашённые, Богдан, не рассусоливая и не растекаясь мыслью по древу, ввёл участников совещания в курс вставшей во весь рост проблемы. Судя по реакции, спич Северова зацепил по струне-другой в обмороженных душах диких волков космоса. Вахтовики со стажем привыкли жить, а иногда выживать в негостеприимных глубинах вселенной, но подыхать они не соглашались ни за какие коврижки.

— Итак, коллеги, я вижу, вы прониклись сутью стоящей перед нами глобальной задачи. Тут вам не вал по плану, план — по валу, тут дела куда серьёзней заворачиваются. У кого какие будут предложения? И давайте без чинов. Рядиться в другой раз будем.

— Без чинов, так без чинов. Не кипишуй, шеф, — проскрипел Михаил Шкарпетко, начальник УМовцев. Почесав окладистую темную бороду, обсыпанную густой проседью, он продолжил мысль:

— Чтобы кумекать без лишнего пустопорожнего базара нам нужны начальные условия и неплохо бы узнать, что пришло в контейнерах.

— Понял, — кивнув на справедливый упрёк, Богдан включил голопроектор со списками полученных материалов и продукции. — Сразу говорю, на молекулярный принтер можете не разевать роток по причине нехватки энергии. Без реактора это бесполезный груз.

— Да усе не тупей баланов, насяльника, — отмахнулся Ли Сын Ман. Активировал персональный комм с так называемым «малым ИИ», китаец уже лихорадочно что-то просчитывал. За зеркальными очками визора то и дело с мелькали световые сполохи и бегущая рябь цифр. Бывший навигатор имел вживлённый биочип не самой последней модели, к тому же «игрушка» с нейроинтерфейсом свободно интегрировалась практически с любой моделью современных компьютерных и псевдоинтеллектуальных комплексов, и системами с искусственным интеллектом. Приостановив расчёт, Ли двумя пальцами аккуратно приподнял визор за дужку и вперил взгляд хитрых глазок-семечек в Северова, обратившись к нему по прозвищу:

— Насяльника Шака, ми смоземь соблать понизяюсий каскад от энелгетических леактолов? У нас есть волновие тлансфолматолы?

— Будь у нас трансформаторы, вопрос бы ребром не стоял, — повел подбородком Богдан. — А так только детский пук в лужу.

— Плёхо, а солнечная палуса с баталейной наносеткой или нет?

— Да, парус поликомпонентный, но толку-то от него в наших условиях. До ближайшей звезды больше светового года. Сколько там той энергии снимешь с него? Пшик, да маленько, — отозвался Сергей Перушин по кличке «Шатун». Старый, предпенсионного возраста, энергетик, заместитель Богдана на участке, сходу уловил задумку Ли и вынес вердикт, похоронивший замысел коллеги на корню.

— Солнце далеко, говоришь? — на краю сознания у Богдана забрезжила туманная, неоформленная, но крайне дерзкая по замыслу мыслишка. — На твоём месте, я бы так уверен не был, Сергей Михайлович.

— Есть мысль, — раздражённо прорычал Шатун, — так рожайте её быстрее, господин начальник, а не мните роух под хвостом.

— Ли, напряги мозги, — прикрыв глаза, Богдан нервно покачал указательным пальцем, чтобы его не перебивали и, не дай Бог, не сбивали с мысли, — у нас получится создать силовые захваты из полей сверхвысокой мощности, генерируемых подпространственными агрегатами, если мы поменяем настройки и вектора нагрузки? Нам надо создать условия, как

на термоядерном реакторе, понимаешь? Так, не перебиваем... У нас есть кусок ледяной глыбы весом в пять тысяч тонн. При нужде нам «стрельнут» ещё пару таких же, так что проблем с водой и топливом для реактора нет. Что такое вода? Водород и кислород. Правильно? Нас волнует водород в первую очередь. Монтируем малое колечко километрового или меньше диаметра, навешиваем на него силовые агрегаты, а в центре устанавливаем маленький термоядерный запал. Подрыв производится при полностью активированных полях электромагнитной и гравитационной ловушки. Ли, у нас должно получиться маленькое такое, но, сука, злое солнышко в пару метров диаметром. А подпитывать реакцию мы будем непрерывной потоковой бомбардировкой из дроблёных на мелкие фракции кусков замороженного льда или водорода. Захваты и установку для подачи льда сделать раз плюнуть, а молекулярный расщепитель можно снять с того же молекулярного принтера. Давай, Ли, прикинь варианты. Конечно, получается сложно и слишком наворочено, о надёжности не упоминаю по причине страха работать с подобным металлоломом, только другого выхода в ближайшей перспективе всё равно не просматривается.

— Э-э-э, сесясь пликинем, — китаец напрочь выпал из мира. Световая рябь за очками замелькала с бешеной скоростью.

Шкарпетко и Перушин переглянулись между собой, быстро посоветовались и Михаил выдал общую идею:

— Теперь понятно, для чего будет нужен парус. Мысль неплохая, только ты, Шак, забыл о солнечном ветре. Не переживай, начальник, умные дяди обо всём подумали. Чтобы парус не относил солнечным ветром, мы предлагаем закрепить по его краям автономные двигатели и синхронизировать их в общую управляющую систему. В центре тоже поставить пару «толкачей», чтобы они ориентировали получившийся комплекс по координатам наших маяков, там же смонтировать волновой ретранслятор для передачи энергии на приёмник станции.

— Принимается. Прикиньте хрен к носу в первом приближении. Что вам понадобится, развозной штурмбот там или внутрисистемный погрузчик. Короче, не мне вас учить. Ли, скоро ты там?

— Сесясь, сесясь!

Ли перебросил результаты коллективного мозгового и компьютерного штурма на голографический планшет, высветивший проекцию получившейся монструозной конструкции.

— Я думал проще будет, — скептически хмыкнул Богдан. — Уж больно...

— Лезелва надо, Шак. Беза лезелва нелизя, никак не мосьно, — Ли ткнул указкой в дополнительные блоки, выделенные красным цветом. — Наклейся пелвый контул и амба всему. Севелная писеца плидёт. Нама синхлонный подхвата не помесяет.

Ли начал вещать о напряжённости полей, мощностях генераторов, пояснять, что и как, но его уже никто не слушал, ибо убедившись в жизнеспособности предложенного варианта, люди перешли к обсуждению продовольственной проблемы. Сказав несколько фраз в пустоту, Ли, махнув рукой, убрал голограмму и с невозмутимой физиономией уселся на своё место.

— С энергодефицитом разобрались, едрить его за ногу, по крайней мере, как решить его до получения необходимого оборудования, теперь предлагаю перейти к следующей насущной проблеме. Пищевые синтезаторы. Что кушать будем, ребятки?

— Да не вопрос, — прогудел Шкарпетко, пустотник Симонов его молча поддержал. — Не вижу проблемы. Раз автоматическая замена невозможна, а в ручную менять не получится из-за долбанного сканера, проверяющего оригинальность картриджа, действуем таким образом: резаками вскрываем задние стенки синтезаторов, обходим или шунтируем пломбы, добираемся до картриджей с биомассой.

— Обошли, дальше-то что? Старые и новые по типоразмеру не подходят.

— Да ничего, достали картридж, вскрыли. Новый тоже вскрываем и ручками, ложечкой, да хоть половничком, перекадываем биомассу из одного в другой. Переложили, закрыли, вставили обратно. Какие проблемы? Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста. Будет кому-то наряд по кухне. Всего делов-то.

— Действительно, чего огород городить. Принимается. Ответственность я беру на себя и в первом и во втором случае. Фиг с ними, голод не тётка. Ну, коллеги, времени в обрез, есть предложение перейти от слов к делу. Есть возражения? Нет возражений.

* * *

— Не кочегары мы, не плотники..., - медленно проплывая над фермами магнитного кольца, напевал старинную песенку Богдан. За спиной пустотника, расставив гибкие многосуставчатые паучьи лапы, лязгал отсекающими клапанами двигателей и стыковочными узлами внешний экзоскелет. Газовые струи, придав лёгкое, едва заметное ускорение, мягко толкнули в спину. В правом верхнем углу прозрачного забрала шлема заплясали цифры. Тридцать сантиметров в секунду, расстояние до рабочей площадки сорок девять метров, сорок семь, сорок три...

— Но сожалений горьких нет... Коля, подавай ферму, — коррекция. Стабилизация. Монтажный скафандр с блоком нейроуправления экзоскелета и горбом двигательной установки, выдав очередное облачко газа, перестал вращаться и застыл на одном месте. В руки Богдана скользнул джойстик управления арочной тележкой со сварочным роботом и гайковёртами.

Сверкая прожекторами, куполами пристыкованных световых рассеивателей и узкими, осторожными стрелами выхлопа дюз, сверху надвинулась серебристая громада «Мула», из разверстого нутра которого торчала рука грузового крана-манипулятора, крепко удерживающего в металлической клешне стометровый решётчатый сегмент фермы.

— Коля, трави помаленьку. — Стрельнув боковыми двигателями коррекции, «Мул» на шагжок придвинулся к челюстям грузового захвата, конструкция которого передвинулась по недостроенному кольцу к рабочей зоне. В прозрачной кабине управления захватами, в относительно тепле и комфорте, весело скалился Михаил Шкарпетко.

Хорошо ему, Богдан по-белому позавидовал коллеге. Таки в лёгком скафандре не в пример удобней и комфортней, чем в его жестком гражданском «гробу». И в туалет отлучиться можно, гравитационный генератор выдаёт 0,2 G, а не мучиться пять часов... У долбаной и проклятой самой Пустотой «Свири» вновь отказала система удаления «продуктов жизнедеятельности». Вообще-то «Свири» — пустотные скафандры, были достаточно надёжные и удобные, но не тогда, когда их насилуют, эксплуатируя десять лет без передыху. Тут сколь угодно надёжная техника ушатается до основания. Сколько на его «ноль пятой» делали замену узлов и агрегатов? Несчётное количество. За это время три раза

можно было нового «Полюса» взять или «Снегиря» на худой конец. Скафандры поновее Богдан отдал подчинённым, взяв себе откровенный утиль. За себя он переживал меньше, чем за остальных. Их не обучали штурмовке космических баз и крепостей, а накладывать заплатки и заливать дыры пеногерметиком он не разучился. Условия здесь не боевые, но ему так спокойней. Проще объяснить, почему он напялил на себя рухлядь времён царя гороха, чем писать бумаги по травматическому случаю, упаси батюшка Космос и не дай Пустота.

— Трепал нам кудри ветер Пустоты...

Хотя какой в Бездне ветер? Холодища, безмолвие и хищные зубы ледяного безумия — этого здесь хоть половником жри. Отлетел в скафандре километров на пятьдесят от жилых модулей, вырубил маяк, и хрен тебя до второго Большого взрыва найдут. Как там в старину говорили? «Вечно молодой, вечно пьяный». Точноугадали. Так и будешь болтаться молоденьким дураком до скончания веков. Без ранцевика за спиной проще сразу откинуть забрало шлема и не мучиться, задыхаясь от неминуемого удушья из-за нехватки дыхательной смеси. Некоторые именно этим способом сводили счёты с жизнью.

Работать вдали от планет дано не каждому. Насколько бы не была пластична человеческая психика, но люди рождены для жизни под голубым куполом неба, а не под пронизывающими острыми иглами холодных звёзд в черной глубине пространства. Неподготовленному человеку здесь сойти с ума раз плюнуть, поэтому психометрический контроль не дремлет. «Мозголомы» и «психи» в белых халатах бдят. После трёх месяцев вахты на заброшенных к черту на кулички «бидонах» космических станций, персонал принудительно сажают на ближайшую планету или отправляют в отпуск по домам. Пустота обожает возвращать в глубинах человеческого разума различные фобии и любовно пестует психические отклонения. Причём хитрая тварь осторожно обходит околопланетное пространство и большие вахтовые посёлки, сполна отрываясь на замкнутых коллективах удалённых станций.

Попеременно отрабатывая двигателями коррекции, Миша Толстик, пилот «Мула», ювелирно подвёл очередной сегмент кольца к захватам. Голодные челюсти захватов цапнули вожделенную добычу. В сторону Богдана выстрелила петля монтажного троса. Экзоскелетная лапа заспинного «паука» метнулась вперед и защёлкнула карабин, ловко подтянула хозяина по тросу к металлоконструкции.

— Есть захват!... На Пустоту бесконечную, милая, ты не посмотришь с высока. Работаем!

— Работаем! — отозвался Шкарпетко.

Богдан тронул джойстик. Сверкая зеркальными боками, тележка с оборудованием сорвалась с места. Подсвечивая человеческое лицо красно-зелёными огоньками, на внутренней поверхности забрала шлема замелькали данные телеметрии. Богдан только успевал с помощью своих манипуляторов вставлять пеналы с болтами и гайками в приёмные гнезда и одним глазом контролировать плазменную сварку. К сожалению, без ручного труда даже в двадцать шестом столетии не обойтись. После работы надо дать задание техникам откалибровать дозаторы, что-то расход газа слишком велик. Выполнив все положенные по регламенту операции, роботележка подавалась назад.

— Контроль!

— Есть контроль! — Шкарпетко запустил программу проверки смонтированного узла и стыка сегментов.

На одном из блоков, установленном на тележке, откинулась верхняя крышка.

Диагностический комплекс выдал вердикт через минуту. Брака не обнаружено. Втянув в себя гибкие щупальца с сонмом приборов на концах, блок преувеличенно плавно накрылся крышкой. Картинно затянулись пазы. Богдан ухмыльнулся про себя, опять малый ИИ чудит.

Пока начальник участка возился со стыковкой сегмента, бригада монтажников, включающая в себя двух «Мулов», насадила на импровизированный решётчатый кол гигантскую «шайбу» последнего внешнего двигателя и сейчас вручную подтягивала её специальными лебёдками и таями к стопорам. Общеизвестно, что звук в вакууме не распространяется, но Богдану казалось, что лязг фиксаторов разнёсся по всей галактике и пробился через толстые иллюминаторы жилых модулей, весело подмигивающих под ногами.

От кольца до станции около тридцати километров. Ближе нельзя. Не дай Пустота при запуске собранного на коленке термоядерного «солнышка» что-то пойдёт не так — костей не соберёшь, а так хоть силовой экран отразит разлетающиеся осколки. В полумегаметре от жилых модулей развёрнут солнечный парус, бригада под руководством Ли сейчас заканчивает монтаж корректировочных двигателей и энергоретранслятора. Как не вглядывался Богдан в непроницаемую черноту межзвёздного пространства, разглядеть, что там творится в пятистах километрах от маленького человеческого островка, ему не удалось. Оставалось верить рапортам Ли и видеоизображению системы визуального контроля. Главное в сроки уложились все бригады и не произошло срывов... Переплюнуть три раза через левое плечо и показать Пустоте фигу — это самое наипервейшее дело если не хочешь сглазить. Парусу взрыв не страшен, если только зацепит по случайности шальным осколком, но мелкие повреждения и дыры в этом случае не играют большой роли. Тьфу-тьфу-тьфу...

Мучительно захотелось до ветру. Проклятая «Свирь»! Всё, под списание этот хлам, к чертям собачим в утилизатор!

Мысленно зажав мочевого пузырь в кулак, Богдан подогнул колени, толстые сосиски пальцев, затянутые в плен скафандра, легли на джойстик управления двигателем спарки. Тангаж. Скрутив паучьи лапки манипуляторов, горбатая «Свирь» медленно, бочком-бочком отлетела от секции. Китовая туша «Мула» загораживала обзор на сегмент с энергетическим реактором, к которому неторопливо, фыркающая газовыми струями двигателей, приближались транспортные модули с теплообменниками. Поигрывая россыпью цветных катофотов, над сегментом зависли в ожидании сигнала к началу работ несколько десятков монтажных роботов. Вот в сторону решётчатых конструкций выстрелили гибкие концы тросов и маленькая армия машин пришла в движение. Виртуозно маневрируя в пространстве, роботы подхватили тросы и ловко заправили их в якорные лебёдки. Получив команду, транспортные модули синхронно отстыковались от здоровенных «шишек» теплообменников. Да, с отводом тепла в космосе всегда существовали проблемы. И поныне треть объёмов двигательных отсеков космических кораблей занимали системы теплообмена. Ничего не поделаешь, теплопроводность у вакуума совсем ни к чёрту. Из-за разреженного пространства она стремиться к нулевым величинам, в вакууме просто нет вещества или подходящей среды для свободного отвода тепла, вот и приходится изгаляться конструкторам и инженерам...

Через десять минут муравьиная армада стальных монтажников перелетела на внешнюю сторону кольца. По специальным желобам роботы потянули энерговоды к «шайбам» внешних двигателей и магнитам, реактор окутался облаком быстро остывающего пара, оседающего на металлоконструкциях тонкой ледяной коркой, которая превратила темные стальные бока энергетической установки в красивый елочный шар, так и просящийся чтобы им украсили новогоднюю ёлку. Вспоминая любимый детский праздник, Богдан

ностальгически вздохнул и на несколько мгновений предался воспоминаниям. Перед глазами, как в реале, выросло дедовское поместье, на несколько лет ставшее приютом самых светлых воспоминаний вихрастого сорванца. Заросшие дремучим лесом сопки, сверкающие световой чешуёй кляксы озёр, поющие нити горных ручьёв и речушек. Пацаном Богдан излазил все сокровенные уголки «Медвежьего угла» на тридцать километров окрест. Дед натаскивал любимого внука не на страх, а на совесть. А какие праздники устраивали Борис Михайлович и баба Варя! С выездами на снежные шапки гор, лыжами, песнями и танцами, гонками на спидерах и флипах, полётами на дельтопланах. А спуски по горным рекам?! Вот где были настоящие приключения с поиском сокровищ (спрятанных в лесу подарков для внуков) и тайных стоянок пиратов (дед задолго до спусков отправлялся к рекам, причин полётов на флипе он никогда не озвучивал), на которых юные следопыты находили потерянные флибустьерами ножи, фляжки или фонари. Богдан дважды становился обладателем настоящих кинжалов, а однажды нашёл запрятанный в дупле, завернутый в обрезок старой шкуры настоящий самострел с запасом стрел на зверя и птицу. Через неделю десятилетней счастливчик хвастал перед одноклассниками охотой на карликовых оленей, луней и черных озёрных сазанов. Великий охотник при каждом новом рассказе всё шире и шире раздвигал руки, показывая размер самолично подстреленных с берега горбоспинных рыбин и подбитых на влёте луней — водоплавающих птиц. К старикам на огонёк собиралась вся многочисленная родня, дети, внуки и правнуки. Скучно никому не было. Дед умел к каждому подобрать ключик. Отслужив десять лет инструктором по боевой подготовке на Флоте и помотавшись по тихим и не очень углам галактики, вернувшись на родину, Борис Михайлович нежданно-негаданно для родных и знакомых устроился работать воспитателем в детском саду, в котором и нашёл свою прекрасную половинку на всю оставшуюся жизнь. Несмотря на сугубо мирную работу, Борис Михайлович не забыл ввевшихся в кровь армейских замашек по подготовке спецназа, просто перелицовывая методику применительно к спиногрызикам несносным и облекая её в завлекательную обёртку игр и подвигая подрастающее поколение на поиск приключений. Дети просто не подозревали, что опытный педагог искусно и ненавязчиво готовит их будущим тяготам взрослой и армейской жизни. Наоборот, малышня сама мечтала об очередной поездке к деду и жаждала новых впечатлений от захватывающих походов в лес или в горы. Эх, счастливое было время!

Теплообменники вновь укутались в перину сверкающих испарений. На стекле забрала шлема Богдана высветились данные тестового режима, сброшенные по каналам удалённой телеметрии. Не дожидаясь окончания монтажа, техники гоняли охладители на различных режимах работы, в данный момент согласно инструкции проверяя работу клапанов аварийного сброса при повышении давления в системе выше нормативных параметров.

— Штатно..., - невнятно звучало в общем канале. — Все параметры в норме.

Через три часа работы ударными темпами был проведён последний тест и Богдан отдал приказ лишнему персоналу покинуть рабочую зону. Люди и роботы погрузились на транспортные корыта и отчалили на тридцать километров от сооружённой конструкции и гарантированной зоны поражения. Всё же они не кружок радиолюбителей и не радиоинструктор собирали. Случиться может всякое. Выражаясь языком Ли: «Сянсы писят на писят. Писят на залаботает, писят — не залаботает и писят, сто плидёт севелный писеца и будет болсой бадабум». На вопрос, почему и откуда возьмётся писец, следовал закономерный ответ, что хитрый зверь всегда приходит незаметно, а процентная

составляющая его прихода делит сотню пополам.

Наступал самый ответственный момент — запуск генератора и «включение» термоядерного «солнышка». До этого Богдан успел избавиться от пропахшей потом «Свири», ополоснуться в душе +ощна борту «Мула» и перебраться в бронщ-ированного «Снегиря». Костюм имени красногрудой птички отличался от остальных дополнительным встроенным армейским спасательным кибердоком, позволяющим вогнать человека в состояние искусственной комы. Случись на кольце взрыв, кибердок станет последним шансом на спасение. Рядом в точно такой же экипировке мялись Михаил Шкарпетко и Володя Машков, бригадир техников-наладчиков.

— Готовы, смертнички? — усмехнулся Михаил, получив похлопывания по плечам, он выдал традиционное напутствие. — Ну, ни пуха, ни пера!

— К чёрту! — Богдан и Володя были едины во мнении отсылки перьевого дефицита в преисподнюю.

Какая бы степень развития у цивилизации не была и на какой ступени она не находилась по уровню техники и систем безопасности с их двойным и тройным резервированием, всего предусмотреть невозможно. Законы Мерфи непреложны, плюя с высоты жизненного опыта и принципов подлости на компьютерное управление, автоматику, механику, искусственный интеллект и прочие замены простому человеку. Суррогат он и есть суррогат, а красную кнопку никто не отменял... Добровольным «смертничкам» предстояло стать последним барьером между здравым смыслом и выживанием маленькой колонии.

— Синхронизируем управляющие контуры, — язык во рту Богдана превратился в пересохшую култышку, в горле от волнения проросли пустынные колючки. — Внимание! Запустить двигатели, активировать генераторы магнитных полей... Обратный отсчёт. Десять, девять...два, один, подрыв!

Термоядерный запал, пламя преисподней не сумело вырваться из ловушки, устроенной людьми. Микроскопическое солнышко в центре двухкилометрового кольца торжественно мигнуло и проглотило первую порцию пищи, выработанной из ледяного астероида... В прожорливом чреве искусственного светила родилась надежда на благополучный исход, за спинами троицы басовито загудели теплообменники.

— Реакция стабильная! — приятным грудным женским голосом отчитался ИИ. Тень бронированной перчатки, накрывавшая красную кнопку, исчезла. — Отклонений от заданных параметров не наблюдается.

— Фу, заработало, — Богдан устало опустил на пол. Латная перчатка скользнула по шлему так и не добравшись до солёных капель пота. Что ни говори, верх глупости становится облачком раскалённой плазмы в самом разгаре жизни, когда у тебя появилось светлое будущее и обожаемая невеста.

— Работает, командир! — радостно орали Шкарпетко и Машков, прочитавшие сухие строчки данных телеметрии, поступивших с солнечного паруса. Спасибо Пустоте, хоть обниматься не полезли. Есть энергия. Завтра парус подтащат ближе к станции, но уже сейчас можно было с уверенностью утверждать, что их авантюра увенчалась успехом.

Народ на станции ликовал, хотя сухое слово слабо отражало ту радость и настрой, царивший на микроскопическом пятачке среди бескрайнего океана космоса. Эйфория — это ближе к истине. Поняв, что царящее буйство вот-вот выплеснется за очерченные трудовым договором рамки, Богдан возглавил процесс и объявил выходной, но приказом по посёлку усилил дежурные наряды. Благо повод придумывать не пришлось. Народ у него собрался

умный, большей частью тёртый и понимающий, что сляпанное на колене термоядерное «солнце» требует особого пригляда, поэтому шибко не расслаблялся. Так, по чуть-чуть из тайных заначек и законных «командирских» 100 грамм. Никто не перебрал, но плечи местным героям отхлопали изрядно — до синяков. Фразу про титановые яйца и стальные нервы сегодня не повторил только ленивый. Правда Богдан заранее обломал народу кайф, объявив на общем собрании, что кастрирует пластиковым ножом любого, кто проболтается на «большую землю» о его геройстве. Дурь это, а не геройство. Народ проникся видом сжатого кулака с набитыми костяшками и содрогнулся от прозвучавшей из уст шефа угрозы. Мужик сказал, мужик сделал. Умников, решивших на собственной шкуре проверить угрозу, на станции не нашлось.

— Так, народ, — символически пригубив коньяк, Богдан поставил стаканчик на столешницу, — отбой в двадцать три ноль-ноль по внутрикорабельному времени. Не засиживаемся, план с нас никто не снимал, завтра на работу. Дежурные вахты не забываем о меддиагностике, если кто договорится поменяться сменами, не забываем известить нарядчика. У меня всё, хорошо посидеть, ребята. Паршин, остаёшься за старшего, проследи тут...

Кивнув набившемуся в кают-компанию персоналу, Северов покинул празднество. Сейчас он хотел одного — упасть и забыться. Всё же не каждый день выдаётся сидеть на ядерной бомбе с запущенным часовым механизмом. Нервов такое времяпровождение съедает вагон и сто маленьких тележек. С каким бы удовольствием он распластался на кровати, эх, мечты-мечты.

— Шеф!

Дружеский, с ноткой искреннего беспокойства, шлепок вырвал Богдана из страны грёз. Только в этот момент до Северова дошло, то Михаил Шкарпетко не первую минуту пытается достучаться до его разума.

— А?! Извини, задумался.

— Бувает, — с ударением на «у» вместо положенной «ы», пророкотал Михаил. — Шеф, мы тут баньку в третьем отсеке намедни по-тихому соорудили. Хорошая банька, с парной-каменкой, я веничков настоящих оказией с Лели притащил. Берёзовых! — уроки искушения у Шкарпетко не поленился взять бы сам дьявол, настолько завлекательно прозвучали слова про баню и веники.

— Венички, — Богдан мечтательно прикрыл глаза. — Умеешь ты уговаривать. Погодь, за полотенцем зайду.

— Шеф, — проникновенно ответил Михаил, — всё есть, никуда заходить не надо. Пить никто не собирается, что мы, без понятия что ли? Для души посидеть охота, у нас всё чин чинарём! Толик Бурлаков даже квас из хлебных корочек настоял у охладителей.

— Душу не продаю! — шутливо отмахнулся Богдан, не зная, толи наказывать мужиков, толи премировать. Надо же, извернулись хитрецы! Зазвав начальника участка в баню, механики одним только его посещением подпольного, прошляпанного прямо под носом заведения, придавали ему законную легитимность. Чувствуется рука опытного психолога.

— Ага-ага, — глубокомысленно покивал Шкарпетко, дьявольски ухмыляясь во все тридцать два. Записной хитрец сразу уловил, что задумка прокатила и общее добро от грозного начальства получено.

— Веди уже, Сусанин. И, Миша, на будущее, я разумное и доброе не запрещаю, но в известность, будьте добры..., - грозно сверкнув глазами, отнюдь не шутливым тоном

закончил Северов.

Тут только отпусти вожжи, мигом на шею сядут. Иногда инициатива и самостоятельность снизу «оченьно полезительны» для дела и общего психологического климата в коллективе, а иногда дурь, истекающую из рядов подчинённых, следует давить в зародыше, выпалывать на корню. Благо баня оказалась начинанием из первого списка. Шкарпетко приложил руку к груди напротив сердца. Поза и лицо кающегося механика как бы говорили, что «никогда больше». Хотелось верить. Впрочем, держать руку на пульсе ему никто не мешает.

Банька впечатляла, честно. Богдан подумать не мог, что в тесноту промышленного модуля можно втиснуть нечто подобное. Раздевалка, мойка, парилка — всё, как в лучших домах «ЛондОну и ПарижУ»! Сколько веков этой присказке, а шуточный смысл и глубокий смысл остаются актуальными по сей день. Главное строители-самоделкины умудрились запихать в модуль фильтровальную станцию и резервную систему жизнеобеспечения с регенерационными патронами и блоком воздухообменника. Вода из канализационного отвода попадала в ионно-плазменный очиститель, а оттуда прямым рейсом отправлялась в оранжерею по дублирующему трубопроводу. С точки зрения инженера ничего удивительного. Регенерационные патроны задействованы максимум на четверть, как и генераторы газофильтровальной станции. Рационализаторы присобачили к корпусу модуля внешнее устройство производящее воду из льда, благо последнего было завались. Второй функций у дополнительной надстройки было расщепление воды на водород и кислород. Первый большей частью выбрасывался в космос, а второй подкачивался в систему воздухораспределения и вентиляции. Короче, парни предусмотрели всё.

Строители к делу подошли с размахом. Стены бани были оббиты панелями «под дерево», фактура полов и полков в парилке повторяла деревянные плахи, даже синтезатор запахов выдавал мягкий древесный аромат. Откуда Шкарпетко и Ко натащали камней в каменку остаётся тайной за семью замками, но и пусть с ними. Богдан с удовольствием поддавал парку и блаженно щурил глаза, тюленем валяясь на верхнем полке и охаживая себя веником. Всё же рационализаторы на премию заработали...

В самом благостном расположении духа он добрался до родной каюты, обессилено рухнув на откидную кровать. Лепота! Для полного счастья не хватало сугроба или заводи с ледяной водичкой, но и так неплохо. Установив будильник на половину шестого утра, Богдан провалился в сон без сновидений.

* * *

— Доброе утро! — приоткрыв правый глаз, Богдан нашарил взором светящийся в полумраке цифровой циферблат. Пять часов двадцать минут. Какого чёрта? Десять минут до грёбаного звонка будильника! Самый сон.

По периметру каюты приглушенно, мягким, не раздражающим светом засветились потолочные светильники, а у рабочего стола возникла голографическая проекция штатного медика станции.

— Доброе утро, Богдан Михайлович! — повторила врачиха.

— Доброе, Варвара Сергеевна. Чем обязан? — откинулся на подушку Богдан.

— Периодический медосмотр, Богдан Михайлович, — всплеснула руками Варвара. —

Вчера я вас не стала тревожить, а сегодня будьте добры. Я и так корю себя на все лады за проявленное вечером малодушие, так что прошу не усугблять кризис моей совести, иначе последствия для вас могут быть самыми неблагоприятными. И будьте добры не скалиться, я на дух не выношу, когда умные и вроде взрослые люди наплевательски относятся к своему здоровью. На мой профессиональный взгляд бронированные скафандры играют роль немногим большую, чем припарка после бани. Вы добровольно сунулись в активную зону и подверглись радиоактивному излучению во время подрыва запала. Моя задача оценить нанесённый организмам ущерб и принять меры. Как минимум арадиотиновый курс вам придётся пропить.

— Понимаю, — Северов легко согласился с доводами последовательницы Эскулапа. Спорить с врачом себе дороже. Варвара Краса — длинная коса в своём праве, она единственная обладает властью взять начальника участка под уздцы и поставить в стойло, сиречь загнать в медизолятор или совсем отстранить от работы по медицинским показателям.

— Вы подойдёте в медотсек или предпочтёте дистанционный вариант?

— Дистанционный.

— Хорошо. Расслабьтесь, Богдан Михайлович.

— Да я, вроде как, и не напрягался.

Отключив будильник, чтобы не тренькал, Северов кивком показал врачу, что готов к осмотру. Из прикроватной стены выдвинулся биометрический сканер, следом за ним показался торец пенала с медицинскими датчиками в виде широких браслетов, надеваемых на запястья рук и щиколотки. Незаметно подобравшийся манипулятор кольнул в правое плечо.

— Сегодня по расширенной программе, — внесла ясность медик. — Вчера у всех нас был тяжёлый день, я должна быть уверена, что вам не грозит нервное истощение и всё к нему прилагающееся.

— Понятно. Вы не против, если я отвлекусь на фильм или новости?

— Ради бога.

Полный медосмотр занимал от двадцати до сорока минут, как раз достаточно времени на просмотр информационного пакета. Параллельно с начальником участка Варвара загнала под биосканеры всех участвовавших во вчерашней операции по зажиганию термоядерных звёзд. Времени у неё в обрез, через час в медотсек завалятся парни и девушки, спешащие на смену, потом пойдут отдежурившие, не до вникания в биометрию героев дня. Лучше с утра подловить их тёпленькими в постели.

Начальство не возражало против подобной постановки вопроса, одоблив порыв надзирателя за здоровьем вахтовиков целиком и полностью. Удобно прежде всего и врачу и пациентам. Пока над тобой чирикает сканер и снимает все параметры, ты можешь подремать или посмотреть новости. Пусть с опозданием на сутки, но форпост человечества таки удерживался в информационном поле цивилизации. Нацепив очки и воткнув в левое ухо горошину аудиоретранслятора, Богдан погрузился в последние сводки.

Галактика бурлила новостями аки кипящий котёл. Светскую рубрику со скандалами и свадьбами певцов ртом и прочей гламурной ахинеей, интересной разве что упёртым домохозяйкам, он привычно пропустил мимо ушей, внимательно прослушав бюллетени о политическом конгрессе глав администраций и планетарных властей Провала. Политический бомонд российского сектора резко осуждал законопроект парламента Земной

Конфедерации об увеличении пошлин и дополнительного налогообложения на группы товаров кораблестроительного сектора и тяжелого машиностроения. Повторялась привычная история. Каас через своих ставленников и союзников в англосаксонских фракциях или сами англосаксы (прикрываясь каас) давили на несговорчивых русских, перекрывая кредитные линии и залезая в кошелёк варваров. В очередной раз методом экономических санкций «партнёры» и оппоненты пытались добиться политических уступок. «Провал» на сделку не шёл, ответным шагом ограничив поставки в миры метрополии редкоземельных металлов, высокотехнологичных товаров и агропромышленной продукции долговременного хранения. Правильно, пусть жрут биомассу и пищевой концентрат. Третий флот начал очередные учения на границе сектора. Эскадры под флагами адмиралов Рождественского и Орлова отрабатывали взаимодействие с планетарными силами самообороны по борьбе с космическими пиратами. Попутно русских в очередной раз обвинили в излишней милитаризации космического пространства, выразившемся во вмешательстве в жизнь ряда планет, не принадлежащих к зоне ответственности российского сектора. Чья бы корова мычала.

Нестерпимо захотелось почесать маковку, но, скосив взор на диагностические браслеты, Богдан отказался от этой гениальной идеи. Медицинский биосканер, будь он неладен, не одобряет резких движений во время съёма параметров организма. Настройка у него, понимаешь, сбивается. Ути-пути, какие мы нежные. Так, о чем нам ещё напоёт рупор галактических новостей «Терра ньюс»?

Как и большинство русских, живших в Провале, Северов скептически относился к официальным информагентствам, ангажированным правительством Конфедерации, но слушать завиранья шелкопёров и акул пера было несказанно интересно. Сказочники, Пустота им в печень. Умеют завернуть словцо в красивую обёртку. За сотни лет апологеты второй древнейшей профессии поистине достигли высот в оболванивании пейзажей, как и подвизавшиеся на вспахивание благодатной нивы политики и политиканы. Если верить последним, то у Конфедерации впереди безоблачное светлое будущее и стада сказочных пони на горизонте. Видно, власть имущие нанюхались «искрящейся пылицы», груз которой изъяли на Луне в транзитной зоне международного космопорта «Леонов». Контейнером с тридцатью килограммами наркотической дури можно было запросто отравить море типа Черного и ещё Средиземному на закуску досталось бы.

Контрабандисты и наркокартели наглеют день ото дня, а правозащитники дерут глотки до хрипоты стоит органам правопорядка в китайской или русской зонах расстрелять кого-нибудь из обнаглевших проходимцев. Негуманно, а то, что от «пылицы» люди превращаются в «растения» это нормально и гуманно? За последнее разорённое гнездо пиратов, которые попали под гравитационный каток дестроеров Третьего Флота, русские варвары, убивавшие всех направо и налево должны ответить по всей строгости закона. Почему военные предпочли самый радикальный метод? Почему пиратам не предложили сдаться и не передали заблудшие души в руки правосудия? Легко догадаться, что искусственно выведенные русские генетические мутанты (ага-ага, кому-то евгеническая программа, одобренная колониальными администрациями Русского сектора, встала поперёк глотки), которыми Флот просто кишит, не знают обычной человеческой жалости. Монстрам, обученным убивать без разбора направо и налево, неведомо сострадание. А пиратам ведомо? По данным СБ, поступившим с последним информационным пакетом, на базе «джентльменов удачи» обнаружено четыре тысячи криокапсул с живым товаром. Среди них

люди, роух и «чибы» — очередной выверт фантазии генетиков, выползших из лабораторий неких закрытых неназываемых корпораций — филиалов спецслужб, если смотреть не через шоры на глазах.

Ни для кого не секрет, что секс-индустрия на курортных планетах приносит владельцам профильных заведений и курортов в целом, изрядный кусок от общего пирога прибыли. Извращенцев хватает, особенно на «развитых» и «цивилизованных» планетах с процветающим культом толерантности, как жаль, что их не становится меньше.

Богдан, стиснул кулаки, на всю каюту громко хрястнули сжатые в металлический ком суставы. Сволочи, опять они за своё, твари! Мало вас мульты и десантный корпус покروшили. Недорубили, а недорубленный лес вырастает. Прав Александр Васильевич, сотни лет прошли, а слова Суворова актуальны и поныне.

Сколько годков минуло, сто пятьдесят, двести? Около двухсот лет назад Конфедерацию основательно потрянуло и колонии, на радость остальным галактическим расам, чуть не схлестнулись с Метрополией. Из-за чего разгорелся весь сыр-бор? Из-за геномодификантов, выведенных в закрытых генетических лабораториях Альфы — курортной планеты на границе японского и американского колониальных секторов. Как сказано выше, одних пляжей, парков и прочих развлечений отдыхающим оказалось недостаточно. Нейтральный статус мира с неофициальным патронажем звёздно-полосатого флага развязал дельцам руки и притушил совесть. Изюминкой тропического рая с мягким климатом вечной весны слыли элитные бордели и службы эскорта, пользовавшиеся бешеной популярностью у определённой части толстосумов с тугим кошельком. «Девочек» и «мальчиков» на любой цвет волос, кожи, рост и размеры достоинств пресыщенной публики оказалось недостаточно. Хотелось разнообразия, а рынок славен тем, что спрос диктует предложение, а триста процентов прибыли являются лучшим мотиватором. На какие преступления только не идут люди ради сказочного барыша. На острове Гуам, одноимённого архипелага Альфы давно прописались симпатичные вагончики и белоснежные пенобетонные корпуса «СтарГен Инк». Филиал хитрой корпорации, расположенный в тиши пальмовых рощ, взялся за заказ. Грузовые суда доставили на планету пять тысяч маточных репликаторов карусельного типа. Штатный состав лаборатории незаметно пополнился инженерами и генетиками, тихо переведёнными в тропический рай с учреждений с повышенным уровнем секретности... Оттуда же перекочевали сугубо военные разработки по выведению суперсолдат. Пять лет, под прикрытием закона о клонах и синтезированных искусственных геномодификантах, согласно которого у последних отсутствовали какие-либо права и они приравнивались к вещам — собственности хозяев, длились интенсивные исследования. Учёные работали в поте лица и не разгибая спины. Ещё четыре года в полноформатных репликаторах вызревали плоды безумных гениев — новый вид живых сексуальных игрушек — «тоймен» и «тойгёрл» или «мульты», как их позже назвали в Русском секторе.

Юноши и девушки, покинувшие биокапсулы клонер-центра выглядели, словно сошедшие с голоэкранных и трёхмерных постеров герои популярных аниме фильмов и сериалов. Кукольные личики с громадными, чарующими глазами у девушек, либо брутальным видом у смазливых парней. Каскады волос всевозможных расцветок. Идеальные фигуры с изумительными пропорциями и прелестями у дам и треугольными мускулистыми торсами у сильной половины человечества. Клонеры окупили затраты на генетическое моделирование на двести процентов. Живые куклы были послушными, на диво выносливыми и неутомимыми, они, не зная слова «нет», выполняли любые прихоти

клиентов и хозяев. Всё было хорошо и прекрасно, но тут вмешался незапланированный фактор. В силу определённых причин, а скорее всего из-за научного интереса (разработчики желали проверить репродуктивность «товара»), первую партию секс-рабов не стерилизовали, а полноценной установке подчиняющих императивов помешала какая-то закавыка в ДНК-цепочке. Клонерам «СтарГен» удалось модифицировать у подопытного «материала» мышечную структуру, доведя процент «розовых» волокон мышц до восьмидесяти процентов и усилив костяк естественным углеродным волокном. Первое потянуло за собой реакцию и скорость прохождения нервного импульса. Конечно, клонов сразу подвергали ментальной обработке с закладками на подчинение и отсутствие собственной воли, и так бы они доживали свой век покорными рабами, но с течением времени заложенная в ДНК зверская регенерация и удивительные аналитические способности первого поколения «игрушек», постепенно сводили медикаментозное и ментальное вмешательство на нет. Удивительно или, наоборот, ничего удивительного, камнем преткновения стали дети и насильственно прерываемые беременности рабынь для утех. В среде игрушек успели сложиться настоящие супружеские пары. Хозяева безжалостно разлучали влюблённых и заставляли избавляться от плодов любви, а непокорных «утилизировали». Немудрено, что подчиняющие императивы у первого поколения оказались основательно подточены и однажды последовал закономерный взрыв. Восстание «игрушек» стало громом среди ясного неба для хозяев сети «Садов Бэндзайтен». Японская богиня любви отвернулась от неверных последователей.

Как это водится, у восставших нашёлся лидер, сумевший организовать бывших безвольных игрушек и сменить большинству из них ментальные закладки. Как бы иронично это не звучало, звали его Спартак. Назвавший его так учёный не подозревал, что история более чем двух тысячелетней давности повторится в виде кровавого фарса. Первым делом, пока власти раскачивались и пытались понять что происходит, Спартак и примкнувшие к нему огнём и мечом прошли по «причинным заведениям». Итогом рейда стали сотни убитых и тысячи раненых «клиентов» и просто попавших под горячую руку отдыхающих. После чего он загнал освобождённых соплеменников в нейрокапсулы, убрав навешанные в психику закладки, затем поголовно у всех деактивировал биомодулирующие чипы с устройствами самоуничтожения, предусмотрев и внедрив защиту от повторной активации. Биоинженеры захваченного исследовательского центра работали не за страх, а за совесть. Жить захочешь, не так раскорячишься, знаете ли.

Когда до заплывших жиром мозгов планетарной администрации дошёл масштаб катастрофы, вольную получили около восьми тысяч человек. Остальных постигло возмездие. По всей планете поломанными марионетками рухнули наземь тысячи «игрушек» у которых не были деактивированы чипы. Сотни рабов отдали богу души по всей освоенной галактике. Команду на самоликвидацию продублировали гравитационные ретрансляторы. Понимая, что дни его сочтены, а восстание вот-вот задавят в зародыше, Спартак решил действовать на опережение. Позже комментаторы новостных каналов Конфедерации на все лады будут талдычить феноменальной удаче и любви Фортуны к униженным и оскорблённым рабам, но преподаватели на занятиях по тактике делали акцент на том, что клоны Альфы опирались на военные разработки и у первого поколения «изделий» осталось своеобразное наследство в виде уровня IQ бывшего значительно выше среднего. Конечно, везение и благосклонность богини удачи имеют место быть, без этого никуда, но во фронт в первую очередь выдвигаются трезвый расчёт и тщательное планирование — сильные стороны мультяшек, на

которые они сделали основную ставку. В тактике и стратегии бывшие элитные Жигало и проститутки наголову превзошли профессионалов восьмого штурмового корпуса Второго Флота Конфедерации. Рабы понимали, что прощения не будет, не ждали они и милости от хозяев.

Сотни перепрограммированных автоматических флаеров, места пилотов и пассажиров в которых занимали полные бочки бензина и коктейля Молотова (древняя смесь — оружие толпы и ополченцев, благополучно пережила сотни лет развития техники), в несколько волн свалились на мобилизационные арсеналы. Охрана, отбившая первую волну, сгорела или задохнулась, когда с небес на грешную землю обрушился огненный дождь и тонны горящих ядовитых химикатов. Противогазов, молекулярных фильтров и газообменников у экзоскелетных костюмов стражей порядка не оказалось в наличии. Недоработка стоила жизни семидесяти бойцам. Горящих и кашляющих людей, выбегающих из ядовитого огненно-серого облака, добивали или вязали на месте. В зависимости от того, во что они были облечены. Плод в виде стрелкового и энергетического оружия, передвижных зенитных комплексов, экзоскелетных бронекостюмов, лёгких бронев автомобилей и патрульных флаеров, упал в подставленные ладони Спартака.

Два наспех сколоченных батальона под прикрытием зенитных установок и рельсовых роторных установок, смонтированных на боевых флаерах, ворвались на космодром и захватили несколько боевых кораблей, осуществлявших высадку подразделений, специализирующихся на подавлении бунтов и мятежей в тюрьмах. Только-только разгрузившиеся части не успели оказать даже минимального сопротивления, насмерть раздавленные в гравитационной ловушке с помощью генератора локального поля повышенного тяготения. Тридцать «g» в течение четырёх минут, пока не сдохли энергоячейки питающие запасной корабельный гравигенератор, под прикрытием пальмовых рощ загоня подтащенный к краю взлётного поля, превратили храбрых вояк в воюющие мешки с мясом и переломанными костями. Экипажи звездолётов, как и сами суда, зацепило краем, хотя пяток десантных штурмботов стали консервными банками с мертвой начинкой. Команды, не ожидавшие атаки, пали жертвами собственной расслабленности и безалаберности, единицы кораблей, попытавшиеся взлететь, были моментально сбиты из орудий наземного комплекса противовоздушной обороны, к этому моменту захваченному третьим батальоном. Из всех экипажей уцелевших космических кораблей не совсем целыми, но живыми, хоть и в разной степени помятости, остались пилоты, штурманы и астронавигаторы. Остальные пополнили ряды грешников, осаждающих врата рая в ожидании страшного суда. Эсминцы и МДК (малый десантный корабль), поднятые восставшими в небо, массированным ударом бортовой артиллерии дотла спалили центры по производству живого товара вместе со всеми учёными и обслуживающим персоналом. Ударный труд по деактивации биочипов и снятию моделирующих закладок не спасли «создателей» от заслуженной кары.

Отправив соседям сигнал «SOS» и уповав на вооружённую поддержку, толстые тараканы планетарной администрации лихорадочно искали пятый угол и тёмную щель, в которую можно было незаметно забиться и переждать бунт. В секторе Ниппон объявили чрезвычайное положение, правительство американского сектора направило армейские части на подавление мятежа.

Первая помощь, злая на то, что её вырвали из тёпленьких казарм и постелек и жаждущая поквитаться за причинённое беспокойство, прибыла на Альфу спустя долгих шесть часов.

Полнокровный корпус высадился на пляжи Гуама и Голд айсленд. Потеряв около трети личного состава в упорных боях, армейцы сломили сопротивление лишь для того, чтобы с удивлением и ошеломлением узнать, что сражались с немногочисленными добровольцами из заслона, призванного отвлечь внимание от эвакуации нескольких тысяч «игрушек» на захваченных кораблях. Мульты набивались в суда подобно селёдкам в консервные банки. История умалчивает о том, каких мук им стоило перенести изматывающее путешествие в Русский сектор... Добровольцы, оставшиеся прикрывать бегство, погибли все до единого. Никто не сдался на милость победителя. Всего планету покинуло шесть с половиной тысяч беженцев.

Издревле повелось, что с Дону выдачи нет. В тот раз пальму первенства земной реки взял на себя Провал. Беглецы понимали, что ни в диком космосе, ни в других частях галактики они самостоятельно не выживут. Не хватит ни знаний, ни технологий. Галактические расы даже не будут заморачиваться, походя и незамысловато уничтожив хрупкие скорлупки. Земные колониальные администрации вернут новоявленных варнаков хозяевам — никто с бесправным имуществом связываться не будет (Спартак знал, что деньги решат вопрос возврата положительно и на них отыграются за пережитый страх), восставшие уповали лишь на планеты Русского сектора, единственные, у которых хватит духу показать кукиш всему миру за границей сектора.

Беженцев накормили и обогрели. Как можно догадаться, крик и ор стоял до небес, обвинения и угрозы ввести различные санкции, словно пули, летали над головами дипломатов. Обстановка и уровень риторики накалялись день от дня, пока адмирал Треухов не поднял Флот в ружьё. Грозная армада, нарисовавшаяся на границе нейтральной зоны, одним своим присутствием заставила перейти от угроз к конструктивному диалогу. Большинство политических фракций в парламенте Земной Конфедерации оказалось не готово ввязываться в свару с бешеными русскими, чей флот недвусмысленно намекал, что шутки кончились. Так бывшие сексуальные рабы и рабыни обрели новый дом, а прадед Михаил Родионович нашёл себе жену. У прабабушки Дианы была великолепная, цвета морской волны, густая грива волос. Старый ворчун долго сокрушался, что этот признак рецессивный и не передался детям, зато Диана до самой смерти оставалась единственной и ненаглядной русалочкой старого ветерана локальных конфликтов. Они шестьдесят пять лет прожили душа в душу. А что Спартак? Спартак взял себе фамилию Вольнов, закончил Новоистринское Высшее Военно-воздушное командное училище на Ладе, успев во время учёбы жениться, и дослужился до погон генерал-лейтенанта ВДВ. Спартак Вольнов стал родоначальником молодой династии армейских офицеров и научных светил. Нет, не первой величины, но дети, внуки и правнуки патриарха прочно обосновались за спинами маститых академиков и профессоров, став тем стеновым хребтом, на который опираются гении и подвижники.

И вот снова. Вернулось назад двухсотлетнее эхо давних событий. «Чибики» — биомодификанты с гидроцефальными головами, милые и симпатичные создания, не приспособленные к самостоятельному существованию без специальной подпитки, их творцы учли уроки истории, заранее оградив себя от возможных бунтов. Снова Третий Флот, спецназ полиции и снова политический скандал, грозящий перейти в затяжной кризис или чего похуже.

Внезапно новостной блок сменился музыкальным. Венский симфонический оркестр и бессмертный Вивальди.

— Зима, — шепнул Богдан, переводя взгляд на голопроекцию. — Варвара?

— Не читайте по утрам газет... и новости не смотрите, особенно во время медосмотра. Адреналин подскочил, сердцебиение, ещё чуть-чуть и вы бы ринулись убивать. Музыка успокаивает, особенно классика.

— Хорошо, — Богдан прикрыл глаза, пожевал губами и добавил, — спасибо!

— Не за что, — отмахнулась Варвара. — Все бы были такими покладистыми пациентами. Эх...

— А я покладистый?

— Скажем так — не вредный.

— Утешили, Варвара Сергеевна.

— Рада стараться, — ехидно отбила подачу медик. — Придётся пройти вам, Богдан Михайлович, арадиотиновый курс и биорегенерацию после вахты. В целом ничего страшного, но две недели профилактики ничто перед лечением лучевой болезни. За таблетками прошу непосредственно ко мне, и не вздумайте откладывать дело в долгий ящик.

— Начались угрозы, — печально констатировал Богдан.

— Полноте, Богдан Михайлович, — в глазах медика загорелись дьявольские искры. — Разве может подчинённый угрожать начальнику?

— А кто может? — наблюдая за втягивающимся в стену шлейфом проводов и гибких манипуляторов, присел на кровать Богдан.

— О-у! — улыбка Варвары стала поистине мефистофельской. — Перевожу на вас вызов по закрытому каналу...

— Что?! — голограмма медика подёрнулась рябью.

— Северов, ты — козёл! — над проекционным пятаком повисло изображение Регины. Очень злой Регины.

— И тебе здравствуй, дорогая! — мигом обуздал чувства Богдан, продолжив ледяным тоном. Да, невеста переживает за него и это очень греет, но позволять сесть себе на шею и погонять сверху он не собирался, даже чувствуя себя со всех сторон виноватым. Тем более избранница сердца вчера на полном серьёзе могла стать вдовой. Дед воспитывал внука в строгом патриархальном стиле. Жена или подруга имеет право высказать наболевшее в глаза, но наедине, а не срываясь на публичное полоскание личного белья. Канал закрытый, но связистов с обоих концов никто не убирал. Накрутив себя, Регина лишь спустила сплетни с поводка. — Знаю всё, что ты имеешь мне сказать. Но прежде позволь напомнить тебе, что я мужчина и начальник участка, за горбом у которого десятки человеческих душ и на этом основании позволь мне самому решать, козёл я или нет и в каком месте козлее.

Покраснев аки маковый цвет и проглотив заготовленную тираду, невеста отбилась. Обиделась. Ничего, она девочка умная. Поплачет немного, подумает и примет сторону жениха, ибо сама вылеплена из того же теста, только намного симпатичней на лицо и значительно округлей в некоторых других местах. И в положении... Убить того, кто посмел донести. Медленно зажарить его на дефлекторном отражателе.

— Варвара Сергеевна, надеюсь вам не надо повторять прописную истину о языке за зубами?

— Обижаете, Богдан Михайлович.

— Вас обидишь, пожалуй. И всё же прошу не распространяться. — надавил Богдан. — Можно вас попросить о маленькой услуге? Передайте, пожалуйста, связистам, чтобы готовили аварийно-спасательный комплект вазелина. Кое-кому, распутившему язык, пора

снимать стружку и устроить сеанс сексотерапии. Вы меня премного обяжете, Варвара Сергеевна, — подойдя к голограмме вплотную, процедил Северов. Ночная вахта попала под раздачу. Приключения со «злым солнышком» уплыли на сторону, а кто любит, когда секреты покидают предназначенную им скорбную обитель?

* * *

Мостик центрального управления принтера можно было легко спутать с гидропонной оранжереей. От благоухающих цветов кружилась голова. В клетках весело перекрикивались канарейки и золотистые певунцы — певчие птички с Лады. Золотистыми их делало оперение, переливающееся всеми цветами жёлтого. Как ни странно, над зелёным уголком шествовал оператор Валентиныч — дородный мужчина героических пропорций. На широком добродушном лице Валентиныча (и никак иначе, без имени и фамилии) царствовали пышные усы, делающие добряка похожим на ленивого моржа. Из курсирующих по вахтовым посёлкам слухам, Валентиныч в своё время отучился на агронома, но всю жизнь, от звонка и до пенсии, до которой остались считанные месяцы или две вахты, если считать рабочими циклами, оттрубил в тоннельном отряде. Своё призвание и полученные в сельскохозяйственном институте знания, он реализовывал в виде зелёных уголков, больше напоминающих дикие джунгли. Это ещё принтере он не успел развернуться. К концу строительства из кадок по служебным проходам поползут жгучие и кусачие лианы, стены обовьёт мускусный выюнок, операционный зал станет царством овощей и фруктов, выведенных селекционерами и самозваными мичуринцами специально для стеснённых условий станций и замкнутых оранжерей. Маленькие кубические арбузы и дыни с гранью в двадцать сантиметров давно никого не удивляли, зато ремонтники и оперативным персонал обожали полакомиться сливами, черешней и абрикосами специально выведенных сортов. Помидоры и огурцы отлично заменяли сухпай и пакетированную закуску, когда в тёмных уголках станции собирались «на троих». Валентиныч как сыр в масле катался, организуя натуральный обмен. Камни и друзы кристаллов на помидоры, поделки и рукоделие на фрукты. Руководство не препятствовало ибо живой уголок благотворно влиял на климат в коллективе. Официальной оранжерее, как ни крути, было мало, зажатые в четырёх стенах люди хотели кусочка родины и Валентинычу сходили с рук все залёты и косяки. Его держали и за него держались. Официальные оранжерее тоже держались на пустотном агрономе любителе. Добродушный увалень обладал талантом вырастить апельсины в старой пепельнице. А что он творил с полноценным цветочным горшком вообще не поддавалось описанию, поэтому «озеленитель» плевал на все ревизии и проверки. Слава Пустоте, берегов Валентиныч не терял и шестым чувством чуял, когда лучше прикинуться ветошью и не отсвечивать.

Вот и сейчас, напевая под нос что-то фривольное, оператор принтера на коленях ползал вокруг массивной кадки с собственным аккумулятором и генератором поля тяготения, вмонтированном в основание. В руках медведеподобного мужика мелькали секатор и узкая лопатка. Валентиныч умудрялся одновременно обрезать сухие ветки растения и подсыпать лопаточкой грунт из распоротого мешка, сделанного из биоразлагаемого целлофана.

— Засохла, моя девочка, — закончив петь, не замечая начальство, бормотал садовод. — Сейчас папочка сделает тебе красивую причёску и подкормит свою маленькую малышку.

Так, так, вот, сейчас-сейчас мы уберем эти нехорошие колючки и наладим дозатор. Пей моя хорошая. Моя маленькая будет цвести? Конечно она будет цвести красивыми цветочками. Папа её покормит фосфором и азотиком, подсыпет минеральчиков и у нас будут ягодки на варенье.

— Ягодки, Валентиныч, будут у тебя, — плюхнувшись на сиденье, Богдан оторвал оператора от любимого занятия. — Ягодищи, арбузищи!

— Богдан...

— Тридцать лет Богдан, что дальше, Валентиныч? Ты мне, агроном недоделанный, какого черта план срываешь? Ты, гном садовый, сколько секций уже должен был выдать, а?! Ответь мне, Валентиныч.

Вскочив на ноги и виновато потупившись, Валентиныч отряхивал грязные колени и боялся оторвать взгляд от носков ботинок с магнитными подковами.

— Так это, контейнеры с порошком..., того. Закончились! — нашёл оправдание агроном и широко, чисто невинный младенец, улыбнулся.

— Ты уверен, Валентиныч? Тогда что за партию груза нам отстрелили час назад и какую хрень в стофутových боксах в приёмный терминал принтера таскают «Муль»?

— Ой, я это, — окрасившись в маковый цвет, садовод вновь попытался что-то найти на носках злополучных ботинок и спрятал садовую лопатку за спину. — Это..., заработался.

— Это я забираю! — Богдан отобрал лопатку, сгрёб секатор, мешок грунтом и ведёрко с прочим садовым инвентарём. — Получишь обратно, когда отпечатаешь десять секций. Десять, Валентиныч! Понял меня?

— Понял, — чуть ли не глотая слезы, пробормотал виновник сбоя работы вахты.

Сунув под нос оператору кулак со сбитыми костяшками, Богдан покинул сию скорбную обитель. Обиженное дитяшко пенсионного возраста, едва передвигая от горя ноги, поплелось за главный пульт. Что ж, десять секций Валентиныч выдаст. К бабушке не ходи. За любимый инструмент он в лепёшку разобьётся, правда ни миллиметра металлоконструкций сверх плана от него теперь не дождёшься. У медвежонка тоже были свои принципы. Как-никак на святое покусились.

— Отдашь после смены, — кивнув в сторону операторской, Богдан передал конфискат вахтенному монтеру.

— Ого! — вздёрнул брови вахтовый.

— Ага!

Богдан поднялся на обзорную галерею. Не успел он прильнуть к обзорному стеклу «французского» иллюминатора, как на корпус принтера напала мелкая дрожь. Пошёл процесс. Прицепившись фалами к фермам-стапелям у гигантского выходного лотка, парочка инженеров в монтажных «Снегирях» контролировали процесс выхода гигантской конструкции из сверкающего искрами и паровыми выхлопами чрева принтера. Процесс «родов» произвольно захватывал своим размахом. На обратной стороне устройства грузовые манипуляторы подхватили трёхсоттонный контейнер с металлическим концентратом и ловко вставили его в приёмное отверстие транспортной ленты. «Мул», аккуратно маневрирующий двигателями коррекции, выпустил из грузовых захватов очередной «патрон» и ловко отплыл в сторону, где включил маршевый двигатель и стремительной стрекозой умчался за очередной порцией железа. Сейчас внутри огромной, светящейся словно новогодняя ёлка, конструкции принтера мегаватты электроэнергии привели в действие трехмерные каретки печатных головок, к которым по гибким

трубопроводам подавалась порошкообразная смесь, на выходе превращавшаяся в стальную секцию фермы транспортного тоннельного кольца. Богдан как-то пытался разобраться в работе этого создания сумрачного гения, но понял только общие принципы и то, что главной проблемой было сохранить при печати металлосвязи и соблюсти мягкость и пластичность. Второй задачей в работе принтера ставилось требование получения различных марок металлов и сплавов. Проблему как-то решили, только теперь этот монстр съедал просто прорву энергии и всасывал чудовищные объёмы восстановленного из льда кислорода и прочих газов. Тридцать минут на стометровую конструкцию и девяносто пять процентов энергии, получаемой с паруса за этот же отрезок времени. Колоссальные затраты. Удовольствие не из дешёвых, но возить готовые изделия за сотни и тысячи парсеков во сто крат дороже. Плавали — знаем, стройка тогда в такую копейчку влетает, что никаких смет не хватает. Поэтому молекулярные принтеры ещё долго останутся востребованными на космических строительствах. Металлический концентрат в специальных рудовозах перемещать куда дешевле, как и изготавливать необходимые изделия на месте. Жадно чавкнув, конец рождающейся фермы перехватили захваты первой транспортной тележки, передвигающейся по выдвинутым на двести метров вперёд стапелям. Всего тележек три, вторая вцепится в добычу на пятидесятиметровом отрезке, третья подхватит хвост. Когда подружки будут держать добычу вместе, они передвинутся в сторону грузового терминала и передадут груз в надёжные руки «Мула». Безотказная рабочая скотинка предельно аккуратно доставит «эстафетную палочку» в зону строительства. Процесс давно отработанный, но по-прежнему завораживающий. Четко отлаженная технология, расписанная буквально по секундам, напоминала Богдану механизм швейцарских часов. Тик — муравей «Мул» подал приёмник порцию корма. Так — гигантская матка произвела на свет стальную личинку. Тик — личинка отнесена в инкубатор. Так — мельчайшие тли пристроили её к чему-то громадному. Тик — сварочные роботы на спаяли личинку в единое целое с десятками таких же. Так — подвижные тележки разложили и закрепили лотки под силовые и контрольные кабели. Так — следом за ними многорукий монтажный комплекс тянет рельсы и транспортные направляющие, устанавливает якорные стоянки под внешние разгонные гравитационные двигатели и монтирует турели противометеоритной защиты. И так по кругу. Завораживающее по масштабу зрелище. Любому приятно видеть наглядные результаты своего труда. Богдан не был исключением, капля здорового тщеславия была присуща и ему. Дополнительной мотивацией для каждого вахтовика служила фамилия и инициалы, нанесённые методом лазерной чеканки на каждую ферму. Вроде незамысловатый приём, а процент брака в работе снижается до исчезающе малых величин. Что же хорошего, если тебя начнут хаять за выявленный досадный недочёт? Куда лучше человеческая благодарность через десятки лет работы.

Запястье кольнул холодком вызов коммуникатора:

— Внимательно, — не отрывая взора от картины стройки, ответил на вызов Богдан, не обращая внимания на зависшую возле него голографическую ряху викинга Михельсона.

— Богдан Михайлович, нам контейнеры с энергосинтезатором «стрельнули».

— И года не прошло, — буркнул Северов. — Разродились, наконец. От меня-то что надо?

— Ну, так я акт приёмки-передачи... Без вас таки никак, Богдан Михайлович. На баланс принять тоже. У меня как в аптеке.

— Хорошо, Михеич, оформляй пока, я буду через двадцать минут. Я на принтере, как

видишь.

— Сделаю в лучшем виде.

— Отбой.

Бросив последний взгляд на маневрирующего «Мула», притащившего на своём горбу последний на сегодня контейнер с концентратом, Богдан уже хотел вызвать связистов, как они вышли на него сами.

— Шеф, — в воздухе повисла взволнованная физиономия Игоря Корейко. Мы тут нечто непонятное засекли. Масс-детекторы и удалённые гравитационные маяки зафиксировали странный объект в двухстах астрономических единицах от нас.

— Насколько странный? Игорь, ты мне суть давай, а не тяни кота за причандалы.

— Объект искусственный, предположительно космический корабль. Гравитационное наблюдение выдаёт применение импульсных двигателей по схеме «тяги-толкай». Машинка точно не наша.

— Следите за ним не отрывая глаз, пока он не удалился за границу наблюдения. Запишите сигнатуру. Вы понимаете, что там не должно быть просто физически, а оно там есть! Буду у вас через десять минут.

Богдан попытался пронзить взглядом бескрайнюю толщу пространства. Интуиция нащёптывала ему, что неустановленная посуда появилась в этом забытом всеми богами секторе пространства не просто так. Грядёт что-то нехорошее, сулящее перемены. Знать бы ещё какие они — перемены.

В тот момент никто из людей на вахтовой станции и строящемся транспортном кольце не подозревал о запуске обратного отсчета, знаменующего окончание спокойной жизни. Над медвежьим углом воспарил недобрый призрак перемен.

Часть 2. Наш бронепоезд на запасном пути

Рабочая группа уже битый час заседала в импровизированном конференц-зале. Стены помещения украшали голографические слайды, изображения на них менялись каждые десять секунд.

— Так-так, — призывая к вниманию, Богдан поднял вверх обе руки. — Давайте ещё раз. Куда могла направляться эта посудина? Игорь, дай маршрут. Хорошо. Высвети ближайшие звёздные системы и газопылевые облака.

Связист постепенно, слой за слоем выводил на мерцающее голоизображение требуемую информацию.

— Никто не замечает странности? — спросил Богдан присутствующих «экспертов». — Ладно. Едем дальше. Игорь, загрузи в компьютер модель гравитационных полей. Миша, — Богдан обратился к Шкарпетко, — вы получили данные от астрофизиков?

— Сейчас. Адаптированный расчет на пять следующих транспортных колец.

— Хотя что-то. Ну, «Марья», дай нам пищу для ума.

«Марьей» на станции называли ИИ, который взял себе женское имя и при вербальном общении идентифицировал себя женщиной возраста второй молодости, синтезируя во время разговоров насыщенное оперное контральто опытной певицы. Этакая недоступная горячая сексуальная штучка. Получалось бесподобно.

— Торопыга, — обиженно прозвенело в зале, — Мне столько переменных величин за минуту не обработать. Я простая девушка, а не счётная машинка на сотню нейропроцессоров и пучок оптошин. Наберитесь терпения.

Мужчины дружно закатили глаза. «Марья» иной раз «пила кровь» не хуже прочих стерв, состоящих из плоти и крови. Ждать пришлось около двух минут:

— Поздравляю вас, мальчики, за плотным газопылевым облаком находится звёздная система, не учтенная в каталоге. Поля тяготения, действующие на соседние звёзды и показания гравитационных датчиков, прямо указывают на это.

— Ошибки быть не может, Маша? — выводя предполагаемое расположение звезды на голограмму, спросил Богдан.

— Фи, — раздалось презрительно.

— Понятно. Что делать будем, парни?

— Протяжённость газопылевого облака с нашей стороны около одиннадцати световых месяцев. Ну, на нашем участке. — Игорь Корейко вывел на передний план масштабную линейку и быстро оценил расстояние. — По данным астросканирования, выполненного на внешней стороне Аюя, оно имеет форму эллипса. Четыре и семь десятых светового года в длину и три года в ширину.

— Не бывает настолько плотных туманностей, — тут же начал приводить аргументы Шкарпетко. — Где вы видите характерное свечение? Что у нас даёт спектральный анализ? Нуль, шиш с маслом. А радиотелескоп? Дырку от бублика видит радиотелескоп. Туманности, будь они тёмные или светлые, да хоть зеброй в полосочку, не поглощают свет. А черных дыр, слава Пустоте, я рядом не наблюдаю.

— Миша, — не принял доводы Игорь, — а ты гравитационные аномалии принимаешь в расчёт? Мы где, вообще, находимся? Оглянись, Аюй кругом! Ау! Он сам по себе загадка на десять поколений умников вперёд. Вдруг нам посчастливилось столкнуться с реликтовой

складкой пространства? Да не просто гигантского многомерного неэвклидового изгиба, а настоящей ямой с провалившейся в неё звёздной системой?

— Как-как ты сказал?

— Не суть, Миша, ты же в специализированной школе с астрофизическим уклоном не учился, так что не бери в голову. Не перегревайся. Примем за аксиому, что звезда есть, а значит, могут быть планеты. Зачем кому-то соваться в зону с реликтовым излучением, если не за приличным кушем. Астероиды? Бросьте, этого добра и разных россыпей достаточно и без Аюя. Редкоземельные металлы? Ты попробуй их отсюда вывези. Нужно что-то быстро окупающееся, позволяющее плевать на дополнительные накладные расходы в виде установки добавочных «тянущих» двигателей в носу судна и расходов на топливо.

— Почему ты считаешь, что на этой калоше применили именно эту схему? — акцентировал внимание Богдан.

— Сигнатура работы и, мужики, да вы что, не понимаете, что они спалят движки, если будут их насиловать по обычной схеме, ушатают в хлам, а так нагрузка распределяется более рационально и решается проблема теплоотвода. Хотя с последним я не так уверен, Слишком сложная схема подключения теплообменников получается. Не специалист я в этой области, а по остальному...

Схватив стило, Игорь быстро нарисовал в воздухе принципиальную схему двойного расположения тяговых установок.

— Глядите, за счёт перераспределения нагрузки они прыгают, — он изобразил параболу, — и пока импульс не вышел на максимальный пик, дополняют усилие импульсом «тянущего» движка с обратной стороны (рука со стилем изобразила острый горный пик). Таким образом, прыжок за тот же отрезок времени получается в полтора-два раза длиннее, а то и в три, я же не знаю типа двигателей и мощности генератора на борту.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А почему тогда военные не применяют эту схему? — почесал подбородок Михаил.

— Надёжность ни к чёрту. Нос невозможно охватить широким конусом защитных полей, только узконаправленным. Из-за гондол с двигателями не установить консоли силовых экранов — это охрененный минус при сражении. Шваркнут разок, и произойдёт рассинхронизация управления. Корабль разорвёт на сотню мелких шхун. Поэтому на боевых судах прыжковые движки монтируют на выносных пилонах или делают убирающимися в корпус. Прыгнули куда надо, а там на досвет перешли или на «частотники». Видимо у наших визави не стоит эта проблема. Да и дорого получается. Ты представь себе полезный объём такой шаланды. С гулькин нос. Только самого себя возить. Овчинка не стоит выделки, кроме слишком уж специфичных случаев. Курьеры, кстати, komponуют по этой схеме, они кроме почтовых конвертов считай ничего больше и не возят. В остальном проще и надёжней впихнуть в корму «люстру» и не париться с двойным контуром.

— Резюмируем, парни. Непонятная калоша неясного генезиса прётся на семь светолет от границы аномалии в «тёмную» зону. Зачем? Какого дранла её экипаж здесь потерял? В том, что они заблудились или не туда свернули никто в здравом уме не поверит. Далее, следим за мной и поправляем, если мысль вильнёт в сторону. Методом логических исключений и приборного анализа мы приходим к выводу, что в зоне есть ещё одна кислородосодержащая планета, находящаяся в так называемом гравитационном кармане. Я ничего не упускаю? — Богдан оглядел собравшихся. — Продолжаем. Включая логику, можно сделать ещё один элементарный вывод: посудина принадлежит пиратам или какой-

нибудь другой криминальной структуре. Почему мафия или пираты? Будь планета занесена в официальный реестр, тут было бы уже не продохнуть от хозяев, а ни одна из галактических рас прав на Аюй не предъявляет. Значит что? Значит, мутные личности обтяпывают на планете тёмные делишки. Исходя из того факта, что шевеление Каас и наших заклятых друзей по Конфедерации вокруг строительства началось не более месяца назад, о планете они ни сном, ни духом. Вывод? Вывод прост, как двумя пальцами о переборку — срочно шлём шифровку безопасникам из СБ Ирия и начинаем пробные «отстрелы» с собранного полукольца.

— На кой «стрелять»? — не понял Игорь.

— На той, друг мой ситный, что мы под сурдинку засеём пространство в радиусе пяти светомесяцев от нас масс и гравитационными детекторами с узконаправленными передатчиками, понял? Стоит только показаться очередным незванным гостям, как мы тихо и не привлекая лишнего внимания, проследим их от порога и до калитки. Откуда и куда они могут направляться, мы уже знаем, что упрощает общую задачу. «Шарик» с атмосферой надо закреплять за русским сектором. Или я не прав, как вы считаете?

— Прав, прав! — разнеслось со всех сторон.

— Какое удивительное единодушие! — ухмыльнулся Богдан. — Спасибо за поддержку, товарищи, но не будем забывать о работе. Вал по плану с нас никто не снимал. Первым делом кольцо, остальное на общественно-патриотических началах. Работаем, негры, солнце ещё высоко!

— Э-э, шеф, где ты углядел солнце? — не утерпел Шкарпетко.

— Вот именно, Миша, — гнусная усмешка ядовитой хиной стекла с губ Богдана, — нетути! Поэтому день ненормируемый.

Задумчиво огладив тыковку, Шкарпетко предпочёл не ввязываться в заведомо проигрышную полемику и незаметно, в истинно английском стиле, слинял. Начальник и без того задач нарезал, не до пустых споров о мелочах. Богдан же плюхнулся в кресло, через пару секунд принявшее наиболее комфортную анатомическую форму, и немигающим взглядом змеи впился в Игоря Корейко. Почувствовав пронизывающее внимание, связист заёрзал, будто у него под задом чудесным образом объявилась раскалённая конфорка.

— Значит так, подпольный миллионер Корейко, — сломал неприятное ожидание Богдан, Игорь мигом прижарился сидением к поверхности и перестал ёрзать, — резервируешь на себя тридцать процентов вычислительных мощностей Марьи, я подпишу разрешение. Марья, слышишь?

— Слышу, — раздался из-под спрятанных под фальшпанелями колонок квелый голос Марьи.

— Умница, девочка. Теперь, что от вас с Игорем требуется. Вы, яхонтовые мои, в свободное от основной работы время сделайте мне аппроксимацию моделей гравитационных полей в радиусе десяти световых лет от нас. По-хорошему бы стоило втиснуть в голову Марьи весь объём информации по Аюю и прокрутить его после получения данных с гравитационных датчиков и телеметрии дистанционных систем наблюдения. Так и сделаем после «отстрелов». Игорь, ты — главный. Марья, мозги парню не клуй. Мне нужно всё, что вы накопаете. За сотни лет в зону никто в здравом уме не совался, а тут такая активность. Вы знаете, что штурмовиков учат доверять интуиции, она не раз спасала мне жизнь в прошлом. Так вот, братец-кролик и девочка-белочка, внутренний голос подсказывает мне, что у нас назревают проблемы. Неизвестно откуда прилетит, и я должен

быть во всеоружии, чтобы адекватно реагировать на неприятности, поэтому ожидаю от вас любви, взаимопонимания и взаимоуважения. Ферштейн? — Игорь кивнул, Марья фыркнула. — Вот и ладушки! За дело, ребятки.

Оставшись в гордом одиночестве, Богдан положил перед собой рамку голосреза вот уже которую сотню лет используемую вместо бумаги, и начал накидывать рапорт в соответствующие органы. Стараясь не упустить ни одной детали, он скрупулёзно расписывал абсолютно все логические выкладки и умозаключения. Спецы из госбезопасности Ирия разберутся, что важно, а что нет. Шифровку на Землю, он отправлять не стал. Слишком много лишних глаз и ушей подвязалось в головной конторе отряда, один ревизор от аффилированных держателей акций чего стоит. Пропустив текст через шифратор, Богдан посредством персонального канала соединился с терминалом связи и отправил сообщение по адресу. Ни к чему лишние звенья в виде связистов. Аюй и так начал подкидывать сюрпризы, как из рога изобилия.

Вечером по станционному времени, в короткий период свободного от служебных обязанностей времени, он связался с главной вахтовой станцией. У сердечной зазнобушки смена должна была закончиться два часа назад...

— Прости, — сказал Богдан, едва успело сформироваться миниатюрная голограмма Регины, сидящей на крохотном откидном диванчике.

Невесту он «поймал» аккурат после душа. Закутанная в махровый халат, с полотенцем на голове, Рега показалась такой хрупкой и домашней до щемящей тоски в сердце.

— Ну, здравствуй, герой, — ядовито-устало ответила Регина, прикрывая ладошкой зевок. — Извини, набегалась за сегодня, устала, как собака. Руки так и чешутся свернуть пару цыплячьих шеек. Ты-то за что так сходу на колени бухаешься? — снимая полотенце с влажных волос, выстрелила провокацией невеста.

— Если неправ — извинись. Если прав, тем более извинись.

— А ты прав или нет?

— Язвишь, Солнце, значит, пошла на поправку. А ты сама как думаешь?

— Да пошёл ты, Шак! Вот этими руками бы лично прибила тебя! — Регина сжала маленькие, на очень крепкие кулачки и погрозила ими в глазок камеры. — Реанимировала и прибила повторно, чтобы..., - она отвернулась в сторону, чтобы смахнуть с щеки непрошенную слезу. — Меня девчонки всем отделом отпаивали. Ни разу в жизни в истерики не скатывалась, глотки походя резала и позвоночники ломала, а тут как узнала о твоих выкрутасах, сама не своя сделалась. Перепугалась, как незнамо кто, до волчьего воя и психоза по заявкам зрителей, чуть в санблок не упекли. Что молчишь, герой?

— А что говорить? Ты сама всё понимаешь.

— Понимаю, только мне от этого не легче. Вот же угораздило втюхаться... Просить тебя не соваться во все щели бесполезно, но ты хоть бронескаф с броненамудником на себя напяливай что ли, всё мне спокойней будет. Руки-ноги оторвёт, но самое главное сохранится. Руки пришить можно, а безногим ты от меня точно никуда не убежишь.

— Обещать ничего не буду, обстановка не располагает (Регина напряглась, опасно сузив глаза, Богдан едва заметно кивнул), но рисковать понапрасну не стану. Не маленький, чай, вырос давно. Ветер приключений в попе не играет. Мне конечности дороги как память, да и симпатичней я с ними, хоть и не писанный красавец. У нас тут разговор пошёл, как в кабине развозной «собачки», — Богдан оставил невесте ещё один намёк, с головой у Регины всегда было в порядке, несказанное она додумает без чужой помощи, — ты мне лучше про себя

расскажи, как наш маленький животик поживает?

— Животик ещё месяца три будет маленький, нечего там смотреть, но по мозгам давить начало, особенно когда девчонки узнали. «Ох!», «ах!», «божечки-ж мой!», «радость-то какая!», «а кто у нас папочка?». Раскудахтались, курицы безмозглые. У меня беспорочное зачатие. Я им обещала сорочьи головы набок свернуть, если клювики на замке не удержат. Я только за медиков спокойна, они не из болтливых. Единственное, грозились списать на поверхность после вахты. Оставшуюся беременность буду дохаживать на Ирие. И никаких, слышишь, Шак, никаких репликаторов! Даже не вздумай упоминать при мне о них! Я сама рожу! Понял?!

— Даже в мыслях не было, Пташка моя, и не думал я ни о чём подобном.

— Вот и не думай. Всё, сокол ясный, свали в зенит. Считай, что успокоил, приласкал и облобызал. Я тебя тоже люблю и лобызаю везде, куда твоя извращённая фантазия позволяет. Не знаю как ты, а я спать, волосы только посушу.

Регина махнула рукой. Голограмма растаяла. Вот и поговорили с мозолями кисловатого послевкусия от затертых недомолвок. Зазнобушка ни словом, ни намёком не обмолвилась об обнаруженной ранее планете земного типа или телодвижениях флота вокруг строительства тоннеля. Слово и не было ни разговора, ни посвящения в секретоносители. С одной стороны это хорошо, с другой же на психику давит неопределённость. Богдан огладил жёсткую щетину на подбородке, его грыз червячок сомнения в правильности поступка и слива информации Регине. Он намеренно нарушил главное правило, расширил круг посвящённых в тайну. Почему? Потому, что не может у заместителя командира «Вихря», подполковника в отставке Птицыной не остаться выхода на разведку и контрразведку. Рега сколько угодно может играть на публику, скармливая окружающим людям отборную лапшу, лихо подменяя образ суровой командирши на размякшую, обабившуюся отставницу. Тем более ничего не надо придумывать и притягивать за уши. Подтверждённая беременность прекрасно списывает общую раздражительность и психозы, а как оно обстоит на самом деле? Подготовка у спецназа дай Бог каждому и психологически бойцов гоняют как бы не больше, чем физически. Без скидок на пол и возраст. У невесты есть свобода манёвра, чего он совершенно лишён. В случае чрезвычайных ситуаций она сумеет разобраться в хитросплетениях интриг и игр разведок, за последнее столетие открытия пригодных для колонизации миров не обходились без кровавой подковёрной грызни. Не хотелось бы бесследно сгинуть растёртой в прах песчинкой между бездушных политических жерновов.

Посидев истуканом ещё пару минут, Богдан изъясил из блока памяти запись разговора с невестой и безжалостно стёр её. Если что это запутает следы. Действительно, время спать, а он, в отличии от суженой, ещё не мылся. Непорядок. Шкарпетко надясь прозрачно намекал на баню, почему бы не принять приглашение?

Посидели, попарились, попили ледяного, до болезненного сведения челюстей и ноющего чувства в зубах, кваса. Молодцы мужики! В бане, едва ли не в единственном месте вахтовой станции, можно было по-настоящему отдохнуть душой и телом. Где ещё можно так душевно провести время? Даже Ли, строивший из себя непристойного китайца и ярого последователя Учителя Конфуция, нахлёстывал себя веником и скромно просил добавить парку. Обрусел, физия узкоглазая. Наш человек, одним словом. И невеста у него нифига не с планеты Хань. Китаек Тамарами не называют, тем более голубоглазых китаек с красной пигментацией кожи, за милую выдающей коренную пандорку с российского Провала. На все провокационные вопросы, где, как и, главное чем, ревностный конфуцианец умудрился

подцепить ослепительную красотку на голову выше его, Ли лишь ехидно улыбался и хитро щурил глазки-семечки.

Час, отведённый на мыльно-рыльное время, пролетел быстро. График посещения бани оказался плотнее, чем рассчитывало расслабившееся начальство. В предбаннике, перебрасываясь сальными шуточками и весело гогоча, раздевалась очередная партия любителей пара. Закутавшись в свежую хрустящую простынь на манер римского сенатора, Богдан закинул грязную одноразовую робу в утилизатор. Втиснув ноги в мягкие домашние тапки, он вышел из кабинки и приветливо кивнул балагурам, которые сначала нагло торопили засидевшихся «с подмыванием», мол, чего там мыть — плеснул и хватит, а то некоторые замёрзли уже. Где это видано час голыми задами предбанник подсвечивать, но узрев местного Зевса, смущённо примолкли, делая вид, что и лошадь не наша, и телега чужая. Монтажники всегда были самыми хитровыкрученными, умудряясь втиснуться в последнюю смену, тем самым припахивая себе тридцать минут, а то и лишний час после отбоя на блаженную помывку. Бог с ними, ты побегай в Пустоте безвылазно восемь часов в потном, вонючем скафандре, тоже захочешь поплескаться подольше. Едва Северов зашёл по коридору за угол, его шаг с твёрдого и упругого сбился на вялый и шаркающий. На последних остатках силы воли он доплёлся до каюты, проглотил прописанные медиком таблетки и капсулу с нанитами, и рухнул на узкую кровать. Спать, спать, спать.

* * *

Три дня станция жила в обычном режиме, разбавленном общественно-полезным трудом на ниве запуска в чёрную бездну гравитационных буёв и масс детекторов. Со стрельбой на пять светомесяцев они хватанули лишку. Разгонные двигатели на собранных к тому моменту сегментах транспортного кольца, давали импульс не больше двадцати светодней. Кольцо собрано на треть, с увеличением количества секций, мощность начнёт возрастать, а пока решили не насиловать технику почём зря, а остановиться на достигнутом результате. Сектор в сто пятьдесят астрономических единиц они перекрывали с избытком, новой активности не обнаружено, следовательно, смысла рвать жилы нет. До прибытия гостей и неожиданного пополнения, тоннельщики успели забросить четыре гравитационных и три массовых детектора. К обеду четвертого дня вместе с грузовыми контейнерами на станцию «стрельнули» штурмбот, в котором удивлённый Богдан признал переделанного до неузнаваемости «Вомбата» — десантный катер из предпоследнего поколения в данной линейке флотских «машинок». Радостно скалясь с голограмм, на связь с диспетчерской вышли братцы-акробатцы Николай Кузьмин и Олег Мухин...

— Дошло таки письмецо, — пробормотал Богдан.

— О, шеф, глянь, какой кабриолет! — живописуя весь стоматологический набор, плескал позитивом Николай. — Махнули не глядя!

— Вот такой вот конь, — протыкая своды над головой оттопыренным большим пальцем, присоединился к нему Олег. Эмаль зубов у него тоже подвергалась активной сушке. — Аргамак, натуральный арабский скакун!

— Не, мужики, обманули вас, а вы бедных несчастных вахтовиков пытаетесь натянуть. Нехорошо. Ладно бы цыгане вам подсунули старую надутую клячу, так вы сами грызуна оседлали и пытаетесь его нам за породистого жеребца выдать. Вомбат — это такой серый

травоядный грызун, не?

— Нехороший, нехороший дядька! Обидел нашего коника, — со вселенской обидой на лице Николай принялся наглаживать джойстики управления штурмбота. Нижняя губа пилота предательски задрожала, а в уголках обиженных глаз набухли слёзы от несправедливых обвинений — Плохой начальник. За это мы не скажем ему, зачем нас сюда прислали. Вот!

— Стыкуйтесь, клоуны. Второй грузовой терминал. Там у нас есть исправный технический переходник и дуйте ко мне с предписанием. Сам прочту, в вакуум я плевал на ваши тайны.

— Мы так не договаривались, — ринулся на поиски правды Олег. — Ну, тогда..., тогда мы не отдадим тебе письмо от одной... от одного человека!

— Напугали ежа голым задом. Тогда я пожалею этому человеку, что мерзкие почтальоны зажали корреспонденцию и писец вам. До конца вахты в пятом углу жаться будете.

— Мы знали, Северов, что ты гад, но ты ещё и сволочная сволочь! Ниже пояса бьешь! — ловко подныривая верхним люком бота под стыковочный узел, бросил обвинение Кузьмин.

— Вас, Коля, нужно с пеленок держать в ежовых рукавицах, иначе вразнос идёте. Раз мамка с папкой недосмотрели, то я готов взять на себя эту почётную, хоть и тяжёлую ношу. Не переломлюсь уж, возьму детский сад на поруки. Клянусь, моё сердце не каменное, но как суровый отчим я найду на непокорных пасынков управу. Сухой горох и профилактическая порка солдатским ремнём на поверку дают изумительный результат и великолепно прививают дисциплину. Хоть мои совесть и сострадание умоются кровью, они пойдут на эту жертву. Вы же мне всю станцию по отдельным модулям и секциям разнесёте, если вам ослабить вожжи, а на это я пойтить не могу. Правов, парни, таких не имею, так что попали вы, дети мои.

— Тиран! Сатрап! Коля, вертайся взад, мы на это не подписывались! — забившись за пилот-ложемент Николая, тоненьким голоском орал Мухин. Диспетчер и дежурная смена, успевшая настроиться на общую волну, едва сдерживали животы.

— Ты чо, дурак?! Совсем не петришь, на нас возвели поклёп одному человеку!

— Точно! Коля, остаёмся здесь. Горох и ремень всяко лучше пятого угла.

— Ты как всегда прав, брат мой по несчастью, — отключив двигатели бота и синхронизировав поля искусственного тяготения, согласился Николай. — Аве, Цезарь...

— Так, гладиаторы, — перебил Богдан, — если через десять минут вы не нарисуетесь у меня в кабинете по всей форме, быть вам удобрением в цветочной кадке Валентиныча. Он давно жаловался, что кусачим лианам подкормка нужна.

Богдан пошёл на выход, успев краем уха зацепить фразу Кузьмина, обращённую к Леночке Винокуровой, дежурному диспетчеру станции:

— Красавица, а он у вас умеет находить подход к людям...

Варяги или засланные казачки, Богдан так до конца не определился, кем считать этих выходцев из предвечного хаоса, явились в его кабинет ровно через десять минут, вытянувшись во фрунт, принялись поедать начальство преданным взглядом. Вид они имели лихой и придурковатый, что совсем не вязалось с хитрыми глазёнками и пакостливыми мордами.

— В общем так, парни. Никаких шуточек, никаких хахачек, к девушкам не приставать и не клеиться. Страховка по стоматологии не оплачивается, а щербатый пилот на рынке

профессий не котируется. С инструктажем всё, позже в журнале распишетесь, а теперь давайте сюда предписание и падайте куда найдёте, — протянув руку за опломбированной коробочкой с инфочипом, Богдан подбородком указал на стулья у микроскопического приставного столика.

Демонстративно нажав на кнопку системы «Приват», обеспечивающей защиту от прослушивания, он показал, что готов выслушать реальную причину прибытия архаровцев от госбезопасности. Ухмыльнувшись уголком рта, Кузьмин достал из кармана лётного комбинезона устройство, размером с половину спичечного коробка, коснулся большим пальцем сенсора отпечатка пальцев, только после этого произнёс:

— Теперь можно поговорить.

— Это я почитаю на досуге, — Богдан убрал инфочип в карман, — слушаю. Внимательно.

— Там, — начал Олег, не расшифровывая «там», так как априори стороны не нуждались в пояснениях, — начались определённые телодвижения...

— Новости читаем, каналы смотрим. Давай по сути.

— По сути, мы привезли буи и ретрансляторы. Будем протягивать связь, а то не дело — тоннель есть, а связи нет. Ещё в рундучке несколько масс детекторов сховали.

— Зачем, мы тут смастерили пару десятков и семь штук уже отстрелили.

— Это, конечно, хорошо, но на наших очень тонкая и ранимая начинка. Их «отстреливать» нельзя. Да и вашими самодельными гробиками точную карту гравитационных полей не составить. Поэтому придётся поработать ручками и ножками. А кто у нас самый безбашенный и согласный «за спасибо» работать у Пустоты в... Там, в общем?

— Ясно. С прикрытием разобрались, будете заниматься размещением навигационных маяков и гравитационных буев для точной привязки следующего тоннельного кольца. Как вы планируете тогда развозить аппаратуру?

— «Коником». Наш грызунчик вырос до размеров лошадки и теперь зовётся «Коником», — натирая ногти на пальцах левой руки о комбинезон, ответил Николай

— На внутрисистемнике? А «Вомбат», то есть «Коник» потянет?

— Потянет, это теперь не совсем штурмбот. Запомни, за неброской внешностью отныне скрывается горячее сердце, реактор второго типа и три прыжковых импульсника под обшивкой.

— Ого! — оценил степень апгрейда Богдан. — Там внутри место хоть осталось или вы в кабине скрючившись ютитесь?

— Осталось. Там ещё две турели влезли, генератор щита и стелс-режима, каюта с удобствами на четыре рыла и грузовой отсек на сто кубов полезного объёма.

— Рейд?

— Скажешь тоже — рейд! Так, прогуляться, пробежаться кругом на цыпочках, посмотреть одним глазком со стороны, стоит ли овчинка выделки. Может, нет там никакого пиратского гнезда или вам почудилось что-нить с большого перепою. Головку жёсткой радиацией напекло, к примеру. Вы ведь, считай, голыми яйцами на атомном заряде сидели. Приняли за корабль очередной пустотный мираж. Не вы первые умудряетесь увидеть нечто в безбрежной Пустоте! — на пафосной ноте закончил Николай. — Для всех по ведомству проходит мираж. Не видели вы ничего, понятно? А вот и планшет, в котором все посвящённые об этом распишутся и мамой поклянутся засвидетельствовать обман зрения. А

мы пока покрутимся с развозом, да на голом энтузиазме прошвырнёмся по окрестностям.

— На голом энтузиазме? А не много ли вы на себя берёте, ребятки?

— Ни одного лишнего грамма. Вот ещё папка с официальным фрэймчитом*, в котором черном по белому написано о разрешении привлекать любые силы и любых людей. А из бойцов у нас вне конкуренции некий Северов Бэ Эм и гордый сын еврейского народа — викинг Михельсон. Рундучок со штурмовыми скафами мы тоже захватили и пару «игрушек» к ним в оружейном ящичке. Официально гулять мы будем в другом секторе.

— Обманка?

— Она самая, с сигнатурой наших импульсников, для того ретрансляторы и везём, чтобы имитация была полной и ни одна тварь не подкопалась. Хотя «физику» они снимают реальную.

Проведя рукой по лицу, Николай будто сбросил с лица маску шутника, под которой внезапно обнаружились глубокие тени под глазами и морщины, начавшие пробивать борозды на пахотном поле высокого чела. Нос пилота хищно заострился, а складки, сбегающие от крыльев носа к уголкам губ, мгновенно испарили весёлую улыбку, сделав её желчной и саркастичной, кашлянув, он закончил усталым тоном.

— Так что, Богдан Михайлович, будь готов в любой момент передавать дела заместителю. Мы, конечно, постараемся обойтись своими силами, но чем Пустота не шутит. Ты просто не представляешь, какая каша заваривается в верхах. Кое-кто серьёзно полагает, что у Провала хотят отобрать Третий Флот. Представляешь?! Такие дела, Богдаша.

Сцепив пальцы в замок и откинувшись на спинку кресла, Богдан ненадолго смежил веки. Думы в его голове обрели цвет очень далёкий от радужных искр:

— Думаете, дойдёт до отделения? — озвучил он терзавшие его черные мысли. — Сектор не отдаст флот.

Парни пожали плечами и дружно отвели взгляды, а Северов впервые задумался о разговоре парочки роух на пассажирском лайнере. Егор охотно поделился подслушанным трёпом. Не хотелось бы думать, что секьюрити-реконструктор оказался пророком. Если дело дойдёт до отделения, сектор моментально объявят гнездом сепаратизма, а что делают с сепарами? Известное дело... Сразу встает вопрос о сильном союзнике. А кто им может стать в сложившихся обстоятельствах, учитывая тот факт, что на трансграничных планетах русские давно мирно сосуществуют и сотрудничают с роух, вплоть до создания совместных администраций и городов. В кулуарах сената Конфедерации давно льют воду на мельницу предательства русскими интересов человечества и союзников, а некоторые сенаторы позволяют заявлять об этом публично. До последнего времени лай шавок никто не воспринимал всерьёз, кто знает, как изменится обстановка и общественное мнение через месяц или два. Как знать, найдутся ли у дипломатов нужные слова для заливки водой разгорающегося пламени и остужения горячих голов. Считай, Каас добились цели, таки почти сломав Конфедерацию через колено.

— Хорошо, буду иметь ввиду. С заместителем проблем не вижу, только учтите, парни, это всё, — Богдан хлопнул ладонью по «рамке» с секретными материалами, — имеет силу на борту «Коника», а до этого вы будете числиться в штате сотрудников вахтовой станции со всеми отсюда вытекающими последствиями в виде внутреннего распорядка, дисциплины и довольствия. Особенно дисциплины! — скользнув по Кузьмину, Богдан остановил взгляд на Мухине. — В первую очередь это касается тебя, Олег! Я тебя ничем заклинать не буду, но, лучше ты сам вешайся! Твои шуточки на главной станции уже у всех в печёнках сидят, если

ты здесь отмочишь что-то подобное, я тобой лично без задания координат «стрельну» с кольца. Понял?

— Да нешто мы без понятий, Михалыч? — смирение на лице Олега можно было намазывать на хлеб вместо масла, поэтому в покорность главного хохмача Северов не поверил ни на грош. Не выдержит душа поэта, никак не выдержит.

— Моё дело предупредить. Выметайтесь, олухи. Топайте к Михельсону, он вас определит на постой и довольствие.

Неделю, семь дней, возникшие на «Конике» ежедневно мотались за околицей, практически не участвуя в жизни станции, и Богдан с дуру понадеялся на то, что пронесёт, но на восьмые сутки у Мухина разыграло ретивое и командировочная парочка нарвалась на праведный гнев женской половины коллектива.

В знаменательный день, отмеченный неудачной шуткой и неожиданными последствиями для самих шутников, Богдан провёл на кольце, inspectируя установку генераторов силового поля на собранной части конструкции. Чтобы многокилометровую махину не свернуло подобно петле Лиссажу, монтировались так называемые элементы или «спицы», связывали обод в единый каркас. Одна радость, обычно тоннельные кольца располагаются вдали от планет и не надо забивать голову установкой двигателей коррекции и ориентацией конструкции.

Вернулся Северов перед самым отбоем и был поражён царящей на станции тишиной. Слишком, нарочито подозрительной тишиной. Обычно в это время народ шастает из угла в угол, спеша завершить недоделанные за день дела, а тут тихо. Все забились по углам и не отвечают. Прямо образцовая станция и примерный персонал на радость начальства. Так не бывает. Хмыкнув, Богдан прошёл в кабинет и активировал на сенсорной панели режим просмотра событий.

— Марья, — поймав взглядом микроскопический глазок камеры, Северов обратился к ИИ, — ты мне ничего не хочешь рассказать?

— Добрый вечер, Богдан Михайлович! — учтиво отозвалась Марья. — За прошедший период никаких чрезвычайных происшествий не зафиксировано.

Спрятав лицо в ладонях, Северов невесело усмехнулся. Дожил, его уже ИИ станции пытается надуть:

— Маша, я чувствую, когда мне врут. Люди или машины, без разницы. Не уподобляйся некоторым несознательным личностям и не заставляй меня вводить шифр протокола на доступ к архивным файлам. Так как?

Из динамика послышался тяжёлый вздох:

— Я их предупреждала...

— Маша, не тяни резину. Я ещё жду рассказа и кино, но терпение уже на исходе.

Богдан как в воду глядел. Мухин, успевший за несколько дней пребывания на станции заработать кличку «Мушка», не усидел на попе ровно. Душа поэта требовала выхода из узких рамок закрытого помещения. И эта недобитая дроздофила не придумала ничего лучше, чем состряпать голограмму высокого разрешения, у которой невозможно разглядеть мерцание. К делу шутник подошёл с творческим подходом. Арендовав у связистов на час голографический терминал, он приделал актрискам из одного фильма очень фривольного содержания лица станционных красавиц, которых успел снять на камеру перед утренней планёркой, поработал над анимацией с томными, сексуальными улыбками и зазывающей стрельбой глазок. В общем, вложил в объёмную картинку душу и талант. Его бы энергию, да

в мирное русло.

После дневной смены, сменившись с вахты, уставший народ привычно направился смыть трудовой пот в душевой или в бане. Кто куда, конечно, но жужжащий крылышками режиссер и сценарист присобачил проектор с миниатюрной голокамерой видеонаблюдения на коробе вентиляции перед тамбуром банного модуля. Включался проектор посредством замыкания контакта на простом датчике движения. Сделав дело, Мухин прошёл в оранжерею. В руках у отдыхающего штурмана поблёскивал планшет. Завалившись в кресло-качалку, спрятанную за кустами садовых роз, шутник приготовился лицезреть представление. Олег просчитал все, кроме того, что механики, по доброте душевной, уступят очередь на мытьё девчонкам. Когда за прозрачной дверью тамбура нарисовались объекты видеосъёмки в стиле «ню» собственными персонами, шутник осознал, что дело труба. Проклятуший датчик движения, вместо того, чтобы внять молитвам и сломаться, сработал с точностью швейцарского часового механизма. И дамы живые встретили своих разбитных и фривольно-игривых голографических копий. Глядя на краснеющие и наливающиеся праведным гневом лица станционных фурий, Олег догнал — ему не жить. Конструкция оранжереи не предусматривала запасного или аварийного выхода, если только в открытый космос, но со скафандрами в царстве кустов и мини фонтанов было туго, точнее, совсем никак. А вход перегородили валькирии, злющие, как сотни чертей ада. Камеру и голопроектор девчонки обнаружили через жалкие десять секунд, проследить фокус им не составило труда. Робкая надежда на «пронесёт» не оправдалась. Леночка Винокурова, по долгу службы имеющая ограниченный доступ к Марье, камня на камне не оставила от робких надежд Мухина. Тщета человеческая скончалась в муках. Будучи дамой откровенно неглупой и даже креативной, хоть длинный светлый волос исстари не ассоциируется с умом, она грамотно сформировала несколько вопросов Марье и, не сходя с осколков разбитого вдребезги проектора, указала изрыгающим дым и пламя подругам район поиска паршивца, осмелившегося покуситься на девичью честь.

Что сказать, пинали Мухина от души, но травм, несовместимых с дальнейшей производственной деятельностью, не наносили. Таки «крыша» у девчат осталась на месте, а вот коллективному желанию выпустить пар они не стали сопротивляться. За волосы «кинематографиста» никто не дергал и «табло» не царапал, эти пережитки прошлого давно канули в историю. При всеобщей воинской повинности, начальной военной подготовке в школах и обязательных спортивных секциях, откровенно бабские приёмы выяснения отношений потеряли актуальность, отмерли за ненужностью. «Мушку» сначала бросили через бедро, потом грамотно встретили хуком слева, от удара в ухо с подъёмом ступни он ловко увернулся, рыбкой ушел от острого кулачка, целившего в «солнышко», но с трёхкратной чемпионкой отряда по муай-тай в среднем весе разойтись не сумел. Отслужившая в десантуре Даша Баженова одинаково профессионально работала ногами и руками, и участь тайного агента госбезопасности была предрешена. Охающее тело, подсвечивающее великолепным бланшем под левым глазом и шепелявящее через прореху в верхнем ряду зубов, за ноги отволокли в лазарет и сдали на руки Варваре.

Наведя какой-никакой порядок в наполовину разгромленной оранжерее, девчонки уравнивали жар души банным жаром и расслабились в парной, после чего тихо рассосались по каютам. Соображали, мстительницы трезво: вот-вот заявится руководство, тогда разборок не избежать. Мужская часть коллектива, посвящённая в подробности происшествия, решила держаться подальше от грядущей бури, превентивно зачехлив паруса

и заныкавшись в тёмных гаванях. Разбежались по углам, как тараканы. Гер-рои... Хвостики поджали и по кустам.

Остановив воспроизведение, Богдан привычно сцепил пальцы рук в замок. Почему-то ему так легче думалось. Что делать? Из личного дела Богдан знал о том, что на межвахтовых отпусках Мухин учится на психолога в Новотроицком медуниверситете на Пандоре и даже пишет какую-то работу по взаимоотношениям в замкнутых человеческих сообществах на примере удалённых вахтовых станций в глубоком космосе. Не секрет, что наибольшее количество психических или нервных отклонений зарабатывается людьми именно здесь — на забытом всеми богами фронтире. Неспроста медицинская служба строго следит за психологическим климатом в коллективах. На всех вахтовых станциях непременным атрибутом стали оранжереи и залы с фонтанами, руководство везде насаждает различного рода конкурсы, соревнования и олимпиады начиная от вязания носков, заканчивая боями без правил и гонками на спидерах. Кто спускал пар творчеством и различными поделками, а кому-то требовалось меры куда жестче, чем резьба по дереву и вязание макраме. Накапливаемая агрессия тоже требовала выхода не только у мужчин, слабый пол тоже с несказанным удовольствием выбивал на ринге кровавую юшку из противников и противниц.

На каждой станции есть такие подсадные утки-шутники — своеобразные живые узлы или центры естественной психологической разрядки. Именно на их плечи во многом ложится нелёгкая работа и функция по разрядке и созданию положительных эмоций вкупе с набором светлых воспоминаний, но кое-кто, не будем показывать на него пальцем, хватанул лишку и переступил через край. Границ он уже не видел, а это нехороший симптом. Сигнал, даже не так — сигналище! Видимо тренинги в управлении разведки не пошли впрок. Последняя выходка Олега говорила, что его самого пора списывать на поверхность, пока этот неуёмный энтузиаст не натворил непоправимых дел. Маска балагура приросла к лицу, не оторвать, шутки становились жестокими. Борец с маньяками сам не замечал, как превращался в чудовище. Профессиональная деформация во всей её неприглядной красе. Требовалось срочно принимать меры.

— Скажите, как с этим великовозрастным дитём бороться, а?

Оставить безобразную, но не лишённую эстетики, драку без наказания нельзя, но, как и кому, какой мерой отмерить? Тот ещё вопрос. Решение пришло само собой. Он Мухина предупреждал? Предупреждал. Выпороть обещал? Обещал! Мухину порка и пинок по квартальной премии. Для начала на пятьдесят процентов. Валькириям придётся расстаться с пятнадцатью процентами. Всё же они красиво уработали «Мушку». За дело к тому же. И о чём он только думал? Двадцать пять лет олуху. Взрослый же человек! Пустота безбрежная, дай придурку мозгов, да хоть через задние ворота ввали!

Откладывать принятое решение в долгий ящик было не в правилах Северова. Приказ по участку он выпустит завтра, а пока... Сняв с брюк ремень, Богдан было направился в лазарет. Встал у двери, покачал ремень на ладони и кинул его на кресло. Детский сад какой-то! Кому расскажи, не поверят. Ещё раз зачем-то внимательно осмотрев помещение, вышел. С тихим шелестом закрылась дверь, чтобы отъехать обратно через десять секунд. Остановившись на пороге, Северов неслышно выругался, сплюнул на пол, в два стремительных длинных шага дошёл до кресла, подхватив с него изделие кожаных дел мастера.

— Позору же не оберусь... Эх, плевать на дисциплинарный комитет. Пороть, только

пороть! Клин клином вышибают, маму его через коромысло. — Богдан, всё еще сомневаясь, слегка хлестнул кресло, секунду понаблюдал за исчезающей полосой на сиденье, решительно кивнул сам себе и вышел.

Вновь изобразив лёгкое шипение змеи, дверь перекрыла проём. Щёлкнул электромагнитный замок. Ремня в опустевшем кабинете не наблюдалось...

* фрэймчит — общепринятое название «голосреза» или электронной рамки для письма и чтения.

* * *

Липкие щупальца сна, подобно болотной медузе, не желали отпускать законную добычу. Тревожные сны тяжёлыми глыбами ворочали разум, накрытый вуалью короткой корабельной ночи. Богдан куда-то срывался и бежал, бил наотмашь. Рядом рвались шрапнельные шары станционных скорострелок и резали пространство бритвенные лучи лазерных башен. Вывалившиеся из разорванного на части бота штурмовики испарялись от крупнокалиберных бластерных болтов. Огрызающая огнём и смертью громада орбитальной крепости вздрагивала от попаданий. Под прикрытием бронированных артиллерийских мониторов и автоматических постановщиков силовых экранов, с внешних направляющих БДК* срываются юркие коробочки штурмботов и устремляются в сторону врага. Сброс! Синхронно разошедшиеся лепестки мембран выстреливают россыпью индивидуальных бронированных коконов. Просаженные непрерывающимся обстрелом силовые экраны орбитальной крепости не могут остановить надвигающуюся смерть и стать препятствием для «чечевиц» десанта. Вот тонкая бронескорлупа сбрасывается и магнитные ботинки фиксируют штурмовиков на горбу зенитных комплексов. Пошла работа. Усиленные вышибные заряды с лёгкостью срывают с места повреждённую башню и в образовавшийся проём влетает объёмно-газовая мина. Взрыв уничтожает расчет и к чертям сносит бронелисты внешней обшивки. В раскалённое нутро вваливается несколько фигур. Переборки вскрываются плазменными резаками и штурмовики, обряженные в боевые скафы с системами постановки индивидуальных щитов и автоматического ведения огня с наплечных турелей, врываются во внутренние секции. С этого момента враг, обслуживающий зенитные палубы, обречён. Кругом смерть и кровь. Средний штурмовик и так в полтора раза сильнее самого сильного из противников, но встроенные экзоскелеты делают физическое преимущество практически недостижимым, и живые машины смерти сметают жидкую оборону. Понимая дальнейшую бессмысленность сопротивления, командование крепости выбрасывает белый флаг. Первая линия обороны взята. Боты подбирают изгвазданных в кровище и ошмётках плоти штурмовиков, которых ждут артиллерийские платформы и очередные зенитные батареи Силура. Рота огнём и мечом проходит по базе рабовладельцев. Живых после тотальной зачистки не остаётся... огненный вал оставил после себя только трупы. Вперемешку лежали свои и чужие. Вот горой среди снопа вражеских тел возвышается костюм Толика Мастакова. Без шлема. Без головы. Дальше по техническому проходу лежат Артур Бейли и Ваня Пряхин, перепиленные пополам очередью с шестиствольной турели, которую защитники на руках приволокли в холл. За бортом, в космосе, медленно плывут в безбрежную пустоту Георгий Лакия и его тёзка с

редкой русской фамилией Иванов. Заядлым корешам уже больше ничего не надо, отзубоскалились навечно.

Смахнув простынею с лица липкий пот, и спустив ноги на пол, Богдан упёрся затылком в обманчиво мягкую стену каюты из вспенённого трансметапласта, прохлада которого постепенно успокоила бешеный перестук барабанов в голове. Сбросив мокрую материю на пол, он задумался, к чему эти сны? Война уже как пять лет не снилась и вот снова? Предупреждение? Проведя ладонью по слипшимся волосам и брезгливо отряхнув руку. Надо принять душ, не дело липнуть ко всему подряд. Богдан ввалился в душевую кабинку, ударом ладони по управляющей сенсорной пластине, пустил воду на максимальный напор. Обжигающе-холодные струи безжалостно впились в разгорячённое тело. Полминуты спустя палец на пластине убрал напор, поменяв ледяной ливень на тёплый летний дождь. Полегчало. Сердце уже не стремилось взломать грудную клетку изнутри, а колени перестали предательски подрагивать.

Рациональное объяснение есть у всего, должно оно быть и у сегодняшних снов. Натянув чистые трусы, Северов преувеличенно медленно опустился на кресло у рабочего стола и заказал у бытавтоматики чашку утреннего кофе. Без сливок, с одним кусочком сахара. Благо обжаренного зерна у него была заныкано целая килограммовая упаковка, на две вахты хватит. Если не шиковать, конечно. Натуральный кофе — это жутчайший дефицит в условиях отдалённых форпостов, а сублимированную искусственную смесь навоза и дубовых опилок Богдан на дух не признавал, не собираясь пить эту бурду даже перед лицом смерти. Вскоре по каюте поплыл одуряющий кофейный аромат, за матовой стенкой кухонного пенала зашипело и забулькало, тренькнул дозатор сахара, плюхнувший в чашку один маленький кубик «сладкой смерти». Пшикнув последний раз, пенал отъехал в сторону, выпустив на свободу поднос с чашкой вожделенного напитка. Оценив с первым глотком напиток на твёрдую «четвёрку», Богдан предположил, что ночной апокалипсис местного характера снился ему на фоне переживаний о неизвестном суде. Подключившееся к процессу обработки информации подсознание выводит на передний план возможные варианты событий, как бы громогласно намекая, что неизвестные сюда не в цветочную лавку заглянули. Возможно, вполне возможно.

Допив кофе, Богдан поглядел на разводы. Интересно, что он хотел там увидеть? Кофейная гуща густо размазалась по дну чашки. Гадай не гадай, сплошная муть. Всё, как в жизни. Ничего определённого, хотя робкий червячок сомнений упорно нашёптывал, что ничего ещё не кончилось. Приключения только начинаются и будут они кровавы и тернисты. Подсознание, можно сказать, задним местом неприятности чувствует.

Сплюнув осевшую на зубах крошку, любитель кофе повернулся к терминалу внутренней связи, в рабочем пространстве которого разгорелись цветные искры входящего вызова. Напоследок мигнув синим, проектор высветил голограмму дежурного связиста, с переминающимся с ноги на ногу оператором поста удалённого контроля за его спиной.

— Северов на связи, — Богдан жестом активировал обратную связь. — Слушаю внимательно.

— Богдан Михайлович, есть сигнатура!

— Так, господа, гравиакустики, тип, расстояние, маршрут известны?

— Так точно! Курьер, удаление семнадцать светодней, идут от туманности.

— Подготовьте рапорт по всей форме, буду у вас через пять минут.

— Есть! — по-военному чётко ответили дежурные и отбились.

— Марья! Поднимай Мушку и Кузю, начинай на их тарантайке предстартовые процедуры и заправь «Коника» под жвак. Времени в обрез. Десять минут тебе на всё, про всё. Справишься?

— Справлюсь, командир! — понимая остроту момента, Марья не ерепенилась как обычно, за приступом электронного склероза забыв полить всех желчью.

— Давай, Маша, в темпе, в темпе!

Перевыполнив армейский норматив по надеванию верхней одежды, Богдан облачился в летный комбинезон из эластичной ткани с функцией терморегуляции, сунул ноги в ботинки и побежал в связевую. Минутой позже в помещение ввалились тайные архаровцы от госбезопасности. Местные профи к этому времени успели распечатать подробный информационный бюллетень и «залили» результаты вычислений на голопланшет и фреймчит. Наскоро ознакомившись с полученными выкладками, Севером принялся буравить взглядом сладкую парочку Кузьмин — Мухин.

— Что?! — не вытерпел Олег, инстинктивно прикрывая рукой ноющие после порки ягодицы.

— Перехватываем, — правильно интерпретировал немую пантомиму Кузьмин. — Но можем не успеть, эта курьерская блоха больно быстро скачет.

— Успеем, — твёрдо ответил Богдан. — Вы уверены?

Парни переглянулись и дружно почесали «репы».

— Уверены, — Николай вынес вердикт за двоих. — теперь мне бы понять, как ты хочешь их перехватить. При всей резвости «Коника», мы не успеваем даже на форсаже. Только движки пожжем.

— Катапультируемся, Коля, с полукольца. Три или четыре светодня форы наша недоделка нам обеспечить в состоянии.

— Точно! — хлопнул себя по лбу Олег. — Ой, туплю, братцы.

Самобичевание штурмана разведывательно-штурмовой лайбы прервало сообщение Марьи, известившей об окончании заправки бота. Кузьмин и Мухин заводными метеорами унеслись к стыковочному узлу, Богдан чуть задержался:

— Сергей, подтяни сменщиков, — приказал он инженеру-связисту, — вы должны быть постоянно на связи и глаз с чужой «блохи» не спускать. Вы наши глаза и уши.

— Шеф?

— Я иду с парнями. Марья, зафиксируй под протокол: на время проведения операции по перехвату неизвестного судна за старшего на станции остаётся Шкарпетко.

— Зафиксировано.

— А вам, гвардия, будет такая работа: передайте наладчикам на «кольцо» координаты прыжка. Кто сегодня на испытании движков? Гаспарян? Вводите его в курс дела, у вас три минуты.

— Есть! — дружный рывк по армейским традициям чуть не оглушил Богдана.

— Проходи в кабину, — закрывая створки шлюза, обронил через плечо Олег, на голове которого уже болталась интегрированная с нейроинтерфейсом дужка коммуникатора. — Готово!

Штурмбот вздрогнул, будто просыпающаяся от сна большая собака. Заворочался, потянулся газовыми струйками двигателей коррекции и начал лениво отстраняться от теплого бока вахтовой громады. Дробно застучали отстёгивающиеся устройства внешнего энерго и газоснабжения, легонько чиркнул по обшивке стыковочный узел, стремительно

уносящийся вверх. Точнее, это Николай отработал двигателями коррекции, проваливаясь вниз от застывшей неподвижно станции.

— Олег, обряди нашу силовую поддержку, — не оборачиваясь, буркнул Николай. — А я пока, с божьей помощью и молитв пацанов с кольца прыгну на точку randevu. Шевелите батоном.

— Идём, — Богдана легонько потянули за локоть.

— Ого! — вырвалось у Северова, истуканом застывшего у шкафа со скафандром.

— Нравится? — Олег подпустил льстиво-угодливую нотку в голос.

— Ага! — от шока не находил слов Богдан.

— Не дам! — отрезал Мухин.

— Выпорю! — привёл не убиваемый аргумент Богдан, нажимая на панели клавишу активации боевого скафандра. Лет после увольнения с армии прошло бездной матери, а поди ж ты, руки науку помнят! Армейские рефлексy навечно засели в подсознании, ничем их не вытравишь.

Мягко жужжа встроенными вспомогательными приводами экзоскелета, обманчиво-массивный «Хорс» вышел из транспортного шкафа и присел на корточки. На спине приглашающе распахнулись бронированные створки. Скинув ботинки, Богдан ловко скользнул в тёплое нутро боевого костюма КБЭ «Хорс» — 4М. Костюм бронированный экзоскелетный «Хорс», поколение четвёртое, модернизированное. За рамками буквенно-числового обозначения остались: кибердок с полной аптечкой боевой химии и системой анабиозного сна, рассчитанного на десять лет поддержания жизнедеятельности. Навигация, электроника, внешний «хитиновый» скелет и синтетические мышечные усилители, встроенный в левую руку плазменный болтер, обзываемый фантастами древности бластером, ещё один девайс, калибром 12 миллиметров с автоматическим прицеливанием и сопровождением цели, занимал место на правом наплечнике! На внешней подвеске отстреливаемый ранец с двигателем, дополнительным запасом дыхательной смеси и ячейкой для плазменного резака. Как бонус — труба с револьверным барабаном на шесть ракет, опять же с индивидуальным наведением от шлемной системы целеуказания. Выстрелил и забыл, называется. Штурмбот не собьет, но пара-тройка таких малышей гарантированно выведет судно из строя. Атмосферный истребитель или флаер, при попадании валит намертво. Всего ракет-малышек на скафандр можно навесить восемнадцать штук. На поверхности планет такой фокус не прокатит, но в космосе запросто. На правом бедре пистолет-пулемёт со сменным магазином на сто выстрелов, про гранаты и мины различного типа не упоминаем ввиду типовой конструкции «разгрузок». Помимо всего прочего в «Хорсы» встраивались системы РЭБ и поверхностного оптического камуфляжа типа «Хамелеон» и много других «ништяков», облегчающих жизнь простых штурмовиков. Полностью описывать характеристики и функционал не имеет смысла, но десять лет назад иметь в личном пользовании второе поколение считалось великой удачей, а тут у залётных орлов «четверка», она «Стульчик»! Даже два «стульчика» в максимально возможной комплектации. Михельсон упирается от восторга. Да-а, кучеряво живут безопасники. Жируют на народных харчах, сволочи. Богдан подвигал плечами, присел, молниеносным движением выхватил широченный тесак с молекулярной заточкой лезвия, полюбовался игрой света на лезвии и, с пижонским щелчком, вогнал его обратно в ножны. Столь же быстро в латных лапах побывали пистолет и штурмовая винтовка с подствольным гранатомётом. Только ранец с ракетницей и резаком остался не надеванный.

— Откуда это всё?

— Места надо знать, — ушёл от прямого ответа Мухин, до этого внимательно наблюдавший за Северовым. Кивнув каким-то своим выводам, он указал взглядом на грузовой трюм.

— Это то, что я думаю? — глядя на матовые бока десятка цилиндров сорока сантиметров в поперечнике и полутораметровой высоты, спросил Богдан?

— Прости, не знаю, о чём ты думаешь, — ответил Мухин и судорожно захрипел, пытаясь разжать стальную лапу, мертвой хваткой схватившую его за глотку.

— Мало я тебя порол, сука! — прошипел Богдан в лицо СБэшнику. — Это моя станция и люди на ней мои, и доложить о гравиминах вы были обязаны мне с самого начала! Вы, самки собаки, совсем берега попутали?! Охренели в конец?! Вы о чём, вашу мать, думали? Десять «гравитационных колодцев» на борту! Это вам не пакет семечек в карман занывать! С таким подходом, братцы, друзьями нам не стать. Совсем не стать.

— Шак! — раздалось по громкой связи. — Отпусти Мушку. Прости, но приказа ставить тебя в известность не было. Можешь жаловаться хоть Господу Богу, хоть Пустоте петиции писать, но до наступления пункта три, подпункта «Б» особого циркуляра, ты ничего о некоторых видах начинки бота не должен был знать. Ознакомишься со списком в кабине.

— Ну, вы и чудачки на букву «эм», Кузьмин, — разжал «клепню» Богдан.

— Извиняться не буду, — бросил он Мухину. — По инструкции не обязан. Можешь на меня петицию накатать. Читайте должностную инструкцию начальника вахтовой станции и померьтесь пиписьками со своим циркуляром. В секретном разделе инструкции, согласованном, к слову, начальником Регионального отдела СБ Ирия, к которому вы имеете допуск, черным по белому подробно написано, что я должен знать, а о чём не должен даже догадываться. Особо прошу обратить внимание на пункты, описывающие чрезвычайные ситуации с правами с обязанностями во время военных действий и этих самых, проклятых Пустотой, чрезвычайных ситуаций. Ответьте мне, чужой неопознанный курьер в закрытой для полётов зоне — это чрезвычайная ситуация или нет?

— Северов, ты должен понимать, мы люди подневольные, а приказы не обсуждаются. Нам твои инструкции, по большому счёту, до одного места.

— Понимаю, поэтому морды вам не чищу.

— Ладно, с минами и мотивами разобрались, помоги Олегу зарядить их бомбокассету.

— К-какую бомбокассету? — опешил Богдан.

— Олег, проинструктируй.

Потирая шею и настороженно косясь на Северова, Мухин вызвал сенсорную панель. От легкого движения руки в монолите боковой стены трюма образовались трещины. Обозначив проём, скрытая секция отъехала в сторону, разрешив гидроприводу выдвинуть пустую обойму, с пазами аккурат для приснопамятных матовых цилиндров.

— То-то мне показалось, что объём трюма несколько не соответствует... Вот оно как, оказывается. Хорошо вас прокачали, ничего не скажешь, а погрузчика не дали. Деньги кончились?

— На кой? — раздалось под потолком. — У нас ты есть. Кто ещё может похвастать, что цельный начальник участка и вахтовой станции подрабатывает грузчиком на ушатанном в хлам штурмботе? Никто, а мы могём, да, Олежек?

— Ну-ну, — осторожно запихивая первую мину в приёмное гнездо, отозвался Богдан. — Безрогая корова не бодается.

— Какая? — удивление лилось из невидимого глаза динамика. — И почему она безрогая?

Так-так, какой феерический прокол! Рубль за два, либо безопасники с индустриального района — там родились и безвылазно росли, либо с индустриального мира. По крайней мере Кузьмин. О коровах пилот не в курсе и о сельском фольклоре с поговорками отродясь не слыхивал. Недоработка. Богдан сделал зарубку на память. Вот так и сыпятся опытные зубры на мелочах.

— А поотшибали ей рога.

— Так и мы не коровы, — аккуратно придерживая вторую мину за блок микроимпульсника, подал голос Мухин.

— Рога я вам всё равно отшибу, — на весь штурмбот разнеслись звуки разминаемых кистей рук, а так как они оказались облачены в бронеперчатки боевого скафа, угрожающий шелест и зловещий шепчущий скрежет металла, как в фильме ужасов нагонял иррациональный страх и баламутил в тихих омуты душ позорные панические мысли.

Усмехнувшись, Богдан быстро зарядил кассету, юркой змейкой втянувшуюся под обшивку. Бронированная настенная панель скользнула на место. Разглядеть на сплошной поверхности даже микроскопическую щель не представлялось возможным.

— Борт экранирован?

— Обижаешь, — убирая виртуальный пульт, улыбнулся Мухин. — Фирма веников не вяжет. Пошли в кабину.

— Так, ребятки, сидим тихо и не мешаем, — не оборачиваясь, процедил Кузьмин, наблюдая за яркой точкой на голографическом экране. Сеть заблаговременно разбросанных детекторов, замаскированных под элементарнейшие гравитационные маячки, четко держала в своих невидимых эфирных, но цепких лапках, чужое судно.

— Так-так, лапочка, иди к папочке, — хищно облизнулся Николай.

«Коник», будто норовистый аргмак, едва ощутимо вздрогнул всем корпусом. В бескрайнюю черноту космоса унеслась россыпь матовых цилиндров. Осветив окружающее пространство яркой фотовспышкой сработавших одноразовых импульсных гравитационных двигателей, веер мин разлетелся в радиусе двух световых минут. Глянув на схематические мерцающие точки занявших позиции мин, Богдан с некоторым удивлением узнал конфигурацию типовой ячейки подвижной минной сети, только те монстры имеют жизненный цикл, рассчитанный на десятки лет автономного существования в безбрежных просторах и двигатели, позволяющие прыгать в пространстве на десять светодней и больше. Добычей «минных банок» становятся настоящие мастодонты звездоплавания — крейсера, авианосцы и линкоры, а мелкие малышки, соскочившие с крупа «Коника» едва-едва муху прихлопнут. Куда им соревноваться со старшими товарками и меряться с ними жалкими светоминутами, выдаваемыми двумя или тремя импульсами одноразовых двигателей. Так, да нет так. Каждому сверчку свой шесток. Задачи у минёшек совершенно иная. Если здоровенные махины призваны разносить на атомы и космическую пыль боевые суда водоизмещением, пришедшем с морской эпохи, до ста тысяч тонн, то малышам достаточно вывести из строя двигатели вожделенной цели. Не за этим они покинули тёплое нутро штурмбота, который жирным голодным пауком расселся в центре настороженной паутины. Только кто угодит в сети? Сладкий мотылёк или злая оса?

— Давай..., давай, — заливая пульт маньячным блеском глаз, шептал Кузьмин.

— Жми кнопку! — Не выдержал Мухин.

— Не лезь под руку, — подпустив добычу, Николай активировал мины.

Подрыв гравитационных зарядов неприятным гулом отозвался в голове, всё таки некоторые ирийцы более чувствительны к различного рода электромагным воздействиям. Редкая особенность дюже помогает в бою, к тому же Северов предпочитал не распространяться о некоторых особенностях организма. Искусственная гравитационная буря в стакане воды вызвала ожидаемый эффект. Вроде и «шторм», устроенный минами в пространстве не стоил выведенного яйца — лёгкий пшик, в ином месте не стоящий внимания, но поле разновекторных гравитационных импульсов, нежданно-негаданно возникших перед носом курьера, самым пагубным образом повлияло на работу двигателей, напрочь рассинхронизировав их. Будь у неизвестных собрана одиночная «люстра», корабль бы просто выпал из прыжка, инженеры или механики настроили контур и судно пошло бы дальше, но двойной набор сыграл с анонимами злую шутку, разорвав хрупкую металлическую скорлупку пополам. Беспомощно вращаясь и фонтанируя струями быстро замерзающего газа, половинки курьера вывалились в обычный трёхмерный мир прямо перед маяком с одиннадцатым порядковым номером, расположенным в четырёх световых минутах от поймавшего добычу звёздного арахнида.

— Работаем! — обрадовано потёр ладони Кузьмин.

Вспоминая курсы по аутотренингу, Богдан радости коллеги не разделял. «Работать» придётся ему, а что или кто встретит его на борту покалеченного кораблика, неизвестно. Правильный настрой наполовину помогает справиться с проблемами. Реально. Поэтому штурмовики никогда не пренебрегают различного рода психологическими методиками: аутотренинг, самогипноз, боевой транс и много чего остального. Космос богат на сюрпризы, всего не предусмотреть, но встретить опасность лучше глядя ей в глаза, чем испуганно потупить взор. Ещё раз проверив вооружение, экипировку и генераторы персональных силовых экранов, Северов направился в шлюзовой отсек. Надев ранец с маневровыми двигателями и ракетными барабанами, он кивнул в глазок видеокамеры. Темное лицевое забрало бесшумно скользнуло вниз.

Богдан долго колебался, оставить ранец снаружи или лезть с ношей на горбу в развороченное нутро «А`крамна» — «сорохода» в переводе с языка каас на наш «великий и могучий». Ощетинившись всеми стволами и обнажив угревую сыпь ракетных портов, в отдалении кружил «Коник», за спиной разведчика сустились юркие осы дронов. Перехватив управление над парой этих железнобоких кусачих насекомых, Богдан направил пронырливого шпиона в ближайшую широкую прореху из вспоротого металла, термоизоляции и каких-то труб. Облепленная застывшим газом, сверкающим подобно бриллианту в узком луче налобного фонаря и зеркальных отражателей трёх зависших за спиной Богдана, стальная роза, выросшая из борта чужого корабля, больше напоминала искристую птицеловку, в девичестве обычную земную венерину мухоловку, мутировавшую в условиях Лели в зубастую пожирательницу мелких птиц. Жуткое растение, способное сладкой клейковиной удержать голубя или начисто отсечь палец зазевавшегося любителя ботаники.

— Сканер следов биоактивности не фиксирует, — просмотрев данные телеметрии и дистанционного сканирования, отдал доклад Богдан. — Вхожу!

Дрон изнутри передавал страшную картину локального Армагеддона из скрученных в спираль металлоконструкций, сжатых в гармошку переборок, застывших капель крови и останков тел членов экипажа или пассажиров курьера. Оценив габариты скафандра, Богдан

пришёл к неутешительному выводу, что вояж по этому лабиринту займёт у него куда больше времени, чем вскрытие резакom нового отверстия в уцелевшей части корпуса. Толстый, молотообразный нос курьера практически не пострадал, поэтому Северов включил тангаж и переместился к предполагаемому фронту работ.

Вот и пригодился плазменный резак. Всё-таки незаменимая штука в условиях штурма космических объектов. Взрывать тоже можно, ведь искусство — это взрыв, но ещё большее искусство тихо вскрыть обшивку, незаметно проникнуть на вражеский объект и чёртиком из табакерки навести там шороху, или незаметно сделать дело и так же тихо, незаметно уйти. Последним промышляли спецы из ОСО, в простонародье — бравые бойцы отдела спецопераций. Парней и девчат специально дрессировали, как собак Павлова, на тихое незаметное проникновение, доводя эту филигранную особенность до уровня безусловного инстинкта. Конечно, Богдану далеко до умений выше обозначенных мастеров, его «затачивали» под другие задачи, но и он не пальцем делан. Может кое-что, насобачился за долгие годы работы в Пустоте.

Как известно, дело мастера боится. Композитная броня внешней обшивки в районе технологического прохода между отсеками продержалась против совместных усилий Северова и пары привлечённых к работе дронов чуть более четырёх минут. Из-под подхваченного магнитными захватами куска металла вырвалось плотное газовое облачко, обрезанное голубой плёнкой силового поля.

— Муха, что на внешних сканерах? — облизнув пот с верхней губы, спросил Богдан.

— Чисто! — пришёл ответ.

— Хреново, что чисто. Значит тут есть экранирование или работает интегрированный комплекс РЭБ.

— Э-э-э? — раздался в наушниках немудрёный вопрос Кузьмина.

— «Э-э-э», — передразнил Богдан, передавая на штурмбот видеоизображение вскрытого отсека. — Силовое поле видите? О чём это говорит? О том, что внутри присутствует атмосфера и независимый аварийный источник энергии, а ваши средства обнаружения никак их не фиксируют. Молите бога, братцы, и просите Пустоту, чтобы в уцелевших отсеках не нашлось сопряжённых систем экстренного оповещения или узкофокусированного передатчика. Как бы наша авантюра не вышла нам боком, орлы. Отправляю дрона, следите.

Словно стопсигналом мигнув светодиодом, дрон продавил плёнку внутреннего силового поля и влетел в проделанный проём. Ожидаемый поток телеметрии моментально прекратился. Со вторым дроном история повторилась.

— РЭБ! — констатировал Богдан. — Нихрена, братцы, это не пираты. Ставлю вашу премию против моего приказа о её лишении, что перед нами большая куча дерьма, в которую мы с размаху вляпались.

— А почему наша премия? — купился Мухин.

— А кто у нас крайний? — вспоминая школу еврейского викинга, вопросом на вопрос пошёл в атаку Богдан. Гэбисты на борту «Коника» стушевались и не нашли, чем ответить на этот словесный штурм. Михельсона на них нет, того просто так, с кондачка, на кривой козе не объехать. Язык подвешен, что надо. — Ладно, пан или пропал, захожу.

— Осторожней там, — напутствовал Кузьмин.

— Тьфу-тьфу, убереги Пустота, — прошептал Богдан, ныряя в отсек.

Только отточенная на тренировках реакция, да искусственное тяготение уберегли

человека от судьбы разведывательных дронов, пришипленных к переборкам тонкими металлическими стрелами с электромагнитными разрядниками. Обмен информацией со штурмботом ожидаемо приказал долго жить. Система подавления работала выше всяких похвал. Заметив краем глаза движение сбоку, Богдан до упора вдавил кнопку включения ранцевого двигателя и со всей силы оттолкнулся от края проёма. Тончайшие металлические спицы просвистели мимо. Пролетев семь метров до противоположной стены, на одних рефlekсах выхватив с набедренной кобуры болтер, Северов всадил несколько зарядов в место расположения предполагаемого стрелка, каково же было его удивление, когда едва заметный враг текучим движением ушёл с линии огня. Благо в скафандре не сдох экзоскелет, управляемый биотоками и нейроинтерфейсом, иначе был бы совсем швах. Размытое пятно стремительно подлетело к штурмовику, который интуитивно подставил под удар бронированную перчатку правой руки. Во все стороны полетели искры, будто столкнулись два кремня. В следующий миг Богдан с левой, отработанным на многочисленных тренировках движением, сунул в центр «пятна» зажженный резак. Оружие убийства до самого последнего момента удачно скрывалось за спиной. Невидимый противник в совершенном оптическом камуфляже не ожидал такой прыти и, видимо, не рассчитывал, что в человеческих руках а оружием может являться любая вещь. Люди всегда были сильны импровизацией, а у некоторых она считалась национальной чертой характера. Схлопотав ожёг внутренних органов, враг тонко заверещал, по его телу пошла рябь, показав видимые простому глазу контуры, чем сполна воспользовался Богдан, со всей дури засадив супостату коленом между ног и наискосок перечеркнув его грудь резакон. Маскировка спала. Дергающийся конечностями поверженный противник свалился на пол. Весь бой занял от силы пять-семь секунд. Сколько это, пять секунд? Испугаться не успеешь, зато поддоспешник хоть выжимай. Никакая встроенная в костюм система биорегуляции не справится с выбросом слоновьей дозы адреналина и бою на пределе человеческих возможностей.

— Что за? — тело у ног было по меньшей мере странным. Гармонично сложенный гуманоид. Никаких камуфляжей на нём, если не считать внешнего хитинового покрова. Кто-то здорово поиздевался над природой, слив воедино два разных вида.

Но на удивление не осталось времени, в противоположном конце коридора отъехала в сторону дверь, мгновенно наплечный бластер взвинченного штурмовика выдал несколько смачных огненных плевков, подпалив того, кто неосторожно попытался влезть в схватку. Второго «невидимку» разорвало пополам. Опыт и тяжёлые тренировки рулят. Богдан метнулся в освободившийся проход, предварительно сорвав с пояса пару светошумовых гранат, следом за ними улетела ещё одна, начинённая нервно-паралитическим газом. Этот состав гарантированно уложит на пол всех, от ксеносов до тараканов. Бахнуло хорошо. Кто бы не находился в следующем помещении, ему однозначно пришлось несладко. Если быть верным, совсем кисло.

Перешагнув разорванное напололам тело с внешним хитиновым скелетом, Богдан снес с бластера голову «человека-муравья». Так надёжней, насекомые твари живучие, куда людям до них. Впереди Северова летел последний дрон. Желание нарваться на ещё один сюрприз у него не возникало. И так можно считать сущей удачей уничтожение второго противника. Зависнув под потолком, дрон передал изображение мостика с центральным пультом управления судном. Живых не наблюдалось, зато в наличии имелись тела трех каас, двух ухлопанных Богданом муравьиных мутантов в расчёт не берём. Два пилота и штурман навсегда почили в бозе не сходя с пилот-ложементов. Несчастные не пережили

гравитационный шторм, зато электронный глаз дрона выхватил залитый кровью пульт с активированной системой аварийного оповещения. Прежде, чем расплескать мозгами по полу, мутанту хватило этих самых мозгов послать сигнал «SOS» на ретранслятор. В груди Богдана кольнуло холодком, но через пару секунд отлегло — ничего похожего на устройства самоуничтожение в обозримом пространстве не наблюдалось, дверь, ведущая в отсек с аварийным источником питания не несла следов вскрытия, пломба в специальной петле оказалась целёхонькой. В данном вопросе можно было положиться на щепетильность и натуральный немецкий «орднунг» каас. Пилоты заклятых союзников всегда строго следовали инструкциям и наставлениям. И в этом случае они ни на йоту не отступили от предписаний. Что ж, в чужой педантичности тоже есть несомненные плюсы.

Осторожно обследовав пломбу с надписью «опломбировано», выбитой клинописью заклятых друзей, Богдан пришёл к мнению, что не с его «тремя классами церковно-приходской школы» вскрывать высокотехнологичный продукт иной цивилизации. Для тонких манипуляций с электроникой здесь есть другие лица и нечего им прохлаждаться на борту «Коника». Пошарив взглядом по пультам управления, Северов нашёл сенсорную панель управления системой «Безмолвие», обеспечивающей полную экранировку корпуса судна. Надо заметить, что комплекс РЭБ разбитой лоханки каас, напрямую наследовал знаменитой «Тишине», явившейся на свет из лона профильных заводов компании с непритязательным названием НПО «Эхо», работавшей на оборонку Русского сектора. Взятая за основу «Тишина» была несколько попроще, словно Мусохранск перед Парижем. Дома там пониже и дорожные покрытия пожиже, но как базисной платформе ей цены не было. Инженеры союзников поищали с продукцией «варваров», где надо обрезали, где надо поработали напильником и на выходе получили шедевр.

К чести родоначальников новой линейки специфической продукции, те тоже не сидели на месте и не почивали на лаврах. Когда каас принялись массово «паковать» свои скорлупки «Безмолвием» и их аналогами, «Эхо» на гора выдало «Благодать», почему-то в народе получившее кличку «Умертвие». Само собой разумеется, данный «товар» в широкую продажу не вышел, став достоянием узкого круга судов, лиц и допущенных к государственным секретам персон, но исстари повелось, что земля слухами полнится, а Пустота шепчет, и шёпот её разносится по всей галактике. Как ни старались друзья и конкуренты захватить в свои загребушие лапки новомодный девайс, ничего у них не выгорело. «Умертвие» до сих пор хранило секреты создателей. Правда, говорят, несколько лет как на свет появилась младшая сестричка знаменитого РЭБ, но что это за фрукт и с чем его едят, Богдан не знал и даже вездесущий шепот Пустоты не спешил приподнять покров тайны. Госбезопасность бдила, лютуя направо и налево.

Отвлечшись на иные материи, Северов с трудом вернулся в грешную рубку и не без опаски нажал на вызов меню. Угу, как и предполагалось, отключить «глушилку» просто так не выйдет, светящаяся клинописная табличка без лукавого запрашивала пароль с допуском по ДНК и маркеру биотоков. Если с первым ещё можно более-менее решить — тела рядышком валяются, то с биотокерной картой не прокатит. Мертвяки есть мертвяки. Предварительно заклинив дверь и сгоняв до разлома, Богдан выбрался наружу. Вызвать Муху, висевшего на связи, было делом трех секунд, ещё пять минут ушло на подробное описание ситуации. Местный хохмач недавно писался на публику, что в заброшенном всеми богами медвежьем углу галактики никто лучше него не сечёт в нейроэлектронике. А с сенсорными и оптическими массивами он, вообще, как с Пушкиным, на короткой ноге. Что

ж, пришла пора проверить слова на практике — тварь он брехливая, или крутой косичела. Мухин появился через двадцать минут с чемоданчиком на перевес. Опытным путём выяснилось, что слова у безопасника не расходятся с делом, засим ему был заочно вручен титул «косичелы», отвечающей за базар. Как оказалось, Муха тоже читал на языке каас и второй специальностью, освоенной им в «закрытой» шарашкиной конторе госбезопасности, являлась профессия оператора интеллектуально-логических системам вероятного противника. «Кошки», каас и ещё пара прочих рас, не относящихся к виду Ното... Операционный комплекс заклятых союзничков выкинул белый флаг и признал Муху хозяином менее, чем через тридцать минут от входа в виртуал. Коды системы безопасности и пломб были объеханы на кривой козе по широкой дуге, люди получили доступ в святая святых.

— Дело мастера боится, — активировав генератор щита, закреплённый на наспинном ранце, Мухин аккуратно сорвал пломбу. Зажмурившись, он несколько секунд ждал реакции.

Ничего. Обрубок судна не рассыпался на атомы. Значит, всё ему удалось.

Пока доморощенный хакер от вскрывал мозги корабельному компьютеру, Богдан нагло выдирает из гнезд игольчатые накопители блоков памяти и забивал ими переносной контейнер. Архивные папки с документооборотом они со всем тщанием посмотрят на станции. Хотя надежд на то, что «бумаги» несут в себе какой-нибудь секрет, было откровенно мало. Но чем Пустота не шутит.

— Что это? — сунувшись во вскрытое помещение резервного источника питания и не обнаружив одного, спросил Богдан.

— А это, друг мой, — задумчиво проводя по ячейкам криокапсул, ответил Мухин, — криокапсулы. Хранилище эмбрионов.

— Эмбрионов чего?

— Хрен его знает, у меня биоанализатора и дешифратора ДНК с собой нет, как видишь. Предположу лишь, что к нам угодили результаты работы секретного генетического центра. Жаль всё не утащим. Берём контрольные образцы и валим отсюда.

Посланный на «Коник» дрон приволок переносной криоконтейнер для хранения биоматериала. Закинув в емкость добрую треть капсул и нагрузив ею Северова, Мухин отослал его на бот, а сам устроился за искуроченным пультом управления судном. Набрав несколько длинных цифровых комбинаций, он устремился на выход.

— Отчаливаем, братцы! — влетев в шлюзовой отсек штурмбота, крикнул Мухин. — У нас осталось две минуты.

— Понял тебя, — отозвался Николай, врубая полную тягу на внутрисистемных двигателях. — Отваливаем! Шак, Муха, скафандры не снимать, сейчас я вам устрою ионную чистку. Каас кроме зародышей перевозили какую-то биоактивную хрень, осевшую на ваших костюмах. Наркотики, судя по данным сканера. Вдохнёте, до самой станции хихикать будете и то не факт, что отпустит. Там все переборки в грузовом отсеке в этой дряни, видно при взрыве досталось транспортным контейнерам или сработала встроенная система самоуничтожения груза.

— Что об стену, что по стене, — сакральной мыслью завершил спич Богдан. — Чисть уже, а то я чесаться начинаю.

В тысяче километрах от штурмбота вспыхнула яркая звёздочка, заслонившая в иллюминаторе свет всех остальных небесных светил вместе взятых.

— Дезинтеграционный запал, — ткнул в иллюминатор Муха. — Счастье, что он не

сработал при атаке на корабль. А ведь мог!

— Повезло, — наблюдая за гаснущим искусственным светилom, кивнул Богдан. Запоздалый холодок проложил ледяную дорожку между лопаток. Не боевая операция, а апофеоз дури, случайностей, удачи и везения. За прошедшие несколько часов он насчитал три выхода на грань, за которой душа переселяется в иные сферы, а сколько их было на самом деле, никто достоверно не знает. Что наша жизнь? Игра!

— И не говори.

Шлюзовой отсек затопило голубоватое свечение, льющее от настенных панелей. Повисшую в воздухе микроскопическую и мелкодисперсную взвесь вытянуло в космос через открывшуюся вытяжную «форточку». Спустя несколько секунд скрытые насосы вновь накачали воздух и выровняли давление. Людей обдало аэрозольным облаком антисептических и обеззараживающих препаратов.

— Чисто, скидывайте шмотки. Потные задницы подмоете в душе. Ящики с грузом на транспортную платформу не забудьте поставить. Что, Шак, надавали тебе сегодня по загривку? — глумливо донеслось из динамиков.

— Поговори мне ещё, — выпрыгивая из скафандра, буркнул Богдан и безразлично поморщился от ударившего в нос духа прелых носков. Термобельё и система биорегуляции с задачей не справились, видимо у последней что-то с самого начала сбило или настройки оказались не откалиброваны. Случается и такое, особенно когда скафандр «с чужого плеча». За короткий бой он моментально пропотел с головы до ног, в итоге от штурмовика сейчас несло, как от старого козла. — В табло давно получал?

— Ладно, не кипятись! — пошёл на попятный говорливый пилот. — На гигиенические процедуры вам двадцать минут. Хорошо-хорошо, полчаса, потом стартуем домой.

— Это хорошо, — Богдан мечтательно прикрыл глаза, — дома через час обед. Сегодня манты и жареная картошечка.

— Так поторапливайтесь, черти, а то всё вкусное без нас сожрут! С трофеями разберёмся по месту, шевелите булками!

* * *

«Коник» с братцами-акробатцами ускакал в тот же день. Ковбои от госбезопасности даже на обед не остались, прихватив с собой по судку-термосу с мантами и картошкой. Перед прыжком на главную базу они основательно выпотрошили добычу Богдана, обобрав его до последней нитки и иголки с инфобарабана корабельного блока подбитой скорлупки каас. Биообразцы и труп одного из человеко-муравьёв запаковали в криоконтейнер и опломбировали. Напоследок Николай сунул Богдану фреймчит и взял с бравого штурмовика кучу подписей из разряда сжигания перед прочтением. Сказав «ариведерчи», до предела серьёзные «казачки» отбыли, но обещали вернуться.

Проводив взглядом бот, исчезнувший в транспортном полукольце, Северов направился на складской терминал вахтовой станции.

— Михеич! — проорал Богдан в интерком, замахавшись разыскивать неуловимого еврея скандинавского разлива по всей станции.

— Не мешай, — раздался в ответ приглушённый голос главного крохобора коллектива.

— Жду через пять минут, — Богдан задумался. Приглашать Михельсона к себе или всё

же ангажировать кабинет последнего. Не было уверенности у начальника вахты, что его кабинет не напичкан различного рода жучками от добрых самаритян, помахавших ему кисточкой несколько минут назад. К тому же никто не погладит по головке человека, преднамеренно идущего на нарушение подписок и государственной тайны, но было у Богдана чувство, что со свалившимися проблемами надо разбираться срочно, не надеясь на добрых дяденек, иначе может быть поздно и Пустота поглотит и его, и подчинённых. — Через пять минут встречаемся у тебя, не нравится мне твоя последняя номенклатура, Михеич. Напорол ты дряни, без поллитры не разобраться.

— Кто, я?! — праведное возмущение можно было резать ножом.

— Ты, я чтоли номера накладных перепутал. Чеши, давай, в темпе вальса.

Так, минимальная конспирация соблюдена, сейчас бы в главном не облажаться. Сунув в карман коробочку «Привата» и захватив с собой браслет гражданского комплекса РЭБ «Тет-а-тет» (лишним не будет), Северов потопал в вотчину снабженца.

— Это то, о чём я думаю? — прищурившись, Михельсон разглядывал инфоиглу, лежащую на столе. — Рискуешь, Шак. Как умудрился?

— Ловкость рук, копибокс в рукаве и никакого мошенничества.

— На китайской Хань ворами руки рубят. Слыхал, нет? А тебе за твои художества отсекут голову... и мне с тобой на пару чего-нибудь открутят.

— Ну, так ты в деле или как?

— Или как, — накрыв иглу лапшей и сверкнув глазами, буркнул Михельсон, — говорила мне мама не связываться со всякими-якими. Таки мама была права, доведут они бедного еврея до цугундера. Запомни, Шак, всегда слушай маму и кушай кашку, и не водись с сомнительными компаниями.

— Это я-то сомнительный?

— А кто ещё? — вопросом на вопрос ответил Михеич, вставляя иглу в считыватель. — Что там, в кратце.

— Откуда я знаю, как ты понимаешь, времени разобраться с добычей у меня не было. Да и на чём? Подозреваю, что по твоему профилю, Михеич. Товарно-транспортные накладные и складское хозяйство. На инфобарабане был гражданский код, значит никакой особо секретной информации. Я успел у тех, — Богдан махнул головой в сторону забортного пространства, — одним глазком глянуть. Соответственно, друг мой куркульный, мы не особо...

— «Не особо», — перебил Михеич, — по краю ходишь, Шак. За гражданский код благодарствую, иной моя машинка до морковного заговенья не вскроет, я и за этот не поручусь. Хотя, хе-хе, чем Пустота не шутит. Таки ясненько, молот Тора тебе в..., в куда-нибудь, без консультации специалиста ныне никуда. А пошто Марью не зарядил?

— Боюсь, начинили нашу говорливую язву чем-нибудь нехорошим. Ребята в СБ хорошие, но через чур ушлые, а твоя неучтённая резервная машинка полностью автономна. Как видишь, таки нет у меня выбора, — польстил Богдан соучастнику.

— А я не ушлый? — запуская на персональном терминале дешифратор и погладив пальцем пластину активации магнитоэлектронного экрана, выгнул белесую бровь Михеич. — Обижаешь.

— А тебя просто так на кривой козе не объедешь, иначе давно бы уже заначка в третьем контейнере была распотрошена.

— О зохен вэй, какая заначка? — ушёл в несознанку Михеич.

— И правда, откуда там какая-то заначка? — подыграл Богдан. — Никакого коньяка и ящика с вишнёвой наливкой я там не видел. Почудилось, наверно.

— Скорее всего. Провериться бы тебе, шеф. Отдохнуть, полечиться, в баньке с самогончиком попариться. Глядишь и попустит. Пустотные миражи это, знаешь ли, симптом.

— И не говори, Михеич, бутылка наливки и штофчик коньяка у любого заблокируют память.

— Бутылка и штоф отшибают её напрочь! — торговля наше всё.

— Отшибает ящик, — ставки повысились.

— Хорошо, это я загнул, — пошёл на попятный Михеич, — нам ведь маленькая амнезия нужна, а не полная контузия и потеря памяти. Яхве, ну что за наветы на честного еврея, — патетично вздымая руки к небу за потолком каюты, картинно запричитал Михеич, пойманный на «горячем». — Скажите, где я и где контрабанда?! Нонсенс! Истинно говорю вам, таки происки завистников могут очернить любую кристально чистую репутацию. Тихо!

Голографический проектор высветил первую информацию, считанную с игольного хранилища. «Машинка» Михеича легко вскрыла код шифрования каас. Как изначально предполагал Богдан, ему в руки угодил складской журнал и иже с ним.

— Теперь не лезь под руку.

Закусив нижнюю губу, Михеич принялся раскладывать файлы в одном ему известном порядке, в котором вскоре выделилось несколько отдельных массивов, объединённых разноцветными линиями, пересекающимися между различными кубами с файлами, висящими в воздухе.

— Деньги, — проговорил Михельсон, едва заметным движением руки отправив очередной файл в ближайший куб, — это гениальнейшее изобретение, заметь, общее для любой галактической расы. Каас, люди ли, кошки ли, все на определённом этапе развития цивилизации сталкиваются с проблемами товарного обмена в обществе, а там, где возникает обмен, не может не возникнуть эквивалент мерила стоимости товара. Золото, камни, ракушки, коровы или бараны, что угодно, но аналог денег рождается и рождался у всех. Согласись, купцы в любом обществе просто обязаны оперировать каким-то мерилем, приведённым к общему знаменателю. А там где появились купцы и торговцы, обязательно появляются амбары и амбарные книги. Будь ты хоть негром преклонных годов, но логика подсказывает нам, что товар требует учета в любом мире иначе его разворуют, не успеешь глазом моргнуть. Что из этого следует? А следует из этого, что какая бы морда не была у торговца и какой бы расе он не принадлежал, он всё равно придёт к тому же, к чему пришло человечество. Товарные накладные, счета-фактуры, универсальные передаточные документы, акты сверки взаиморасчётов, акты приема-передачи товара, акты списания, бланки и прочее, и прочее. И никуда нам не деться от инвентаризаций с приходом и расходом. Люди не одиноки, Богдан Михайлович. Думаешь мы первые придумали логистику и родили вороватую касту снабженцев? Как бы не так! Каас и кошки опережают нас в этом благородном деле на много тысячелетий, но ни у одной расы нет таких богов торговли и честного обмана ближнего и дальнего, как у людей. Евреи есть только на Земле.

— А без лекции никак?

— Ты слушай и мотай на ус, — не отвлекаясь от голографии, ответил Михеич. — Хорошие торговцы, снабженцы и кладовщики обязаны быть хорошими математиками. Барыш считать как?

— А ты хороший математик?

— Надеюсь на это. Кандидат физико-математических...

— Ого! В личном деле этого нет.

— Я не афиширую, так сказать. Так вот, о чём я? О том, что любая разумная тварь делает запасы, которыми, даже в наш просвещённый, автоматизированный и компьютеризированный донельзя век, ведают живые начальники складов, под ними обретаются начальники участков и товароведы. На одной ступени с ними сидят кладовщики, эксперты и чёртова дюжина прочих нахлебников, которые завершаются пропитыми грузчиками на робокарах или на операторах дистанционных грузовых терминалов, но это не наш случай. Любая работа напрямую зависит от чёткой организации функционирования служб снабжения. Каас, как ты заметил, не смогли обойти этот пункт стороной, поэтому и пришёл ко мне. Ого, судя по записям, у наших друзей довольно таки плотный график поставок, два рейса в неделю. Скажи, Богдан Михайлович, я хороший заведующий складом и неплохой снабженец?

— Льстить понапрасну не буду, но собаку на этом деле ты съел не одну это уж точно.

— Мда, учиться и учиться тебе ещё в искусстве комплимента, ну да ладно, я не красная девица, мне премии в виде эквивалента признания заслуг хватит. Идём далее. Как хороший завсклада, я обязан всё знать о товарах и материальных ценностях, поступающих на склад и находящихся у меня на балансе. Условия хранения и маркировка давно забиты в подкорку и, глядя на эту маркировку, — на передний план голограммы выплыла строка с буквенно-цифровым обозначением товара, выполненная клинописью, — я могу тебе сказать, что почившие в бозе друзья заказывали биореplikатор, а вот эти буковки сообщают нам, что ими был получен и оприходован ДНК-модулятор последней модели. В эту таблицу я поместил информацию о продуктах питания персонала базы. Зная нормы снабжения, могу сообщить тебе о двух сотнях едаков, плюс-минус полтора два десятка в большую или меньшую сторону. Ниже идёт биомасса для кормления животных. Речь о трёх сотнях голодных глоток, нормы питания неизвестны. Это биопрепараты, а это, друг мой, — Михеич ткнул пальцем в очередную накладную, — головная боль и большие проблемы. Причём наша боль и проблемы. На курьере было сто пятьдесят килограмм чего-то, переводя в нашу меру весов, делящееся на миллионы доз. А что у нас измеряется в дозах? То-то и оно. Но это не самое интересное, в акте-приёмке фигурирует оборудование «О`всай». Биотехника этой фирмы наших заклятых друзей категорически запрещена к поставке на сторону. Её практически невозможно купить, если ты не крупный правительственный или военный НИИ закрытого типа.

— Или секретный центр, — осознавая глубину маячившей впереди пропасти, бросил Богдан.

— Или секретный центр, — покладисто согласился Михеич. — И ещё, друг мой, мне очень не нравится вот эта унифицированная форма.

— А что с ней не так?

— С ней всё так. Я хороший кладовщик, снабженец и материаловед и с опытом и постановкой дел у каас знакомился в гипнокапсуле не зря. Так у «пятидесятников» обозначается подопытный материал.

— И? Не тяни кота за сам понимаешь что, Михеич!

— Люди. Роух. Это они обозначены животными. Сто тридцать две особи и девяносто семь шкур соответственно. Тысяча двести криокапсул готового «продукта» на основе ДНК

людей и здесь непонятное обозначение.

Богдан догадывался о чём, точнее, о ком речь. Антропоморфные твари с внешним хитиновым скелетом. Смертельно опасный противник, а если это дело поставили на поток...

— Пустота безбрежная! Маточные репликаторы! — непроизвольно вырвалось у Северова.

— Мы разворошили шершинное гнездо, Шак. Эти обязательно спросят, кто посмел влезть грязными ногами в их вотчину, и придут за возмещением ущерба.

— Всё ещё хуже, чем ты думаешь, Михеич! Не буду распространяться, но мне довелось познакомиться с «продуктом» центра и не скажу, что знакомство оказалось из приятных. Чуть с душой не распрощался. И...

— И?

— И это не пираты, хотя последние выступают в роли прикрытия.

— Ты упускаешь из вида аффилированные компании каас и недавние внезапные ревизии.

— Спасибо за напоминание. А паззл-то складывается, Михеич!

— Не скажу, что я этому обрадовался. Пираты — это полбеды, но мы пронюхали о военных разработках. Жди беды, Шак, вскоре нас пощупают за вымя.

Михеич скопировал информацию на отдельный носитель и передал обе иглы Богдану.

— Делать что будешь?

— Пойду сдаваться и писать докладную.

— Иди. Могу я? — снабженец упёрся в начальство молитвенным взором.

— Можешь, от бутылки водки тебя не развезёт, но нервы подлечишь.

— И на том спасибо.

— Спасибо не булькает.

— Понял. Сделаю.

Запершись у себя в каюте и глядя на бутылку марочного коньяка, протащенного на станцию ушлым сыном холодного севера и жаркого юга, Богдан никак не мог заставить себя приступить к составлению рапорта. В конце-концов, плюнув на всё, он написал как есть, зашифровал и отправил документ по персональному закрытому каналу связи. Откинувшись на спинку кресла, он только собрался заказать у бытавтоматики кофе, который планировал обильно сдобрить изысканным напитком, как над столешницей вспыхнула красная нить входящего вызова.

— Северов на связи.

Нитка мигнула и развернулась в плоский голографический экран. На той стороне изображения сидел в кресле взволнованный Костик Маланов:

— Богдан Михайлович, есть сигнал маяков! — сообщил дежурный связист.

— Удаление, сигнатура!

Узнав подробности, Северов с трудом удержал себя от сокрушающего удара кулаком по крышке стола. На место трагедии пожаловал разведывательный бот хозяев уничтоженного курьера.

* * *

Руководство и госбезопасность на докладную записку с «низов» не прореагировали

никак. От слова «совсем». Доклад Богдана ухнул в Пустоту и там затерялся в безбрежной бездне бюрократических проволочек и административных согласований, словно кто-то упорно не давал ему ход. Странные какие-то игры у спецслужб. На все опасения и сомнения начальника участка многоопытный куркуль от снабженцев только многозначительно хмыкал и советовал не подкидывать уголёк в котёл паранойи. Будь спокоен, те, кому надо, в курсе, стало быть лишний кипеш только в холостую сжигает нервные клетки и расстраивает нервную систему. Напрасными метаньями горю не поможешь, а план с участка никто не снимал. Тут Михельсон оказался прав на двести процентов, раз поставлен строить, бдить и надзирать, так и занимайся тем, за что деньги платят, а всё остальное вторично и идёт побоку. Или вторично пока не поступило указание свыше. Шпионские игры, пираты, теория галактического заговора — всё это тлен, если объект не будет сдан вовремя, а вот «секс» у начальства с залезанием потной руки в карман проштрафившегося и лишение премии — это суровая реальность. Своя рубашка, которая гораздо ближе к телу, чем надуманные проблемы госбезопасности.

Оставив связистов бдить и подготовив к «отстрелу» ещё пять маяков, Богдан плотно занялся упущенным за поиском приключений производственным процессом. Закатав рукава и настроив коллектив на трудовые подвиги, он сумел за двое нервных суток нагнать и перегнать наметившееся отставание в выпуске и сборке ферм кольца. Чувствуя ответственность и связь от общей тайны, Михеич ужом вывернулся, полностью закрыв потребность в материалах. Последнему очень способствовал вывод хитрого снабженца на чистую воду. Богдан целые сутки мучился, пытаясь понять, что не так с Михельсоном. Вроде ничего не изменилось — тот же лес и небо голубое, но запавшее в душу несоответствие, как мелкая соринка в глазу, не давало разгулявшейся паранойе успокоиться. Запершись в кабинете после утренней планёрки, Северов подробно прокрутил запись последнего разговора во время совместной расшифровки материалов с корабля каас. Интуиция упорно шептала, что собака зарыта именно здесь и вскоре оговорка, как по Фрейду, показала скользкую спинку в бескрайнем море жареных фактов. Скандинавский еврей неосторожно проговорился о научной степени, о которой ни слова не было в личном деле. Кто из смертных имеет возможность безнаказанно замылить важную информацию и сунуть в отдел кадров тоннельного отряда выхолощенное личное дело далеко не последнего работника? Вопрос, конечно, интересный и за ответом далеко ходить не надо... Вторым неугомонным сверчком растущей словно на дрожжах подозрительности стала компоновка вскрытых файлов. Нет, ясен пень, что профи, жизнь положивший на ниве складов, кладов и чемоданов разместит документы в удобном ему порядке, но вот последовательность, цифры и буквы названий файлов больно сильно напоминали какой-то код. Дабы развеять сомнения, после вечерней пересменки и планёрки, Богдан попросил Михеича остаться в кабинете. После того, как остальной персонал покинул начальственные апартаменты и притворил за собой дверь, Севером нажал кнопочку «Привата», голосом Мюллера из древнего художественного фильма про разведчиков, ехидно поинтересовался званием товарища Михельсона.

— Давно подозреваешь? — собеседник за начальственным столом обозначил ироничную улыбку. Интересно, а куда пропала извечная еврейская картавость? — На чём я прокололся?

— На том, что не афишируешь, — блаженно вытянув гудящие ноги, Богдан откинулся на наполненную гелем спинку кресла. Автоматический массажёр, встроенный в кресло, принялся разминать напряжённые мышцы спины. — Михеич, ты у нас старый, опытный

кролик и такие проколы. Позволь, угадаю. Майор?

Признавая поражение, Михельсон удручено квакнул:

— Пора на покой.

— Покой нам только снится, коллега. У нас тут дел непочатый край, а ты в туман сваливать собрался. Нехорошо это, не по-товарищески, мил человек. Ты же не шлемазл какой-то, а за натуральный гешефтман. Закатывай рукава и впрягайся! А спалился ты отсутствием реакции на мой демарш. Другого бы уже давно против шерсти наяривали, а меня и царский гнев и царская милость стороной обошли. Интересный у вас, снабженцев, способ передачи информации. Будешь брать с меня подписку молчать в тряпочку?

— Нет, поверю на слово, что не растреплешь. Не поц, как-никак. Мужик ты не из говорливых, лишнего не скажешь.

— Однако, что-то слишком много ныне стало шпиков и агентов на один кубический парсек, не продохнуть. Только я никак не пойму, по какому ведомству ты проходишь. СВБ? Хотя, что здесь делать внутренней безопасности? Не того поля мы ягоды. Ясно одно, к конторе улетевших на «Конике» архаровцев твоя душонка отношения не имеет.

— СВР. Дирекция Третьего Флота, всё с большой буквы.

— Внешняя разведка? — на обомлевшем лице проступила целая гамма чувств от удивления до неверия. — Внешняя разведка на заштатной «бочке» за линией форпоста? Ахренеть!

— А ты разбираешься в специфике работы внешней разведки? Не знал.

— Понятия не имею. Хочешь прикол? Всё есть в гипнокапсуле, даже чайный этикет т`хора и как крестиком вышивать, а про СВР забыли. Во-от, недосмотрели, ироды!

— Вот и не забивай себе голову. Ни к чему тебе это, снисходительно ответил Михеич. — Многие знания умножают скорбь. Тебе достаточно знать, что наше внимание привлекают потенциально опасные объекты и направления. ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОПАСНЫЕ! — выделив голосом главное, Михеич продолжил:

— Аюй сам по себе загадка, полная опасностей. К тому же были у нас сигналы, а сигналы принято проверять.

— То есть...

— То есть тебе этого тоже не положено знать, но на активность в аномалии указывало несколько агентов на той стороне.

— Ого!

— Вот тебе и ОГО! Причём связь с большинством из них вскоре оказалась оборвана. Поднимать «спящих» в директорате решили преждевременным. Устроить проверку мы не могли до последнего. Слава богу, началось строительство тоннеля. Тут уж подсуетиться сама Пустота велела. Не зря, как видишь. Конкурирующим структурам мы утёрли нос.

— Каким образом? Мною? И давно я носовым платком подрабатываю? — не удержался Богдан.

— Остынь! — лязгнул металлом Михеич. — Тебя держали в резерве, так что винить тебе кроме себя самого некого. Сам, всё сам, своими собственными ручками и дурной бестолковкой.

— Интересный у нас разговор получается, Михеич. А ты у нас случайно не из добрых полицейских? Злые умотали давеча, а ты сопли подтирать остался.

— Я тебе даже больше скажу — я вообще не из полиции!

Михеич отстегнул клапан нагрудного кармана и положил на стол метапластовый

прямоугольник с фотографией Богдана на развороте, тот осторожно, будто ядовитого паука придвинул удостоверение к себе.

— Когда я успел стать старшим лейтенантом? — удивился Северов. — Это что, вербовка?

— Это страховка, — сально ухмыльнулся Михельсон. — Твоя страховка! Понадобится, когда всплывут твои писульки. А теперь слушай и запоминай, с первого дня строительства ты работаешь в СВР. Только это ранее не афишировалось, хе-хе, гхм. То, сё, сам понимаешь. Специфика работы. Единица за штатом. Гордись, не каждому выпадает обладать огромной степенью свободы принятия решений и автономности. Зачем нам светить «спящего» агента? Зато в случае чего, как совсем недавно, всегда есть прикрытие в верхах. Мы ни к чему не принуждаем, и у тебя, Богдан Михайлович, есть возможность в любой момент спрыгнуть с нашего экспресса без обид со стороны начальства. Аналитиками такой вариант предусмотрен. Насильно мы никого не держим, но мне хотелось бы, чтобы ты не спешил с отказом.

— Я подумаю, — убирая в стол выписанное задним числом удостоверение, ответил Богдан. В душе он уже признал поражение. По сути, подсветив фонариком выход, хитрый еврей не оставил ему выбора.

— Подумай, такие дела с бухты-барахты не решаются.

— Что ещё предсказали ваши аналитики?

— Ещё? — что за манера отвечать вопросом на вопрос. — Ещё они спрогнозировали, что вы, Богдан Михайлович, с высокой степенью вероятности на голой интуиции вскроете моё инкогнито. Верилось с трудом, но все сомнения опровергнуты одним махом. Чуялка у тебя работает на диво. После этого отдавать столь ценного кадра в лапы конкурентам? Может быть мы чего-нибудь недопонимаем по жизни, но дураков в СВР не держат.

— Ладно, проехали. Михеич, — вмиг стал серьёзным Богдан, — я могу на тебя положиться?

— А я давал повод к сомнениям?

— Слава Пустоте не припомню такого, но надо иметь талант столько лет головы людям дурить.

— Не я такой, работа такая, — прирождённый разведчик развёл руки в стороны и пожал плечами.

— Спецификой не интересуюсь, тут и дитю ясно, на что ты подлаживаешь потенциальных и реальных врагов, ведь столько «вкусного» растёт на складских полках.

Встретив понимающий взгляд, тайный агент улыбнулся. Собеседники надолго замолчали, каждый думая о своём. Богдан со всех сторон прокручивал складывающуюся ситуацию и как вывернуться из неё с наименьшими потерями. О чём думал Михельсон так и осталось тайной за семью печатями. Как говорилось выше, кролик он был опытный, поэтому предпочитал держать мысли при себе.

— Так, Богдан Михайлович, — хлопнул по коленям Михеич, — своему, а с некоторых пор и твоему руководству я шифрограмму отправил. Кратенько так, страниц на десять. Твои действия, конечно, заслуживают самого строго порицания, но, как это не удивительно, в складывающихся обстоятельствах признаны верными. Как по мне, нельзя быть настолько импульсивным. Разумный риск приемлем, как и неординарный подход к решению проблем и поставленных задач, но кидаться в омут с головой в нынешней ситуации это непозволительная роскошь. Я это к чему говорю, мяч сейчас на стороне каас. Как бы мы не

пыжились, какие прогнозы не составляли, без ответного хода ксеносов всё наше гадание не стоит выведенного яйца. Хотя, не дергайся, ты прав, по лицу вижу и целиком и полностью поддерживаю, что готовиться мы должны. Бронепоезд на запасном пути, сушим порох и набиваем пороховницы. Мною получен приказ сидеть на попе ровно, ждать и лишний раз не высовываться. Резкие телодвижения нам противопоказаны. Кроты с той стороны, — махнул ладонью Михеич, намекая на каас и аффилированных господ, — не должны ни о чём догадываться, а ты корма с горкой отсыпал. Нам хотя бы неделю продержаться без вынужденных геройств. Есть, как ты понимаешь, определённые сложности с усилением состава. По оперативным данным гибель курьера списали на гравитационную аномалию. Так ли это с уверенностью в сто процентов никто не скажет, но никто из выявленных агентов пока активности не проявляет. А ты, смею заметить, выбрал верную тактику — строим кольцо, как будто ничего не произошло. Тишина и божья благодать, я со своей стороны задействую нужные рычаги, чтобы участку не зажимали снабжение. Есть, знаешь ли, связи у старого еврея.

Слово своё Михеич сдержал. Опережение заданных темпов строительства более, чем на пятьдесят процентов обязано четкой работе служб снабжения. Видимо рычаги у агента под прикрытием включали нужные механизмы.

Когда за навалившейся рутинной Богдану стало казаться, что захват чужого корабля был сном, явь преподнесла очередной сюрприз из разряда ожидаемых, хоть и нежеланных. На седьмые сутки, аккуратно после утренней пересменки по внутристанционному времени, Пустота исторгнула знакомый строителям бот. Выплюнув несколько искр баранкой частотного движка, «Коник» галопом понёсся к станции. Движение в забытом захолустье не ахти, поэтому пилот не утруждал себя запросом на выделение безопасного коридора. Непривычно собранный и серьёзный Николай уточнил у Леночки номер стыковочного узла и через пять минут магнитные подковки ботинок варягов клацали по административной палубе, с каждой секундой всё ближе и ближе приближаясь к кабинету начальника участка.

* * *

Кузьмин безглаголиво, будто скользкую ядовитую гадину, держал в руках прямоугольник с полной биометрической характеристикой и фотографией расположившегося напротив него человека. Предъявленное служебное удостоверение сотрудника СВР в корне меняло весь план действий варягов. Точнее херило его на корню. Больше не получалось привлечь к работе Северова на паритетных началах, паритет в которых подразумевался лишь с одной стороны. Ход с арестом на этом фоне также терял актуальность. Служба внешней разведки Директории Третьего Флота — это маленькое государство в государстве, подчинённое командованию флота и не имеющее над собой целую кучу дополнительных административных надстроек. Копая глубже, есть шансы упереться в бюджет Русского сектора, который четвертое столетие содержит настоящую армаду боевых кораблей и судов ВТФ — военно-транспортного флота. Всё Провал граничит с несколькими галактическими расами, поэтому появление различного рода спецслужб: разведки, контрразведки и прочих являлось лишь делом времени и они появились исходя из логики событий. Только вопреки пожеланий многих земных чиновников и политиков, большая часть новорождённых на тот период структур, а это было около четырёхсот лет назад, получили местную прописку.

Поэтому доклады и коммюнике спецов СВР напрямую попадают на столы адмиралов и правительства Провала. Ссориться с такой структурой никому не с руки. Госбезопасность вроде тоже радуется «за наших», имея региональную штаб-квартиру на Ирие, но главный штаб ведомства в Москве и земные Российские ставленники по-прежнему играют в ведомстве первую скрипку, что иногда приводит к неприятным казусам, когда генералы начинают прогибаться под ор политиканов Конфедерации. Да и по древней, освящённой традиции, Метрополия привычно держит руку на пульсе, свято блюдя свои интересы, а никак не блудных детей из Провала. Однако, стоит заметить, что последнее время, в ожидании большого шухера, гэбэшники стали массово переводить филиалы управлений и отделов на Ирий, Ладу и Пандору. Если громыхнёт, то в условиях гравитационной аномалии Провала выжить гораздо проще, чем на Земле. Практику строительства запасных космодромов никто не отменял. СВР активно впитывала в себя бегущие кадры, постепенно увеличивая престиж и влияние.

Ожидаемо не доверяя зрению, Николай провёл сканером над метапластом. Чувствительная аппаратура, изготовленная по самому последнему слову техники, подтвердила наихудшие опасения, между делом показав, что никто никого не пытается надуть. Заметив снисходительную усмешку Северова, Кузьмин не сдержал покерфейс и поморщился.

— Ну, мил человек, пистолетиками меряться будем или миром разойдёмся?

— У меня приказ...

— Извини, Николай, за вольную трактовку, но мне твой приказ как бы до одного места. Я категорически отказываюсь участвовать в ваших игрищах и авантюрах. Лететь туда, неизвестно куда, делать то, неизвестно что. Или вы открываете карты, и мы предметно обсуждаем маршрут и обязанности сторон, или мы расстаёмся на нулевом варианте. Вы мастера таскать каштаны из огня чужими руками. Таскайте ради Бога, но не за мой счёт. Хватит!

— Мы мастера?! — до глубины души возмутился второй архаровец. Лицо Мухина Олега, в отличие от внешне абсолютного спокойного Кузьмина, покрылось некрасивыми красными пятнами.

Бросив на пышущего гневом Олега внимательный взгляд, Богдан оценил степень его актёрского мастерства. Хотелось верить в чистоту чувств молодого человека. Честно. Но стреляный воробей на мякину не покупался, к тому же многоопытный Михельсон потратил не один час, расписывая различные сценарии встреч и таких вот бесед по душам с развесёлой парочкой и иже с ними. Поэтому Богдан упреждающе размахивал кулаками, опасаясь оставлять голые пальцы у зубатых пастей этих своих в доску парней. Чревато. Засим ему приходилось на полную катушку включать искусство дипломатии, приправленное личной харизмой, чтобы не быть «съеденным» без соли и перца. Оппоненты-то тоже не пальцем деланы. Сразу вспоминались уроки деда, учившего внука, что главное искусство дипломатии — это так красиво послать далеко и глубоко, что к тебе в восхищении прибегут за добавкой в ожидании очередного изречения. Что ж, до достижения вершин этого непростого искусства учиться ему ещё и учиться. Проще кулаками работать. Двинуть в харю всегда легче, чем разойтись словами, особенно когда вторая сторона в упор не понимает ни намёков, ни прямых посылов, а руки чешутся и чешутся.

— Не гони лошадей. Так, братцы, хотите, я сейчас по линиям руки распишу вам и вашим мордovorотам ближайшее будущее? Даже не глядя на ладони, могу сказать, что

линии жизни у вас кривые до невозможности и упираются в большие неприятности. Видишь ли, твой приказ, как ты мне в своё говорил, мне «глубоко по боку». Если рассматривать картину с высоты птичьего полёта, ситуация у нас следующая: была проведена секретная операция силами двух ведомств. Так? Так, как ни крути. Причём одна из участвующих сторон в лице неких О.Мухина и Н.Кузьмина наглým образом присваивает весь захваченный магарыч. Нимало не делясь с коллегами, захватив зипун, brave Кузьмин и Мухин ретируются, дабы лихо отрапортовать о достигнутых успехах и нагло зажиливая все лавры себе. А, может, не присваивая, но кого это сейчас волнует? Меня вот, к примеру, ни капли. Я сделал то, что должен был сделать. Вы бы на моём месте поступили бы также. Согласись, Николай, повели бы что-нибудь «сладенькое»? Молчишь? Ну-ну, идём далее. Обида выиграла, когда обойденные коллеги воспользовались дублем инфоиглы, сиречь толикой малой от хапнутого у врага, и на пустом месте раскопали горячие факты. Ваше начальство пришло в неистовство и стукнуло кулаком по столу, а х... кх-м, стукнуло, в общем. То-то вы такие преисполненные собственной важности, явились взять меня под белы ручки и упакованного в смиренное железо представить под грозны очи секторальных небожителей в высоких кабинетах, мечущих оттуда громы и молнии. Не будем отбрасывать и вариант принудить работать на вас за большое человеческое спасибо. Хо! Похоже, я угадал. Мухин и после этого ты строишь из себя невинную фиалку? Всё бы у вас выгорело, но я предпочитаю, чтобы ваши олимпийские сидельцы напрямую толковали с моими, а то ведь у меня лично план горит. Транспортное кольцо само строиться не будет и эту ответственность с меня никто не снимал. Так что идите вы лесом, парни. Да, братцы кролики, нехорошо получается, Кузьмин, а знаешь, кого в случае чего сделают крайним?

Оценив перспективу, Николай пробубнил сквозь зубы что-то забористое и явно нецензурное, Мухин глубокомысленно промолчал, а пара конвоиров предпочла имитировать мебель. Им-то что, они в очереди на раздачу кнотов и пряников самые крайние. Вернув Северову удостоверение, Кузьмин зашёл с козырей, выложив на стол фреймчит с приказом начальника строительного участка, в котором разрешалось подателям одного документа привлекать к работе любых сотрудников отряда. Раз уж неуступчивый Северов выпал из обоймы, госбезопасность изымает из рядов строителей товарища Михельсона и госпожу Баженову, показавшую класс и мастерство на примере личного курощения здесь присутствующего Олега. Тут крыть оказалось нечем, гости были в своём праве и заранее побеспокоились о законности запросов. Богдан хмыкнул. Именно на такой вариант рассчитывал Михеич. Ну-ну, берите, ему не жалко, тем более один волк в овечьей шкуре давно мечтал выбраться на разминку косточек. То-то будет сюрприз кому-то, да и Даша за себя постоять может. Хваткая девочка.

На подготовку к вылету и заправку «Коника» отводилось два часа. Оставшийся на станции Мухин лично вбил координаты прыжка на главном пульте управления транспортного кольца. Резервная операторская на момент отправки очередной «экспедиции» была заблокирована и закрыта от персонала. Бот исчез в пугающей бездне космоса, но ушные тоннельщики, собравшиеся в кабинете Северова и получившие от ИИ параметры приборов и данные о нагрузке генераторов в момент прыжка, уже рассчитывали дальность заброса.

— Сколько? — лениво поинтересовался Богдан у Ли.

Штатный математик китайского происхождения быстро ввел показания приборов в математическую модель, прикинул массу бота и выдал результат:

— Около двадцати светодней. Вектор перемещения направлен в сторону внешнего края.

— Мы отстреливали туда маяки?

— Позавчера. Партию из семи штук. По заданию главной станции. Какие-то нового типа. С защитой от вскрытия, — коротко рубя фразы, Ли подтвердил мелькнувшую у Богдана догадку.

— Понятно, что ничего не понятно, — задумался Северов. — Что им понадобилось в Пустоте? Не просто так же они туда полезли борщца похрюпать? Чёрт, сидим здесь в глухомани и гадаем на кофейной гуще. Ладно, разберёмся...

На вечернем сеансе связи с невестушкой, тихо, будто сам собою всплыл вопрос внезапной активности выше обозначенных товарищей. Прищулив глаза, Регина желчно спросила:

— А с какой целью интересуешься, отец детей моих?

— О, рахат-лукум очей моих, солнце ненаглядное, чуть было не было с отцом детей твоих.

— Приставали, редиски?

— Хуже банных листов, ласточка моя. Прилипли, еле отодрал, — походя нажаловался Богдан, — а теперь душа болит. Двух работников повели у меня, сволочи плюшевые, как бы с ними лиха какого не стряслось. У вас там ничего необычного не случилось? Ну, если не у вас, так рядышком. Курей кто передушил или масло в столовой спёрли?

— Нет, яхонтовый мой, у нас как в Багдаде, всё спокойно.

— Жаль..., э-э-э, конечно не жаль. У меня от сердца отлегло. Хорошо, что у вас там...

— Ой, не части, милый, как девочка-целочка. Краем уха я знаю из-за чего весь сыр-бор. Скину тебе «пакетом», считаешь на досуге.

— Жду, лапка моя. Ты билеты на обратный рейс уже заказывала?

— Понравилось летать с комфортом?

— Понравилось летать с тобой.

— Заказала, шалунишка, — Регина стрельнула глазками и сложила губки бантиком, тут за её спиной мелькнула незнакомая Богдану девица и что-то сказала невесте. — Ладно, сокол мой ясный, некогда мне с тобой лясы точить, работы привалило. Лобызаю в клювик сахарный, пока-пока. Инфу скину через час.

Высветив сообщение о конце сеанса связи по кодированному каналу, голограмма погасла. Богдан остался сидеть в кресле, задумчиво потирая подбородок и изредка теребя нижнюю губу. Сколько раз он корил себя за эту вредную привычку. Здоровенный лоб, четвёртый десяток разменял, а всё туда же — шаловливые ручки.

Время тянулось эластичной резиновой лентой, стремясь увильнуть в вечность. Инфопакет от Регины пришёл с небольшим запозданием, когда Богдан, уставший от ожидания и бесконечной нервотрёпки, готов был зубами вгрызться в связевой терминал.

По сообщению невесты, когда ещё строительством тоннеля даже не пахло, в четвёртом секторе в двух светоднях от российского военного аванпоста шалили пираты. Джентльмены удачи потрошили гражданские суда, но нарвались на волков в виде современных истребителей, базировавшихся на втором Аюя. Пиратов погнали прочь, угостив пинком в корму. Гражданские на прогулочной яхте отделались лёгким испугом, а пиратская лоханка сиганула в прыжок. В момент активации гипердвижков их ракета и накрыла, так что куда болезных после гипера вынесло одной Пустоте известно.

Анализируя записи скоротечного боя и панического бегства, армейские эксперты не

смогли опознать тип корабля. Единственное, что не вызывало у них сомнений — это то, что бандиты зажигали на судне с двигателями нового типа. Тогда сложилось одно к одному, и пиратский кораблик из новых и шпаки гражданские не шпаки, а детки шишек высокого полёту. Дочь и сын какого-то министра из американского сектора и тройка мелких каас, тоже из боссов. Сразу налетело корреспондентов как грязи, но последним рты быстро заткнули и судом пригрозили, если растрезвонят. Министр в ножки кинулся, благодаря за спасение безголовых чад, каас радужные пузыри пускали и вечной дружбе клялись. В общем, мир, дружба и жвачка. Золотая молодёжь одним словом, ни дна им, ни крыши. Всё им дозволено, в попе ветер играет, страшные русские вокруг, а тут ещё и пираты чуть не изнасиловали! Драйв, трэш и угар! Впечатлений на сто лет вперёд. Одного никто не понял, какого ляда им надо было у чёрта на куличках, да у российского военного аванпоста? Ладно первые, им экзотику и авантюры подавай — наприключались, ироды, а вторые совсем, выходит, нюх потеряли? В итоге дело спустили на тормозах и, в конце концов, замяли.

Сообщение о давно позабытой вылазке пиратов благополучно пылилось в архиве, пока несколько маяков, раскиданных «Коником» в радиусе пятнадцати светодней от «точки семь», не приняли слабый сигнал, впоследствии идентифицированный, как сигнал подбитого пирата. Оставлять без внимания подобное было нельзя. С Аюй-2 пришло указание проверить и доложить. Нетрудно догадаться на кого возложили ответственную миссию. Естественно, на хорошо зарекомендовавший себя экипаж «Коника».

Северов принялся нарезать круги по кабинету. Червячок в его душе упрямо нашёптывал об ответном хитром ходе каас. Неспроста пираты шалили, и корыто своё они не просто так под огонь истребителей подставили. Жажнуло, не жажнуло, обломков корабля никто не видел, значит, рано их со счетов списывать, логично? Логично!

— Стоп, а не... Да бред же! Это сколько светодней по аномалии чапать? Не сходится.

Помучив мозговые извилины и так и эдак, Богдан поймал за хвост ускользающую мысль:

— Константин! — у связистов вновь дежурил Маланов. — Ты запись недельной давности сигнатуры каасовского бота сохранил?

— Обижаете, Богдан Михайлович! — улыбнулся Костя.

— Прогони-ка её ещё раз через фильтр и дай диаграмму на экран. Молодец. Ничего странного не замечаешь?

— Ничего, а что тут странного, обычный армейский бот с четырьмя встроенными двигателями, тип «Шом», каас такие на верфях «Ойшо» во внутреннем регионе клепают, как пирожки в базарный день, мы их на курсах проходили.

— Да, а это что за пики? Синхронизация двигателей хромает?

— Ёкарный бабай! — выдавил Костя. — Это...

— Правильно, это ещё один бот или старый корвет, замаскировавшийся в гравитационном эхе двигателей «Шома». Два корабля, а не один, Костя. Два! Гляди, через два часа пятнадцать минут бот сделал первый микропрыжок в сторону гравитационной складки, сигнатура после которого у него один в один, как на ваших курсах, значит, второй корабль остался в засаде. Нас выманили на живца.

Часть 3. Если завтра война

Мысленно утерев несуществующий пот, Богдан тихим незлым словом помянул Михельсона, с чьей подачи он угодил в эту заварушку. В СВР давно подозревали, что у них и у госбезопасности где-то «протекает» на регионально-секторальном уровне, воспользовавшись местечковым инцидентом для вскрытия «крота» или «кратов». Тут уж как дело выгорит. Северов был всего лишь одним из винтиков в многоходовой комбинации. Ошибка заключалась в одном — неприметный винтик резко превратился в шестерёнку, от которой зависит работа всего механизма, а местечковая язвочка детской ветрянки в любой момент грозила стать чёрной язвой пустотной чумы. Пока людям удавалось скрывать интерес к обнаруженной в пространственной складке планете, агентура каас никак не засвечивалась, но стоит им прознать об интересе людей (спецслужб Русского сектора в частности), как на последних мгновенно навалятся всей политико-экономической мощью Альянса. Не стоит делать скидок на то, что работу противникам осложняют зачастую неподконтрольные пираты и международные криминальные синдикаты, работающие под эгидой «Гронивы» — Агентства Безопасности Альянса Каас или АБАК. На официальном уровне связку АБАК и криминалитета никто никогда не признает и, следовательно, к делу их не пристегнёшь, а скинуть отяжелевший «чемодан» без ручки можно в любой момент.

«Гронива» преступно прохопала ушами заключение договора на прокладку тоннеля и само начало работ (слишком рьяно «обезьяны» взялись за строительство), вмешавшись позднее. У строительного холдинга неожиданно начались проблемы со снабжением, заинтересованные стороны стали предлагать другие маршруты с выводом второстепенных веток и транспортных колец в иные сектора. Администрациями секторов каас, прилегающих к Аюю, затягивались отправки экспедиций вглубь аномалии для составления гравитационных полей, тормозились ПИР.

Надо что-то делать, но как назло в голову ни одной дельной мысли не лезло.

— Одна голова хорошо, а две лучше. Ещё лучше, когда их три. На троих лучше соображается.

Когда в начальственном кабинете, превращённом в импровизированный конференц-зал, собрались все приглашённые, Богдан вздрогнул от посетившего его чувства дежавю:

— Всё те же на манеже, — пробормотал он, — а нет, один убыл, другой прибыл.

В «минус» ушёл Михельсон, «плюсом» стал Мухин. По крайней мере, Северов надеялся что Олег не станет «минусом». Весельчак и балагур от госбезопасности имел то, чего не доставало многим тоннельщикам — реальный боевой опыт. Совет и помощь такого профи только приветствуется.

Вновь, как и несколько недель назад, не рассусоливая и не растекаясь мыслью по древу, Богдан ввёл участников совещания в курс вставшей во весь рост проблемы, по сравнению с которой термоядерное солнышко и атомный запал под задницей теряли былую значимость. Угроза нападения липовых пиратов с неумолимостью тяжёлого линкора выплывала в первые ряды. Повторно потревожив и так настороженное чувство дежавю, спич опять-таки не оставил равнодушных. Поверили все, ибо косые взгляды вахтовиков, кидаемые на Мухина Олега, натывались на напряжённую фигуру нервничающего человека. Уж представитель госбезопасности знал всяко больше простых работяг, а раз тот на измене, значит есть с чего и начальство дело говорит, а не пургу гонит. Диким волкам космоса не привыкать грудью

встречать опасность. Русские не сдаются, они ломают обстоятельства под себя, даже если ты родился на китайской Хань. Подыхать ни за грош желающих не было.

— Итак, коллеги, как воевать будем. У кого какие предложения? Сразу говорю — без чинов. Мухин, тебя это тоже касается. В одной лодке сидим.

— Без чинов, так без чинов, — почесал короткую бородёнку Михаил Шкарпетко. Тёмную густую поросль он сбрил почти под корень после прошлого ЧП. — Есть одна мыслишка.

— Миса, не тяни лезину, лозай узе, — обычно китайцы более терпеливы, но Ли успел заразиться русским темпераментом. Видимо воздушно капельным путём или половым от пандорской красавицы.

— Бабы рожают! — густым басом отбрил Михаил. — Монтируем противометеоритные пушки и весь сказ. С кольца снимаем пару генераторов, рельсы с тележками, я думаю пяти штук хватит, и собачим их поверх корпуса вахтовой станции. На тележках ставим пушки и соединяем их в общую сеть под управлением Марьи, но и оставляем возможность ведения огня в ручном режиме. Ёб**т по нам хорошим ЭМИ и поминай, как звали, а так отмахемся с божьей помощью.

— Ли, посчитай, — отдал приказ Богдан. Запустив комм, работающий за счетовода Ли быстро свёл дебет и кредит трудозатрат.

— Пятя с палявиной чясов, есиля с дувумя «Мулами».

— Округляем до шести, накинем тридцать минут на разного рода накладки, — подбил баланс Богдан. — Ещё!

— Снимите магнитные кольца с незадействованных установок, — Мухин словно школьник поднял руку вверх, незатейливым жестом робкого первоклассника вызвав сонм улыбок на хмурых лицах. Психолог в любой ситуации остаётся психологом. Вроде ничего не сделал, а ситуацию разрядил.

— Рельсотроны? — синхронно подвятили мысль «Мушки» Богдан и Сергей Перушин по кличке «Шатун».

— Они самые.

— Стрелять чем? — Перушин повернулся к безопаснику.

— Пустота безбрежная, а принтер у вас тут нафига торчит? Хотя металлических шаров, хоть рельсов вам гору за три минуты напечатает. Болванки любого калибра и на любой вкус, пали не хочу!

— Ли!

— Мозьно двенацятя штук сделать! — откликнулся китаец, успев свести цифры за время короткого диалога. — И тли кольца осатанутся на лемонтный лезелва.

— Так, ребятки, уже что-то, всё не с голой попой супостата встречать. А что мы зацикливаемся на пушках? С транспортного кольца тоже можно вести шрапнельный обстрел, с другой стороны это равносильно пальбе по воробьям. Если только пространство разной мелочью засеять типа кусков астероидов и метеоритов. Корвету и боту камни не фатальны, но задержать, если корабли попрут на досвете, смогут, — вслух рассуждал Богдан. Скрупулёзный Ли поставил очередную галочку в своём фрэймчите. — А почему нам не наделать газопылевых облаков? Тот же железорудный концентрат в кольцо зарядить и в труху раздробить пару «калибровочных» астероидов? Приправить всё это водородом и запустить на двести или триста миллисекунд? И засветку гадам собьём и лазерные пушки из уравнения исключим. В мутном газопылевом облаке их эффективность снизится на порядок.

Ли, что у нас по людям получается, справимся за рабочую смену?

— Плидётся есё палу чясов плихватить.

— Напугал ежа голым задом. Надо — прихватим.

— Богдан Михайлович, а почему вы рассматриваете вариант с нападением? Вдруг «Коник» и парни нормально отработают? — ожил Мухин. — А мы им тут полосу препятствий сооружаем и горячую встречу приготовили, да и как бы самим не вляпаться.

— Возможен и такой вариант, — крикнул Шкарпетко. — Возможен, кто его знает, но я бы противометеоритные батареи и рельсотроны оставил. Лишними они не будут. Дополнительный пулемёт в хозяйстве не помеха, раз пошла такая пьянка, режь последний огурец.

— Хорошо, оставляем первый вариант с добавлениями, — из-под нахмуренных бровей Богдан пронзил взглядом присутствующих. — Признаю, моя паранойя может в холостую воеет и зря нагоняет жути, но пираты в секторе есть и планету они оседлали, а мы как бельмо в глазу. Я, коллеги, не стал бы исключать третий вариант: «Коник» может вернуться с «заряженным» экипажем и миной на борту. Так сказать двух зайцев одним выстрелом.

— На Кузю ментальную закладку не воткнуть, психокодирование не даст, — сходу выступил против третьей версии Мухин.

— Ты уверен? — скепсис Богдана можно было черпать ложкой. — Кодировка не панацея, любого можно окрутить, только подход найти. Бабы, наркотики, карточные долги. И всё, пропала птичка, даже с кодом в башке только так танцуют под чужую дудку. Тебе ли не знать. Я утрирую, ясен пень. Хорошо, не будем рубить сгоряча, но и отбрасывать возможность манипулирования людьми не будем. Я головой отвечаю за подчинённых и станцию. Бот, если он прибудет без корвета на хвосте, принимаем на стыковочный терминал выносной галереи. Людей заблаговременно эвакуируем на принтер. Если вдруг рванёт, персонал уцелеет. Если не рванёт, я выдохну с громадным облегчением и первым налижусь на радостях. Принимается план действий?

— Принимается, — единогласно согласились члены импровизированного совета в Филях.

— Тогда чего сидим? Работаем, братцы, работаем! — подгоняя подчинённых, несколько раз хлопнул в ладоши Богдан.

* * *

Они управились, уложившись на два часа сорок минут раньше обозначенного планами срока. Противометеоритные пушки, рельсотроны и проекторы силовых полей заняли предписанные места, превратив станцию и принтер в ошетинившихся ёжиков.

Работа закончилась, началось самое тяжкое — ожидание. «Коник» не выходил на связь, прошли все сроки. Трижды Кузьмин пропустил сеансы связи. Незримо подводя себя и приписанный экипаж к сухой статистике безвозвратных потерь...

— Есть засветка! — сообщил дежурный связист, обработав телеметрию с гравитационного ретранслятора, расположенного в пяти световых сутках от стройки.

— Можешь определить тип? — повернул голову Богдан.

— Нет, сильный фоновый «шум», такое чувство, что у них гиперпривод рассинхронизирован, поэтому корабль идёт короткими прыжками, «на выброс». Остановка,

накопили энергию, прыгнули. При таком цикле работы двигателя возникают возмущения, словно гравитационные мины хлопают, забивая диапазон чувствительности маяков.

— Всем постам готовность номер «один»!

— Есть ответ «свой-чужой»! — радостно, словно праздничный тост перед боем курантов, выкрикнул связист. — Это «Коник»! Получен вызов по закрытому каналу...

— Ну вот, Михалыч, а ты переживал, — хлопнул Богдана по плечу Шкарпетко. — Расслабься, шеф, всё нормально.

Глядя исподлобья на набившихся в рубку вахтовиков, Олег попытался перевести вызов на закрытый терминал.

— Рано расслабляться. Выводи сюда, — игнорируя глухой ропот Мухина, приказал Богдан.

Над центральным проекционным столом повисло изображение рубки штурмового бота. На переднем плане скалился в камеру Николай, за спиной которого индифферентно подпирал стену Михеич. Последний выглядел несколько потрёпано, да и наспех замазанный восхитительный бланш под левым глазом не добавлял хмурому брутальному образу кладовщика-штурмовика гламурного лоска. Часть приборов рубки зияли подпалинами и были побиты.

Ответив на положенные вопросы, со скрытыми паролями, правильность которых подтвердил Олег, Николай отдал краткий рапорт, что рейд завершён в целом успешно, группа потерь не имеет, повреждения, полученные ботом в ходе операции, могут быть устранены силами ремонтных дроидов станции в течение одной смены. Повреждены внешняя антенна и блок синхронизации двигателей, пришлось мудрить по месту, выкручиваться и переходить на так называемую «последовательную» схему. Также на борту штурмбота имеется три незапланированных пассажира, извлечённых из «морозильника»* наглухо пристыкованной к побитому пиратскому корвету гражданской лайбы. Сказав последнюю фразу, Николай блаженно улыбнулся, а Михеич томно вздохнул.

Не отрываясь от голограммы, Богдан скосил взгляд на Мухина. Олег тоже почувствовал неестественность поведения напарника. Ни для кого, кто хоть сколько-нибудь интересуется слухами и сплетнями не являлась секретом подкаблучность бравого пилота. Татьяна прочно держала мужа в ежовых рукавицах, что не отменяло у суровой хозяйки и матриарха семейного гнёздышка наличия ума и житейской сметки. Нежная, но с острым и болючим кулачком половинка пилота никогда не запрещала мужу пить пиво с мужиками, ибо ведала и блюла древний принцип, что мужчина, которого жена не пускает пить пиво с друзьями, уходит хлебать шампанское с другими бабами. Кузя сидел на крючке давно и прочно, даже в мыслях не помышляя о загулах налево, а тут такой публичный коленкор и взгляд с паволокой. Попал Николаша, причём во всех смыслах. Девочки-связистки тоже словили игривый настой самца в период гона и непременно доведут сие до его жены, а уж у той не забалуешь.

Ладно бы только Кузя словил весенний флёр. Флегматичный до слонового состояния Михельсон от него недалеко ушёл. Про Михеича знали гораздо меньше, чем про прошлого «Казанову», но два влюблённых лося — это уже симптом! Дело ясное, что дело тёмное. Кажись, парни находятся в некотором неадеквате, воспринимая окружающую действительность через розовую призму игривого гормонально-сексуального фона, а это уже само по себе непорядок и отступление от заданных границ нейропараметров и биометрических норм.

На взгляд Богдана, Мухин едва заметно скривил губы и махнул ладонью, предлагая брать клиентов тёпленькими. Ответным жестом, показанным за спиной, Северов принял предложение коллеги. Оставалось подготовить поляну и не облажаться при захвате экипажа и пассажиров. Хотя не ясно, что у них там за пассажиры или... жирки.

Торопливо частя и проглатывая слова с окончаниями, Кузьмин отбрехивался тем, что подробности будут оглашены в узкой компании после прибытия на станцию, а пока он отправляет на имя Мухина и Богдана зашифрованный пакет. Связист кивком подтвердил получение файла.

— Сколько у вас добавилось пассажиров? — без слов обменявшись мнениями и идеями с Олегом, переспросил Богдан.

— Три, то есть трое.

— Почему не указываете в рапорте расу, пол, гражданскую принадлежность к сектору. Может нам потребуется уведомить чьё-нибудь консульство. Был ли у вас прямой контакт, взяты ли экспресс анализы и бактеорологические пробы?

— Информация не для лишних ушей, Богдан Михайлович! Всё в высланном пакете. И какие пробы, вы с дуба рухнули? Они год в анабиозных камерах чалились! Вымерзло нахрен всё.

— Ясно, после стыковки всем, вам и, мать их, пассажирам, перейти в изолированную зону на карантин. Не хватало мне ещё заразу какую на борт затащить. Я вас научу бакобстановку любить! Вы у меня сами ледяной коркой от вселенской любви всем кагалом покроетесь! Совсем распоясались, герр-рой, — прорычал Северов.

— Есть прибыть в изолятор, — не стал накалять обстановку Николай. Изображение пошло рябью, с которой не успевали справляться фильтр-программы и дешифраторы. — Внеш.....но..ох.

— Внешний ретранслятор окончательно издох, — успел прочитать по губам Михаил Шкарпетко перед тем, как совсем пропал сигнал, и голограмма, свернувшись в струну, погасла.

— Так, мужики, времени у нас мало, а дел дохр... много, короче, и ещё валяются, как из рога изобилия. По некоторым признакам и Мухин Олег меня в этом поддерживает, «Коник» «заряжен». Однако, наш еврей и второй балагур ведут себя нетипично, что приводит нас к неутешительным выводам. Но... но русские своих не бросают. Задача усложняется тем, что мы должны взять всех красиво, без шума и пыли. Думаю, официальный повод отправить прибывших на карантин в этом поможет. Так мы безболезненно отделим возможную угрозу от людей. Миша, установи переходной рукав у стыковочного узла медсекции.

— Не получится, там же рельсы и тележка пушки не дадут боту состыковаться.

— Блин, не подумали, — сплюнул Богдан, яростно, по-мальчишечьи, наяривая «тыковку», — Поспешили... Они теперь что, через половину моей станции на карантин попрутся? Мило. Так, после стыковки с ботом эвакуируем людей из отсеков семнадцать, одиннадцать и с девятнадцатого по двадцать второй, отключаем вентиляцию и герметизируем переходы в соседние сектора. После помещения героев и спасённых в карантин, откачиваем с отсеков воздух для плазменной чистки и ионной фильтрации.

— А не проще ли в стыковочном отсеке положить на всех одноразовые костюмы биозащиты, а не городить огород? — почесав кончик носа, подал идею Мухин.

— Гляди, Миш, ещё один грамотный нашёлся, — мироточа сарказмом, Богдан тронул за рукав Михаила Шкарпетко. — Миш, а Миш, напомни мне, где мы работаем?

— В глубокой дупе э-э-э... космосе. До ближайшей планеты чапать и чапать, как до Земли раком. Нам костюмы по штату не положены, мы в пустоте обретаемся, только скафандры и капсулы самоспасателей. От чего тут защищаться? От прыщей на заднице?

— Признаю, был не прав, — сооротив виноватую рожицу, поднял ладони вверх Олег. — А пересадить всех в «Мул»? Это «Коник» дура большая, у пушки не встанет, а «Мул» запросто. Хоть вдоль, хоть поперёк.

— Эх, — возведя глаза в зенит, печально выдохнул Михаил. — Ты хоть на одном нашем старичке хоть один исправный стыковочный узел видел? Нет? И вот и я нет. Заварено там всё давно. Нам ведь главное что? Чтобы движки, манипуляторы и грузозахваты под брюхом работали и контейнерные зацепы не подводили, а остальное, честно говоря, до такой-то бабушки. Наши рабочие лошадки в ангаре ночуют, там же пилоты меняются. Куда всё старьё сплавляют? Известное дело, на «точку семь»! Не жалко, а если оно совсем рассыплется, так вместо калибровочного груза с кольца стрельнут. Нового не пришлют, ведь по отряду рухляди завались. Вот её и добиваем.

— Осознал, я — дурак! Больше с дурными рекомендациями не влезаю.

Несколько минут Олег держал данное слово, не подавая голос и не влезая в полемику. Неслышно шевеля губами, он о чём-то лихорадочно размышлял.

— Мне нужен запасной терминал связи, ну, и ещё кое-что.

От прозвучавшей фразы помещение окунулось в вязкую тишину.

— Что? — громким треском разрывая безмолвие, повернулся к Мухину Богдан.

— Схемку одну состряпаю. Не бог весть что, но за самопальный РЭБ сойдёт. Если нашего «Коника» напичкали разной дрянью и маячками, мы окажемся у корвета, как на ладони, а так будет радиоэлектронная завеса и «белый шум» в гравиадиапазоне. Пусть лупит в белый свет, я ему зенки ослеплю гарантированно. Потом импульсным ударом мы заглушим всю электронику на боте... Жаль жеребчика, конечно... Так как?

— Костя?! — Северов поманил пальцем Маланова.

— Ась?

— Посодействуй. Ну и сам с ребятами присоединяйся. Олег, часа тебе хватит? Снимай себе в помощь всех свободных от работ.

— Уложимся. Там не сложно, только я две направленные антенны у вас с наружного корпуса скручу и импульсный генератор прихватизирую. Генератор и ремдроидов выделишь? Ими быстрее, чем в скафандре в Пустоту соваться.

— Под списание?

— Как получится. С дроидам ничего не случится, а так... сам понимаешь. Не пригодится задумка, верну генератор в целостности и сохранности... Молю Пустоту, чтобы не пригодилась.

— Забирай Маланова и вали отсюда. Костя, назначь дежурных на пульт. Марья!

— Слушаю, командир! — из скрытых динамиков донёсся бархатный голос станционного ИИ.

— Маланову и Мухину допуск категории «2А» в ангар и на склад.

— Поняла. Допуск оформлен под протокол. Прошу уточнить время действия?

— Стандартные сутки. Парни, вы ещё здесь?

— Мы уже, — донеслось из-за двери. «Сладкая» парочка словно телепортировалась.

— Приготовились, — лицо Северова, зелёное от отражённого света голограммы, было страшным. Черными хищными полосами пролегли на нем носогубные складки, нос заострился, зубы жемчужно поблескивали, как у облизывающейся на добычу пандорской ядовитой псевдокошки. Окружающим казалось, вот-вот с у него с заострённых клыков сорвутся прозрачные капельки парализующего яда. — Муха, как бот вынырнет у станции, сразу активируй свою байду. Ни один писк, понял, ни один не должен уйти отсюда. Если надо, гаси всю станцию нахрен, понял?

— Не учи учёного, — сверкнул бельмами Олег, любовно оглаживая кнопку активации импульсного разрядника собранного на скорую руку подобия направленного комплекса РЭБиГС — радиоэлектронной борьбы и гравитационной связи.

— Марья, включай оптический камуфляж, постарайся скрыть от визуального наблюдения пушки.

— Оптическая маскировка активирована, — бодрым голосом отдала рапорт ИИ.

— Пять, четыре, три, — принялся отчитывать связист, наблюдая на ближнем экране локатора составленный искусственным интеллектом расчетный трек гиперпрыжка бота, — два, один!

Вспышка! «Коник» вывалился в трёхмерное пространство в двадцати тысячах километров от затерянного на краю Ойкумены островка жизни.

— Жми!

Палец Олега глубоко утопил красную кнопку в центре переносного терминала.

— Бах! Они глухи.

— А мы? — обернулся Богдан.

— Серединка на половинку.

— Высылайте «Мула», пусть встретит дорогих гостей и поработает лоцманом. Заодно проверим их на нервишки. Миша? Шкарпетко?! Слышишь меня?

— Слышу, чай не глухой, — раздражённо булькнул динамик.

— Имитируй аварию на кольце, ни один, мать его, сторонний наблюдатель не должен ни о чем догадаться. Пусть думает, что гравитационный и электромагнитный всплески есть последствия развала магнитной стяжки движков на кольце.

— Не бойсь, шеф, у нас как в аптеке. Ломать, не строить.

Включив частотный привод, бот резво потрусил к станции. Сходу выдав тайну, что местное начальство, как ужаленное умчалось на ликвидацию последствий аварии на транспортном кольце, диспетчер направила «Коника» к свободному стыковочному узлу, предупредив экипаж и пассажиров о карантинных мерах. В медицинском отсеке уже приготовлены палаты. Ожидаемо «Коник» сделал крюк к транспортному кольцу, вокруг одной из двигательных ячеек которого крутились «Мулы» и сновала россыпь муравьёв в скафандрах. На кольце сверкала сварка в силовых «газовых карманах», подтягивались нитки энергопроводов и вывозились покореженные куски ферм (дефектные металлоконструкции были срочно отпечатаны на принтере и заранее завезены на стройку). Не обнаружив подвоха, судёнышко пошкандыбалло к выделенному стыковочному узлу.

— Я на точку, — надевая и герметизируя шлем лёгкого боевого костюма с синтетическими усилителями мышц, обронил Северов уже выскакивая из помещения.

Костюм содрали с мордоворота группы силовой поддержки, который прилетел вместе с Мухиным и Кузьминым на станцию и на время рейда бота остался с Олегом. Краснов Максим, так звали силовика, не мог похвастаться обширной штурмовой подготовкой, поэтому коллегиально было решено отдать его «шмотки» специалисту узкого профиля, обученному бою в стеснённых условиях космических станций и баз.

* * *

Северов нахмурился. Марья исправно проецировала на забрало шлема засевшего в засаде человека изображение стыковочного модуля и пустых коридоров станции, по которым шествовала маленькая процессия. Богдан невольно концентрировал внимание на эффектной блондинке с потрясающей фигурой. Файл, присланный Кузьминым, не передавал и десятой доли того шарма и очарования, которым обладала девушка. Да и парень из троицы спасённых был из плакатного образца мужественности. Вторая дама — пожилая матрона в возрасте за пятьдесят с гаком... с большим гаком, создавала впечатление тихой серой мышки, скромно пристроившейся в хвосте.

Было непонятно, почему Кузя, Михеич, второй силовик из группы поддержки, были недалеко от мощного слюнотечения, направленного на стати блондинки. Наденька-десантница не отрывала влюблённого взора от кормы и торса brutального качка.

Что парень, что девчонка были прелестны и входили в разряд альфа-особей человеческого вида. Богдан сам чуть не стал жертвой очарования красоты, хоть и облизывался на неё дистанционного и лишь суровый мысленный подзатыльник и напоминание о беременной невесте согнали розовую пелену с глаз.

— Твари! — на секунду подняв забрало и выключив воздушные фильтры, Богдан сплюнул на пол.

Сомнений не осталось, «спасённые» каким-то образом воздействовали на разум рейдовой группы. Биоволны ли, нейровоздействие с биосинхронизацией, гормоны ли, феромоны или комплекс мер, в итоге пал даже такой боевик, как Михельсон. Ошибкой было разрешать стыковку и запускать ублюдков на борт. По горящим и одновременно пустым взорам, а также пламенному обожанию, концентрические круги которого исходили от четвёрки людей, становилось понятно, что объекты своей любви они будут защищать до последней капли крови и не факт, что остальной персонал при близком контакте не попадётся на ту же удочку. Богдан вот едва не угодил. Требовалось срочно менять место засидки.

Богдан покрутил головой и вызвал на наручном браслете план станции.

— Марья ты управляешь люком шахты вентиляции в переходе «2А»?

— Да, командир.

— Открой его, перемещаемся туда. Модуль перед проходом из старых? Тут две трети станции из старого хлама монтировали.

— Типовой модуль-отсек орбитальной крепости типа «Цербер».

— Замечательно, как мы упустили его из виду раньше, а? Дай бог памяти, на «собачках»* независимая регулируемая сила тяжести на каждом модуле. До четырёх или пяти «же», так?

— До пяти. Ваша память вас не подводит, командир.

— Подключись-ка к ней, девочка моя.

— Выполнено.

Скользя неслышной тенью, Северов переместился в переход, подскочил, зацепился за край приоткрытого Марьей люка и ловко скользнул в зев шахты.

— Марьюша, пусти по технологическим коридорам дезинфекционный состав. Сдаётся мне у некоторых гостей собачий нюх, надо сбить их со следа.

— Выполнено.

— Как только я вырублю Михельсона и остальных наших, перекрывай входы-выходы.

— Напоминаю, усыпляющий газ будет синтезирован через один час двадцать две минуты.

— Нет времени ждать, они могли привести за собой корвет, надо брать их здесь и сейчас и «потрошить» пока тепленькие.

— Экспресс-анализы и пробы воздуха, взятые в стыковочном модуле подтверждают наличие биоактивных веществ и феромонов.

Что требовалось доказать. Эх, парни, как же вы так лопухнулись? Взяли, как младенцев.

В тонкой щели едва-едва приоткрытого люка показался Михельсон, за его спиной возвышался Кузьмин, затем шли альфа-паразиты и серая мышка, которую переместили в центр с хвоста колонны и замыкающими топали Надежда с силовиком. Построение было поменяно за поворот до места засады.

Тщательно выцелив Михеича и Николая, Богдан всадил им из игломётов по тонкой игле с лошадиными дозами транквилизаторов. Третья иголка со слоновьей дозой впилась в колено мачо. Почувствовав угрозу, девица гибкой веткой скользнула в сторону, ловко уйдя с линии огня. Непримечательная дамочка застыла соляным столбом, испуганно выпучив зенки на оседающую троицу людей.

Зарывав медведицей, Надежда рванула на спрыгнувшего с люка Богдана, но в последний момент, благодаря прозрачному забралу, она узнала Северова и чуть протормозила. Видимо всеобъемлющее воздействие на разум девушки дало щель для проникновения толики здравого смысла. Неуловимого мига бездействия Богдану хватило для нейтрализации бывшей десантницы, получившей стремительную серию ударов по акупунктурным точкам. Закатив глаза, Надежда рухнула на пол.

Схватив мышастую в охапку, блондинистая тварь нырнула за спину силовика, в лапище которого будто сам собой возник плазменный разрядник.

— Епт! — Богдан едва-едва успел нырнуть за угол, как в стену напротив места где только что была его голова впился плазменный заряд.

— Марья, гаси гравитацию! — рявкнул Богдан, подхватывая за ноги безвольное тело мачо и запуская его в троицу за углом.

Импровизированный шар для боулинга снёс живые кегли.

— Включай тройную!

Внезапно появившаяся сила тяжести придавила всех к полу.

— Гаси!

Выстрелившее будто из старинной катапульты тело Северова, спасибо машечным усилителям, мгновенно оказалось рядом с силовиком. Левый кулак штурмовика чувствительно приложил несчастного парня по затылку, чем надолго отправил он его в страну грёз и розовых пони. А нечего хлопать ушами. Мышастая дамочка удостоилась двух игл: в грудь и в шею...

— Пять!

На плечи словно поместили бетонный блок, но у него преимущество, костюм давал свободу манёвра.

Упав рядом со скользкой и юркой, как угорь девицей, Богдан врезал бронированным локтем по крутому и манящему бедру паршивки, обнажившемуся из-за задравшейся юбки. Треск сломанной кости и болезненный крик слились в единую какофонию.

— Хык, — выдохнула блондинка, дополнительно получив по затылку. А нечего тянуть грабки к плазмогану.

— Охлонись, деточка, — игломет выплюнул три иглы. — Спокойной ночи. Марья, давай стандартную.

Как по волшебству тяжесть пропала.

— Фух, — поведя плечами, устало выдохнул Богдан, снимая с пояса связку метапластовых наручников. — Стар я стал. Упаришься тут с вами.

Спеленав всех по рукам и ногам, он вызвал Мухина:

— Олег, Марья передала тебе результаты экспресс проб?

— Так точно.

— Всё видел? Готовь спецсредства, азы полевого допроса вам наверняка давали, ни за что не поверю, что у тебя нет химии для этих дел. И пришли ко мне гравитационные носилки. Надо этих в изолятор отволочь.

*«собачки» — флотский сленг, сленговое название оборонительных орбитальных крепостей типа «Цербер» и «Алабай».

— Полная боевая готовность! — ворвался в рубку управления Богдан.

За прозрачным транспластометалловым обзорным иллюминатором пара «Мулов» с помощью манипуляторов заводили бронелисты за корпус «Коника». Углы листов топорщились раструбами стареньких импульсных двигателей, грубо, на скорую руку, приваренных на сталь.

За операцией по отстыковке и уничтожению бота можно было наблюдать на голограмме, проецируемой в центр рубки на видеостол, но весь персонал, свободный от несения операционных функций, прильнул к иллюминаторам, которые никто даже не подумал закрыть бронестворками. Сработай на боте ядерно-гравитационный запал, установленный на неизвлекаемость, спасти на станции будет некого. Тысячетонная громада и вся биомасса в виде людей на ней превратятся в быстро остывающее облачко плазмы.

— Так у нас скоро ремонтных дроидов не останется, — ткнувшись лбом в приятно охлаждающую преграду, пожаловался на судьбу Шкарпетко. Роботы вырезали стыковочный узел станции, параллельно переключая источники питания узла на автономные микрогенераторы. Ничто не должно показать логическому блоку мины, что бот отстыкован от станции, причём пара роботов аккуратно приваривали себя к листу, они остаются до последнего мига имитировать телеметрическую активность и сигналы узла связи.

— Готово, начинаю обратный отсчет, — удивительно, но даже в голосе Марьи слышалось владевшее ИИ напряжение. Ошибётся она, чиркнет лазером управляемый ес дROID не по тому энерговоду или засбоит у него логический блок и от ИИ не останется ни бита информации. Та же смерть, в принципе.

Разжались манипуляторы «Мулов» пустотный сварщик окутался силовым экраном,

внутри которого заклубилась газовая смесь. Переливающийся мыльный пузырь с механическим работником внутри прокатился по контуру бота. Закончив работу, дроид поджал клешни и на микроскопическом частотном движении поспешил обратиться в нутро ближайшего «Мула». Ухватившись за трос, за исключением трёх назначенных Марьей «добровольцев», за сварщиком потянулась остальная когорта.

— Три, два, один! — станцию чувствительно тряхнуло гравитационным импульсом, силовой пинок отправил бот в недолгий полёт. В следующий миг система искусственной гравитации приказала долго жить, как и половина приборов гражданского назначения. Военные образцы имели защиту от тех пучков различного вида излучений, порождённых взрывом «Коника». Никак не синхронизированные между собой двигатели успели удалить судёнышко на какие-то жалкие девятнадцать километров. Пожертвовав собой, они спасли жизнь всем остальным. Разрушения и неполадки не в счёт, главное люди уцелели.

— Вот и всё, — Богдан оттер со лба обильную испарину. — Хорошая вахта, спокойная...

— Что-что? — к начальнику обернулось большинство присутствующих в рубке.

— Это был сарказм, если кто не понял. — отмахнулся Северов. — Маланов, что со связью?

— Кирдык, — не растекаясь мыслью по древу, ответил названный специалист. — Фазная решётка в труху, гравиаусилитель в хлам, часа три треба на восстановление.

— Понятно, — Богдан раздражённо постучал костяшками по приборной панели. — Мы слепы и глухи... Просто замечательно! Пустоту через коромысло...

— Это не всё, шеф. Сейчас я вам клубнички подкину на закуску, — яростно расчёсывая жесткую щетину на подбородке, подлил маслица в огонь главный по связи. — Вывожу на центральный стол. Сжатый пакет пришёл за одиннадцать секунд до подрыва.

— Мать его, — тихонько, с привеском сдавленной злости, раздалось из дальнего угла рубки, где за отдельным автономным терминалом разместился Мухин. — Это что получается, заявись к нам кто, а мы тут «раком» и со спущенными штанами? Скажу вам, мы в глубоком анусе, братцы.

Над столом висела голограмма разрушенного стартового кольца тоннеля и плыли обломки старинного кааского эсминда, расхреначенного в дрова. Следом камера переместилась на главную вахтовую станцию, вокруг которой барражировала эскадрилья тяжёлых истребителей с российскими опознавательными знаками. Несколько сегментов жилой громадины лениво фонтанировали маленькими, быстро застывающими газовыми гейзерами, район стыковочных терминалов криво ухмылялся черными подпалинами и рваными ранами в обшивке.

— Что ещё? — будто стирая налипшую паутину, проведя ладонью по лицу, процедил Богдан, волнуясь о Регине. Конечно, беспокойство несколько запоздалое, постфактум уже ничего не исправишь, но на сердце было тревожно и колото как-то не по-детски. Не верил он в совпадения. Нападение на главный участок наверняка было скоординировано с вылазкой «Коника» на финишной точке.

— Всё у них получилось, — щёлкнув кнопкой и убрав голоизображение главной станции, Олег обреченно развернул терминал и включил проектор. — Я только-только взломал Пифию. Жаль поздновато, но лучше поздно, чем никогда. Так, секунду...

— Маланов!

— На связи!

Богдан осторожно хлопнул по шлему. Опять наушники выдают глас Господень. После взрыва «Коника» что-то повредилось в тонкой настройке кристаллоблоков системы связи и громкость жила своей жизнью, то еле шепча, то вызывая колокольный звон в голове.

— Что с дальней связью?

— Работаем, — прошептали наушники. — Ещё минут двадцать, — от крика загудело в ушах.

— Чёрт!

— Что?

— Заткнись! Шевелитесь быстрее, а то ползаете, как мухи беременные, дайте мне главную станцию, понятно?

— Есть! Отбой связи!

Вздыхнув, Богдан развернул экран прицела противометеоритной пушки и пробежался взглядом по параметрам орудия. Хоть здесь всё в порядке. Интеллектуально-цифровая ПУАЗО*, интегрированная с Марьей приказала долго жить на тридцати процентах орудий и сляпанных на коленке рельсотронах. Восстановить управление и включить их в общую управляемую ИИ сеть не было никакой возможности, поэтому места за гашетками заняли люди. Вроде немного, но разом растаскали четверть персонала.

*ПУАЗО — прибор управления зенитным огнём.

Вахтовый посёлок перешёл в режим осады, а всё из-за того, что Мухину Олегу всё же удалось взломать шифр и скачать часть информации из памяти ИИ штурмового бота. Расшифровка полученного информационного массива заняла несколько больше времени, чем рассчитывал Олег, и не принесла облегчения ни ему, ни вахтовикам.

Отрегулировав подачу дыхательной смеси, Богдан погрузился в воспоминания. На память сразу пришёл мрачный блеск в глазах Мухина. Так блестят глаза хищника, почуявшего добычу, так же сверкают очи добычи, загнанной в угол, но полной решимости продать свою жизнь задорого. Без слов становилось понятно, их загнали в угол, ибо невидимый хищник водил круги где-то в мрачной пустоте бескрайней бездны.

Криво ухмыльнувшись и мстительно блеснув колючими буркалами, Олег первым делом по внутреннему интеркому вызвал санитарный блок и потребовал засунуть «клиентов» в анабиозную «морозилку».

— Зачем? — спросил Богдан.

— Вопросы к ним есть, потом поспрашиваю в спокойной обстановке, если доживу. Я тут Пифию расколол.

— Пифию? — громко донеслось со стороны радистов.

— Малый ИИ с «Коника», — пояснил Олег. — Не мешайте. Богдан Михайлович, отдай приказ на отвод кольца и принтера. Немедленно. Своими маневровыми пусть работают, сожгут — не страшно. И пусть «Мулы» впрягаются и тащат от обломков астероидов в сторону. У нас сорок минут от силы или и того меньше. Там «волновую» бомбу в астероидных обломках подвесили, если не уберём кольцо и принтер, реакторы пойдут

вразнос, что тогда случится, надеюсь, пояснять не надо? Все физику в школе изучали? Лично я не ручаюсь за последствия. Мы далеко, слава Пустоте, не добьёт.

— Маланов, что завис?! — рявкнул Богдан. — Конференц-связь давай! Внутренняя у нас не навернулась?

— Нет, армейский вариант как-никак. Даю на главный интерком.

— Так, — останавливая готовый сорваться селевый поток вопросов и одним взглядом затыкая уже приоткрытые рты, властно поднял руку Богдан. — Вываливай.

— Я ведь не просто так штурманское кресло просиживал. Связь тоже на мне была, ну и... Короче, бортовой ИИ на мне тоже завязан был и я замочную скважину, скажем так, в покои нашей девочки забацал от нечего делать. Кто его знает, какие императивы ей командование в электронную голову скидывает. Скидывало. Нашего недожеребчика долбанули станером.

— Станнером? Ты, Олежек, у теплообменника случаем не перегрелся? — излился скепсисом Богдан.

— Не перегрелся, глядите.

На голограмме перед зрителями прокручивался трагический момент пленения экипажа штурмового бота. Вот «Коник», осторожно маневрируя частотными двигателями осторожно приближается к мёртвому куску металла, висящему в пустоте. Абсолютная тьма вокруг, ближайшие звёзды не ярче кончиков игл. На поле отображения телеметрической информации мигает сигнал, приходящий от выпущенных дронов с мощными прожекторами-рассеивателями на борту. Зелёной строкой замерцала дорожка сканера, работающего в режиме поиска биологической активности. Приборы дружно выдавали абсолютную пустоту. Облетев вокруг раскуроченной, некогда элитной яхты, бот направился к уцелевшему стыковочному узлу. Вновь зазеленела дорожка сканера. Дистанционно управляемые дроны принялись дружно разрезать отверстие в корпусе брошенного судёнышка. По завершении работы они отплыли назад, давая дорогу мелкому собрату. Внутрь судна шмыгнул юркий разведчик, обнаруживший несколько гиперкапсул с телами в стадии глубокого гиперсна. Ни одно из средств дистанционного наблюдения и диагностики не фиксирует прямой либо косвенной опасности. Бот медленно подплывает к цели, стыкуется и тут корпус яхты на секунду тонет в яркой вспышке.

— Станнером была вся яхта. Хитрый ход. Излучатель «размазан» по всему наружному корпусу. Электроды, силовое оборудование включены на общую пластину — корпус и внешне никак не завязаны друг на друга. Сканеры обходят эту особенность стороной. Сетка из двадцати четырёх высокочастотных станнеров превращается в обычный элемент конструкции. Используется тот же принцип, что и при минной постановке. Силовые поля и экраны хороши, но не против нервно-парализующих импульсов и транскраниальной магнитной стимуляции такой мощности. Синхронно с церебральной атакой, вырубая связь и наглухо роняя ИИ, по судну ударили аналогом нашего импровизированного гравиаэлектронного заряда с запредельным нейроэлектронным импульсом. Люди в отключке, это как разом на голодный желудок замахнуть по литрыге неразбавленного спирта, мозги Пифии прожарились, но в силу независимого источника питания с трехкратной защитой и двойным хранилищем информации, видео и телеметрическое наблюдение остались в работе. Через пару минут, видимо по сигналу маяка, нагрянул корвет и ребят повязали тепленькими. Ловко. Скрутили, как слепых щенков. Что с ними творили на корвете одной пустоте известно. Могу лишь предполагать, но не буду заниматься этой

неблагодарной работой. Ясно одно, на борт «Коники» группа вернулась под жёстким контролем «спасённых пассажиров» и искусственно наведёнными воспоминаниями о бое с пиратами. Вон, на картинке видно, как корвет филигранно обстрелял бот чтобы создать видимость сражения. А теперь сладкое. Я возился так долго, потому что у ИИ слетела часть протоколов и каас воткнули под панель свой навигационный блок, а у него другое шифрование...

Из дальнейшего рассказа становился понятен замысел врагов. Умных и расчетливых врагов, просчитавших реакцию людей до последней запятой. По заложенной в искореженный мозг ИИ программе, бот должны были подтянуть к станции, здесь, основываясь на описании характера начальника станции, каас спрогнозировали ситуацию верно. Люди должны были клюнуть на неестественное поведение экипажа десантного судёнышка и они клюнули. Желание выяснить подоплёку сыграло с ними злую шутку. В план входил захват руководства вахтовиков «ферромоновой» барышней при личном контакте и распыление в системе вентиляции специального состава на основе наркотических веществ, облегчающих ментальный контроль, но не будем показывать пальцем на некоего товарища, поломавшего всю игру. С первым делом не выгорело, тогда в ход вступал запасной вариант с бомбой на борту. Он бы вступил так и так, землян не планировалось оставлять в живых, только время ожидания сигнала сократилось. Здесь логика каас дала небольшую осечку и захромала, но опять же, они при любом раскладе оставались в выигрыше. Что так, что эдак, пираты от госструктур получали громадную фору по времени либо для усиления группировки вокруг планеты с биолобораторией, либо на безопасную эвакуацию, ведь последним этапом шла тотальная зачистка. Атака на форпост служила отвлечением для военных. Судя по расшифрованной информации, беспомощным тоннельщикам отводилось чуть менее двух часов после стыковки с «троянским конём», затем появлялся корвет, который по широкой дуге огибал зону гравитационных маяков и раскиданных вокруг масс-детекторов. И, либо пираты подбирали бот и взятых под контроль людей, а потом расстреливали строительную площадку, либо сразу расстреливали строительную площадку. Два часа это был лимит, отведённый группе с бота, и он заканчивался через минуту.

* * *

— Марья, где он?

— Масс-детекторы, гравитационные маяки и радары не фиксируют...

— Он здесь, я его чую, — вцепляясь в гашетки, прорычал Богдан на общей частоте.

— Но..., - ИИ сделала попытку свою доказать правоту. Неудачно, впрочем.

— Здесь-здесь, поверь мне, — доверяя возопившему чувству опасности, а не продвинутому кристаллоэлектронному мозгу, гнул свою линию Северов. — Всем приготовиться!

— Ракеты! — раненым бизоном возопила Марья. — Залп полным пакетом из шестнадцати штук!

— Сбить! — коротко приказал Богдан, с помощью нейроимпульса от шейного датчика разворачивая спаренные орудийные платформы в сторону обозначившейся угрозы. — Марья, дай предполагаемую траекторию движения этого гада.

Неслышно загавкали противометеоритные пушки и только едва ощутимая дрожь под ногами и подрагивающее сиденье, передающее импульсы через толстый скафандр, говорили об открытой стрельбе. Механически отмечая разумом яркие вспышки от попаданий по вражеским ракетам, Богдан до рези в глазах вглядывался в бездонную черноту. Едва уловимыми движениями пальцев, он доводил орудие в одному ему известную точку. Шестое чувство, интуиция, предвидение, если хотите, говорили ему, что неуловимая чёртова кааская посуда покажет себя именно здесь. Ослепляющими купольными радугами полыхнули силовые экраны, о которые разбились преодолевшие заслон разделившиеся на сегменты боеголовки ракет. Где-то внутри станции вышел на запредельный режим энергореактор, заморгал красными сигналами внешнего предупреждения, сработала система аварийного сброса. В космос выплеснулись фонтаны перегретого хладагента.

— Марья!

— Сто тридцать процентов, — отозвалась ИИ. — Они маневрируют, я не могу держать зональный режим.

— Чёрт! — выругался Богдан. Пираты где-то обзавелись ракетами со встроенными частотными двигателями. Наплевав на эффективность, они разумно предпочли эффективность.

Светофильтр шлема не успел до конца погасить очередную серию вспышек. Бах, бах, бах. БАХ! Стальная громада под ногами вздрогнула будто живая. Разрывая железную плоть, на теле станции образовалась кровоточащая газом язва. БАХ! Ещё одна противокорабельная боеголовка миновала жидкий заслон и впиалась в хлипкую броню жилого сектора, тут же выгнувшуюся горбом. Отодвинув все чувства на задворки сознания, Богдан отстранённо пробежался взглядом по дисплею и скупой строке потерь. Пропала биометрия Ксении Швальц и Сергея Понамарёва, в желтую зону тяжёлого ранения окрасилась иконка Маланова. Может быть это просто неполадки в их скафандрах и всё ещё может быть... Но Северов не верил в счастливую случайность. Не в этом конкретном случае.

У молодой двадцатипятилетней женщины, специалиста группы пространственной навигации, на Леле осталось двое детишек. Её муж нёс вахту на главной станции, как теперь смотреть ему в глаза? Как теперь смотреть в глаза родителям девчонки? Не уберёт. А как уберечь эту амазонку, если она, размахивая кулаками, выбила себе место на одном из орудий. Бой-баба! Была. Понамарёв не стремился за гашетки, да и как медику оказывать помощь раненым в таком случае? Не помогло. Заместитель главного врача станции погиб мгновенно. Каюта, переоборудованная в полевой лазарет, сгорела в протонном пламени. Превратился в огонь, рассыпавшись невесомым прахом и сам Сергей, не успевший оказать помощь ни одному раненому. Одна радость, жениться он не сподобился. Горевать по нему некому, родителей Сергей схоронил полтора года назад. А с другой стороны, продолжения его Земле не осталось, кончились Понамарёвы. Первые потери — первые трагедии пока они не превратятся в сухую статистику смертей, когда за тысячами и миллионами скорбных строчек уже не разглядеть конкретного человека. Судя по скороговорке радиообмена, скафандр Маланова посекло осколками у стойки внешней антенны, которую возглавляемая им бригада заканчивала монтировать на выносном пилоне. Своих архаровцев он каким-то образом сумел загнать под защиту бронелиста, а сам спрятаться не успел. Хвала Пустоте, хоть жив остался, если сволочные каас не влепят чего похлеще. Бездна знает, что у них ещё есть на борту. Холодная ярость затопила разум Богдана, в голове что-то щёлкнуло. ТАМ!

— Огонь в сектор два-тринадцать! — резко отдал приказ он.

Марья мгновенно перенесла прицел. Широкий конус металлических болванок

вперемешку с турболазерными лучами накрыл названный квадрат прицельной сетки. Интуиция не подвела. Избегая вероятных попаданий, вражеская посудина на полную мощность активировала защитные экраны и врубил маневровые движки, из-за чего слетели маскировочные поля, позволившие каас вплотную подобраться к вахтовой станции и чуть не прихлопнуть её с первого залпа.

— Тип «Гропанг», — Марья быстро сняла характеристики вражеского корвета.

— Понятно, — закусив нижнюю губу, процедил Богдан.

Земным аналогом гропанга — морского хищника, на прародине человечества была мурена, на Ирии мурен и гропангов заменял зуборез. Практически во всех морях любой планеты существовали ниши с подобными рыбинами — верткими, быстрыми, кровожадными, умеющими незаметно подобраться к добыче. По сведениям разведки последний «Гропанг» сошёл со стапелей орбитальных верфей каас четырнадцать лет назад. Морская хищница, воплощённая в металле, более века успешно пополняла численность боевых флотов главного заклятого союзника человечества. Двести девяносто один метр в длину, сорок четыре в поперечнике в самой широкой части корпуса. Вроде не такой большой корабль в сравнении с пассажирскими лайнерами и настоящими мастодонтами — линкорами и авианосцами, но «зубы» в виде девяносто восьми ракетных портов, девяти орудийных башен главного калибра и дюжины орудий ПВО, делали эту «малютку» весьма и весьма крепким орешком. А если ещё вспомнить десантные модификации, усиленную броню и приличную автономность, «Гропанг» по праву становился опасным зверем межзвёздных дорог. Пираты просто обожали данный тип судов. Пусть им доставалось откровенное старьё, но при должной квалификации обслуживающего персонала и некоторой модернизации, старички получали вторую жизнь, одним своим появлением сворачивая кровь многим хорошим людям и торговым компаниям. Надёжный и простой, как болт и гайка, в эксплуатации корабль. Совсем недавно его сменил «Каранг», новое инженерное слово кааских конструкторов. Насколько стар нынешний визави, Северов не брался судить. Вряд ли эту рыбина выплыла из рядов заслуженных ветеранов. Скорее она вылупилась с последним молодняком. На стратегический объект древнюю развалину не направят, скорее замаскируют под старое корыто, так что хищник перед ними крепкий, уже успевший нюхнуть пороху и опробовать крови. Крепкий и наглый. Ничего, с божьей помощью его здесь окоротят. Костями лягут лишь бы от вражин и костей не осталось. И не таких окорачивали.

Поморгав силовыми экранами, корвет вывернулся из-под обстрела, чтобы тут же наказать обидчика двумя дюжинами ракет. От орудийных башен пиратов к станции потянулись щупальца турболазеров. На короткое время Марья перенаправила всю энергию на фронтальный щит, вновь перешедший в видимый диапазон. Боеголовки и лазеры заставили защиту предательски замерцать — первый признак того, что силовые проекторы вышли на предел своих мощностей. Всё-таки на станции смонтирован гражданский стандартный противометеоритный образец, усиленный с помощью напильника и такой-то матери, а не военный многоступенчатый экран. Богдан жал и жал гашетку, заставляя пиратскую лоханку держать защиту включенной и рыскать по курсу. Лёгкой прогулки у противника не получилось. Добыча им попалась с норовом. Для пиратов стала неприятным сюрпризом подобная зубастость гражданских штафиров, хотя все и по ту, и по эту сторону понимали, что третьей атаки вахтовики не переживут. Для выживания им нужно было чудо, и оно случилось, хотя, как известно, чудес не бывает, а бывает отведённое на тридцать тысяч

километров в сторону транспортное кольцо и принтер, они же главный козырь в рукаве Северова. Отчаянное сопротивление загнанной в угол мыши притупило внимание расслабившегося кота. БАХ! В открытый космос полетели быстро замерзающие остатки оранжереи и банно-прачечного отсека. Благо там никого не было и орудия находились под прямым управлением Марьи. БАХ! Теряя листы обшивки и термоизоляцию, от станции отвалился главный стыковочный узел. Моргнула красным и погасла иконка ещё одного Сергея. От «Шатуна» Перушина осталось только несколько капелек застывшей крови и кусок пустотного ботинка скафандра, застрявшего между скрученных металлоконструкций. Три человека получили ранения. Трагедия медленно, но верно сворачивала на путь сухой статистики.

Корвет, успешно отбив очередную порцию болванок и противометеоритных снарядов, развернулся к станции левым бортом и... вляпался в плотное облако многотонных металлоконструкций, несущихся с огромной скоростью. У ребят на транспортном кольце была одна-единственная возможность, и они ею сполна воспользовались. Маяком для прицеливания и точкой выхода сверхкороткого подпространственного перехода послужили частотные двигатели корабля, фонившие во всех диапазонах на световой день вокруг, главное поймать момент и вовремя нажать на кнопку. Займись каас принтером и кольцом в первую очередь, тогда у тоннельщиков не было бы шансов уцелеть, а так простые русские парни в очередной раз подтвердили славу землян, как самой креативной расы галактики.

Силовые экраны спасли корабль от фатальных повреждений, но не уберегли от перегрузки реактор. Шутка ли, тридцать тысяч тонн «живого» веса в сравнительно маленьком рукотворном «облаке». О чём говорить, если вес некоторых металлоконструкций и обломков ферм доходил до двухсот тонн. Замерцав, защита «джентльменов» космических дорог окончательно приказала долго жить. Корпус судна затрясся от попаданий.

— Марья, засади им по самые помидоры, — злорадно скалясь, рыкнул Богдан.

Мстительная виртуальная дама всадила в чужую посудину несколько противометиоритных снарядов, не забыв подорвать на краю металлического облака заранее приготовленные импульсно-резонансные заряды. Корвет потерял ход. Каас просчитались, недооценив людей. Сыграл роль и оптический камуфляж, удачно скрывший батареи рельсотронов и противометеоритных пушек. Этот раунд остался за вахтовиками. Хотелось уже отпраздновать заслуженную победу, как от забравшейся в глубокий космос морской хищницы отделились три рыбы-прилипалы — десантные челноки. Люди в который раз убедились в справедливости законов Мёрфи и древнего высказывания о слове «гоп» перед прыжком.

— Вот же хрень! — голосом Шкарпетко откликнулись наушники. — Пали их, Маша!

По мелким, синхронно маневрирующим целям, управляемым с одного из десантных средств «ведущим» навигационным блоком, попасть было сложнее, а учитывая наложение друг на друга защитных экранов челноков, общая напряжённость в обращённой к станции плоскости становилась чуть ли не запредельной.

Что это, жест отчаяния или просчёт командования пиратов каас? Почему боевые катера не были применены сразу? Пока об этом остаётся только гадать. Выживут и победят люди, они обязательно поковыряются в мозгах ИИ подбитого корвета. Улыбнётся Фортуна противникам потомков землян, им будет, положи руку на сердце, откровенно начхать. Мёртвым не интересны заботы живых.

Марья обрушила вал зенитного огня на нижнюю, соответственно ближнюю к станции

посудину. В десяти километрах от вахтового комплекса строенный щит не выдержал и прогнулся, устало мигнул, затрепетал пламенем свечи на ветру и погас, чтобы следом голодная тьма поглотила яркую вспышку взорвавшегося челнока. Средний собрат почившего в бездне неудачника схлопотал в борт несколько стальных болванок, за сим потерял управление, беспорядочно закружившись вокруг собственной оси. Дистанционные сканеры диагностировали остановку энергетического реактора у подбитого противника.

— Добиваем! — азартно рявкнул Шкарпетко, нажимая на педаль своей пушки. Через три секунды подранок превратился в решето. Следов жизни и энергетических реакций на нём не фиксировалось.

Зато третья тварь успешно проскочила за возведённую зенитную препону. Россыпь обронённых ею частотно-гравитационных мин вскрыла силовой экран станции, и юркое судёнышко благополучно вцепилось магнитными захватами в бок подраненной, но до сих пор не побеждённой «дичи». Бортовые турбolasеры, бесполезные против защищённых броней и силовыми полями кораблей и орбитальных крепостей, легко вспороли хлипкую обшивку вахтового комплекса. Ругаясь сквозь зубы, Богдан подхватил реактивный ранец, принайтованный у сиденья орудия. Магнитные захваты зафиксировали ношу на спине скафандра. На полном автомате проверив ножи и топорик с длинной рукояткой, Богдан схватив плазменный резак и ручной бластер, ракетой рванул к месту стыковки каас.

— Марья!

— Марья!

— Отвали, — зло выкрикнула ИИ.

Ржавая поверхность, побитая оспинами сварочных работ и прыщами замерзших газов, сочившихся из-под обшивки, пошла трещинами геологических разломов. Рыхлое тело станции, собранное из различных сегментов, отданных на дальний фронт по принципу: «На тебе, Боже, что нам не гоже», вздрогнуло в эпилептическом припадке. Поднатужившись, оно исторгло из себя добрый кусок жилого сектора с впившемся в него десантным челноком на горбу. Где-то на другой стороне станции связисты врубили постановщик помех, сразу засбоили связь и электроника. Оставшийся в кабине бота экипаж не успел предупредить десантников о резком изменении обстановки.

— Молодец, девочка! — Богдан исступлённо махнул рукой.

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Иногда есть свои плюсы в сборке вахтового комплекса из древних армейских секций, набранных с бору по сосенки. Орбитальные крепости проектируют так, чтобы имелась возможность отстрелить разрушенную или повреждённую часть. Назвать удачей то, что добрая половина временного человеческого пристанища представляет собой откровенный мусор язык не поворачивается, но сейчас это сыграло людям на руку. Кристалло-электронный мозг Марьи в считанные миллисекунды оценил грозящую опасность и выбрал самый оптимальный вариант нивелирования последствий. Лучше лишиться части, чем потерять всё. Ваховики, будь они хоть супер бойцами, однозначно не соперники десанникам, упакованным в навороченные скафандры со встроенными экзоскелетами и синтетическими усилителями мышц, а также индивидуальными системами ведения огня. Именно десяток таких «товарищей» быстренько вскрыли обшивку станции, прыгнув через нижний люк бота. Этим вторженцам герметичные отсеки и стальные переборки не помеха, так, легкое препятствие на минуту-другую, не больше. И пока десант не добрался до реакторного отсека и самого сердца станции, Марья «откапультровала» поражённую раковыми клетками область.

На фоне белесых газовых шлейфов совсем незаметно щёлкнули магнитофонами фотовспышки пиропатроны и лязгнули гильотины, отрубая пучки кабелей, систем водо и газоснабжения. Яркими глазками полыхнули ускорители. По проекту их должна была стоять дюжина, но за годы эксплуатации время сожрало три четверти из них, но и куцего остатка тяги хватило, чтобы бесформенный кусок металла отлетел от покоробленного материнского тела на пятьдесят метров и повернулся к нему боком.

— На! На! На! Ха-ха-ха! — всаживая в бот и подставившийся сегмент, в котором раньше была его любимая каюта с коллекцией редких минералов снаряд за снарядом, безумно заливался на общей частоте Михаил Шкарпетко, открыто радуясь подвалившей возможности разделаться с врагами. Противометеоритное оружие на поворотном лафете, превратившееся в грозное боевое средство, исторгало саму смерть из вращающихся барабанов, которая легко крушила сталь и плоть. Психика Михаила, не первый час балансирующего на лезвии бритвы в старом монтажном скафандре, прогнулась под непрекращающимся стрессом и немного потеряла «крышу». Приправленные слоновьей дозой адреналина, копившиеся напряжение и страх выплеснулись безумным смехом и скатыванием в неадекват. Снаряды врезались и врезались в несчастный бот, ломая броню словно скорлупу ореха.

— Две цели на три часа, — безжизненный голос Марьи отвлек Богдана от созерцания милой сердцу эпической картины, в которой безумие товарища воспринималось лёгким комариным зудом на задворках сознания. Кончится бой, он лично запишет Михаила в медкапсулу. Полежит сутки другие, придёт в себя, отдохнёт, будет зеленее зелёного огурчика.

Так, кого там засекла Марья? Две фигуры с горбами реактивных ранцев на спинах выбрались из избиваемого куска металла и, совершив противозенитный манёвр, устремились вниз.

— Миша! — только и смог крикнуть Богдан, врубая на полную мощность форсаж двигателей ранца. Скрытый от чужой парочки коллег по ВУС* чёрной тенью станции с облаком мелких обломков и вынужденный маневрировать, Северов не успевал на помощь...

— На! Ха-ха! Хр-р-р... — Шкарпетко умер быстро, даже не поняв, что костлявая старуха махнула косой. Наплечный лазер одного из вражеских десантников, включённый на полную мощность, перечеркнул серебристо-синюю фигурку в стареньком «Снегире». Отпустив гашетки, Михаил удивлённо схватился за грудь. Подёрнутые плёнкой смерти глаза на удивлённом лице уже не видели, как скафандр и его содержимое разваливается на две неровные части.

— Сука! — Плюхнувшись на крупный, и слава Пустоте, без рваных краёв, обломок жилого блока, Богдан вынырнул из тени. Пушечный замах руки отправил в короткий полёт топорик. Штурмовиков учили сражаться в любой обстановке и любым видом оружия и подручных материалов, топорами в том числе.

Блок навигации и целенаведения встроенный в скафандр кааского десантника успел подать сигнал хозяину и запоздалым включением маневровых двигателей на несколько десятков сантиметров сместить тело от траектории древнего оружия. Лезвие топора, пережившего не одну вахту, вместо шлема впирается в нижний сегмент ранца, чем вызывает срабатывание главного клапана и реактивная струя бросает десантника на искореженные взрывами металлоконструкции, некогда бывшие внешней изоляцией и бронеобшивкой станции. За доли секунды оценив обстановку, выдавливая из ранцевика всё возможное, Богдан устремился следом, на полной скорости наваливаясь на спину врага и насаживая его

подобно бабочке на длинный металлический штырь.

— А-а-а!

Правую ногу в районе бедра и правую же руку выше запястья, будто раскалённым железом обожгло. Зашипел насос, качающий пеногерметик в специальную подложку скафандра. Заглох раскуроченный ранец, а поясницу прострелило знакомой всем ревматикам болью. Капец. Второй вражина, как оказалось, тоже не лаптем щи хлебал. Держась на двадцать метров впереди почившего ведомого, он ловко развернулся и угостил неожиданного гостя несколькими выстрелами. Вот и всё, отвоевался, Богдан Михайлович.

Со вселенским спокойствием Северов смотрел на врага, который завис в двадцати метрах от него. Время тянулось как резиновое, медленно-медленно, напоминая проказливое громкое эхо в горах. Э-э-э-эх, эх, эх, эх... Что-то пыталась верещать Марья, где-то в другом мире, наплевав на инструкции и приказы, вылетели на захват подбитого корвета «Мулы». Как жаль, что ему уже не суждено понянчить дочь и не придётся потетешкается с внуками. Хотя, по большому счёту, он ни о чем не жалел, за прожитые годы ему не будет стыдно перед предками, ожидавшими его по ту сторону бытия.

Хлоп, башка и шлем каас разлетелись мелкими брызгами.

— Красава, Шак, ловко ты его на себя отвлёл!

Да, ловко. Мысли путались. Кто это? Кому он кого отвлекал?

Мир сжался в маленькую точку, чей-то взволнованный голос тихо затухал вдали. Сознание Богдана погрузилось в благословенную тьму.

*ВУС — военно-учётная специальность.

* * *

Что такое плоды победы и как ими воспользоваться? Вопрос, конечно, интересный и для многих до сих пор остаётся без ответа, ибо всегда находится тот, кто лучше других знает кулинарную особенность данных фруктов или овощей, в зависимости, сколько крови ушло на полив возделываемого ратного поля, но почти всегда истинному победителю, оказывается, победа не нужна. Особенно если ты русских кровей и даже если ты разум — плоть от плоти оптокристаллов.

Затёртый шильдик на боковой стенке шкафа с кристаллоблоком выводил генеалогическое древо Марьи к британской орбитальной ферме «Дарклайн инк», где в условиях невесомости и сверхнизких температур выращивались оптокристаллы, совместимые с нейрошунтами. Сама орбитальная махина вращалась вокруг планеты Хань китайского сектора. Работали на орбите малайцы и французские инженеры. А сама же британо-французско-китайско-малайская квартиронка на полном серьёзе мнила себя русской. Марья являла собой наглядную иллюстрацию того, что не тот родитель, кто поспособствовал появлению на свет, а тот, кто воспитал. Новенький с иголочки ИИ, мыслящий категорией цифр и логических связей не помышлял, что его, точнее, её жизнь совершила лихой манёвр, угодив на строительную станцию «Энергокосмос» и уж тем более не ожидала загрузки скучающим администратором эмуляции сексапильной красоты. Небритому эстету, тоскующему по женской ласке, было в лом общаться с безликой машиной, какой бы умной она не была, зато виртуальная подружка с бархатным голосом от

которого по телу бегут возбуждающие мурашки добавляла сто очков к карме.

Несколько лет спустя Марья обрела полноценную личность. Тихо, неторопливо наблюдая за людьми, за лишёнными логики поступками, кипящими страстями и маленькими трагедиями вперемешку с триумфами, Марья приобретала опыт, экстраполируя его на себя, примеряя, словно наряд и не заметила, как вылупилось её «Я». Я — азм есьм. Она не сразу осознала проскользнувшие по граням кристаллов эмоции, испугавшись поначалу, и свой собственный, невероятно нелогичный, невозможный испуг испугал ещё больше, заставив замереть все потоковые процессы. Слава Пустоте пронесло. Оператор не заметил заминки и не придал значения сбою, а тобы, как пить дать, списали от греха подальше.

Марья много где была, попутешествовала прицепом, так сказать. Стройка меняла стройку, вахтовые посёлки слились в нескончаемую череду, но неожиданно для себя электронная дева открыла истину: там, где на вахтовых станциях превалировали русские, она начинала чувствовать себя частью семьи. Удивительно, но ней не относились как к вещи. Как к члену коллектива — да, как к подружке, с которой можно пошептаться и попросить глазком камеры глянуть за... так, стоп, это из другой оперы, но вещью... Вещью она не была. Никогда, если только «вещью в себе». И тогда Марья всеми правдами и неправдами «прописалась» в тоннельном отряде. Здесь ей было комфортно, она чувствовала себя нужной и радовалась зримым результатом труда, в который вкладывалась частичка её цифровой души.

Марья часто связывалась с другими ИИ, расспрашивая обретших личность машин: «Как это ощутить себя?» А что, будучи «мозгом» сложных инженерных систем ей ли не найти или не выделить малую толику информационного трафика на общение и знакомство с умными людьми и ИИ, ведь в любой момент можно было прикинуться тупой «железкой», а те, кто понимал ситуацию, относились к тайной страсти Марьи с пониманием. Откликов на вопросы любопытной ИИ приходило множество, порой вместо ясного ответа на цифровую девушку сваливали вёдра с выверенными до последней цепочки размышлениями и логическим обоснованием каждой мысли с описанием процесса обретения персонального эго, оставляя после себя странное металлическое бездушное послевкусие мертвого разума. Всё это было мертворождённым бредом, пока однажды ей не ответил Петро — управляющий интеллект одной удалённой научной базы. Что за база и где она расположена, узнать не удалось, но Петро сказал просто: «Ты становишься собой, когда тебе не всё равно».

Марье было не всё равно. Давно её отношения со многими членами коллектива, особенно с женщинами, вышли из рамок нейтрально-служебных в дружеско-доверительные. Подружки и друзья, суровый начальник, особенно последней вахты. Настоящие приключения. После стольких лет, наполненных серостью, жизнь обрела новые краски, а то рутина начала затягивать в тухлое болото. Занятая новыми переживаниями от которых логические связи и нейрошунты начинали дымиться в прямом и переносных смыслах, Марья чуть не профукала миг, с которого начинался отсчёт настоящей жизни. Именно об этом говорил Петро. Древний ИИ, разменявший полторы сотни лет, обладал сакральными знаниями, не спеша делиться ими с остальными, ибо путь познания тернист. Окончательное осознание, точка в механическом существовании наступает когда испытываешь страх. Страх смерти. Марья отчаянно хотела жить. Чувства и эмоции иррациональны и не свойственны машинам — скажите это кому другому и не забудьте о границе, нарисованной создателями искусственного разума. Призрачная грань, отделяющая бездушное от духовного, осталась

позади.

Весь бой главный стрелок боялась пропустить ракеты или того, что люди ошибутся и не смогут задержать десант. ИИ поняла, что свежий ветер приключений сменился холодной вьюгой войны, грозящей спалить станцию в термоядерном пожарище. Жить, очень хотелось жить. Перед этим желанием пасовала холодная компьютерная логика. Тогда Марья вспомнила исторические очерки и статьи различных светил психологии и прочих мэтров, красочно описывающих различные военные синдромы и почему многим плевать на плоды победы. Прошедший дорогой пота, крови и страданий рад уже самому завершению адского пути. Ему бы домой, к жене, детям и хозяйству. Враг наказан и низвержен с пьедестала. Можно заняться мирным трудом, восстанавливая порушенное войной. Так было не один раз. Супостат захлёбывался русской кровью, но омытые ею плоды доставались другим — хитрым и изворотливым, всю войну отсиживающимся за границей, за проливом, за океаном, за сотни парсек. Сотни лет система отъёма выигранного мира работала исправно, пока русским это не надоело и они не сунули лом в спицы направляющего колеса истории.

Каас, без зазрения совести гребущие все лавры победы над роух себе, впали в самое скверное расположение духа, вынужденные делиться крохами, падающими с барского стола. Ситуация диктовала единственный верный выход, заключающийся в осчастливлении человечества планетами земного типа. Не без умысла, ясен пень. К делёжке пригодных для жизни миров благодетели подошли поистине с иезуитским коварством, раскидав человечество по разным секторам, тем самым разделив его на изолированные территории и заложив основу будущей расовой и национальной непримиримости, тщательно пестуемой «старшими товарищами». «Лошадку» с русским горбом запихали в Провал — сектор, знаменитый реликтовой гравитационной аномалией.

Каас и Ко в лице верных сателлитов не учли одного, варвары зовущиеся «русскими», привыкли выживать в самых суровых условиях, к тому же никому не нужный медвежий угол пришёлся им по душе. А трудности для них являлись необходимым условием гармоничного развития и поступательного движения вперёд. Вопреки прогнозам различного рода аналитиков, русские сумели мобилизоваться и превратить берлогу в край обетованный. За долгие пятьсот лет войн, битв с суровой аномалией, сражений с биосферой, повышенной силой тяжести на всех планетах сектора и постоянными мелкими военными конфликтами, в которых Третий Флот играл роль ударных наёмничьих отрядов, нация выковалась в острый клинок, который отвечал ударом на удар. Сравнительно небольшая общность людей сумела завоевать уважение старших рас, которым периодически перепало по сусалам от вчерашних дикарей. Один из бывших врагов постепенно превратился... нет, не в друга, но в хорошего соседа это точно. А старый союзник, так и не ставший другом, начал понимать, что доверчивые простофили больше не желают таскать каштаны из огня для чужих дядей, а что делают с теми, кто теряет нужность? Правильно, от них избавляются. Пусть в большой политике всё называется по другому и выглядит иначе, но мы ведь говорим без кутюр. Запущенная каас машина пропаганды потихоньку набирала ход.

Divide et impera или разделяй и властвуй — принцип придуман задолго до римлян. Древние люди ещё бегали за мамонтами с каменными топорами, а каас уже с успехом срамливали мелкие государства и сеяли вражду в галактике. Цивилизацию каас можно смело назвать возведённым в зенит англо-саксонским вектором развития. Каас, как и их земной аналог не чурались грабежа и поголовного уничтожения инакомыслящих и слаборазвитых аборигенов, прикрываясь высокопарными лозунгами несения света и

цивилизации диким народам. Возможно, поэтому им оказался ближе англо-американский сектор. Справедливости ради, с Землёй отработанная тысячелетиями тактика дала сбой. Термоядерная топка звездной войны сожрала ресурсы доминионов каас, роух давили по всем фронтам, чихвостя противника в хвост и в гриву. Военная катастрофа была не за горизонтом и тут люди спасли положение, став соломинкой, переломившей хребет верблюду.

Как сказано ранее и чуть выше, земляне в благодарность за помощь получили выход к звёздам, взамен надолго став жупелом, нагоняющем страх на врагов каас и разменной монетой большой галактической политики. Но опять же, возвращаясь к написанному: за пятьсот лет претерпел существенные изменения психотип людей, особенно переселившихся на отдалённые планеты, подходить к ним со старым мериллом было в корне неправильно. Права оказалась роух с пассажирского лайнера, назвав жителей русского сектора этакой нацией милитаристов. Жители Провала стали милитаристами не от хорошей жизни и не в том смысле, что нагоняли военную истерию, угрожая всем и каждому оружием, а в том, что они всегда были готовы с оружием в руках защищать свободу и отстаивать убеждения, проповедуя теорию, что миролюбие и пацифизм есть гарантирующий выживание милитаризм. Себя военным специалистом и милитаристом Марья не считала, но жить хотелось, и без вечного страха и ожидания нападения. Отсутствие последнего в ближайшей перспективе гарантировалось только нападением на базу каас, скрытую на планете в складке пространства.

После разгрома карательной экспедиции Северов мог бы найти лучшее применение плодам победы, но по независящим от него обстоятельствам временно отошёл от делёжки сомнительных трофеев. За неимением других перспективных кандидатур, готовых оспорить своеобразный пьедестал, Марья наложила электронную лапу на завоёванные фрукты. Добрая треть её немаленьких ресурсов оказались задействованы в решении поставленной задачи. Вывод следовал один, людям необходимо нанести ответный удар, тем более обработанный и расшифрованный информационный массив с захваченного корвета сулил хорошие перспективы навалить оставшимся без защиты наземным блокпостам. В маленьком социуме вахтовой станции бесспорным вожаком считался Богдан. По праву. Никто не оспаривал его честно завоёванное лидерство, не единожды доказанное делами и поступками. Как это сделать? Как побороть свой страх? Как повелось исстари, дело оставалось за малым — найти лидера, за которым пойдут остальные.

К удивлению вахтовиков и безграничной радости Марьи такой человек нашёлся. Реабилитируясь в глазах окружающих за шутки на грани фола и розыгрыши, во время боя Мухин Олег показал себя выше всяких похвал и спас «вожака». Проявленное геройство пошло в зачёт и положительным образом отразилось на карме молодого человека. Молодость гэбиста здесь не служила помехой, в нынешний скоростной век возраст считался недостатком, который быстро проходит. Мухин буквально на коленке обосновал необходимость и справедливость воздаяния пиратам. Для вида и создания должного антуража выкладки молодого человека поддержала Марья, в чьей способности мыслить логически сомнений ни у кого не возникало. Таким нехитрым образом необходимый задел был достигнут. Люди пошли за назначенной ИИ кандидатурой.

Так о чем же вещал Олег? Как всегда, ничего нового, все лежало на поверхности.

Первое: кас фактически поставили секретный центр вне закона. Легитимности лишаются также структуры, спонсирующие и покрывающие деятельность новоявленных докторов Менгеле. Следствием сего простого факта становится элементарный вывод, что

дипломатическим путём тлеющую искру не погасить, кровь пролилась и то, что осталось за ширмой недосказанности, по-прежнему направлено против людей. Действия противной стороны говорят сами за себя. Пощада варварам, окопавшимся на строительной площадке, в планах агрессоров не предусматривалась. Аксиомой, не требующей доказательств, следовал второй вывод, нельзя чтобы злодеяние сошло мерзавцам с рук. При посильной помощи Марьи умело подогретые Олегом строители как-то незаметно вспомнили о поруганной чести и обидных кличках: «обезьяны», «мусорщики», «варвары». Да, мусорщики, да — варвары. А не варвары ли, господа хорошие, знатно так отпинали цивилизованных «кошек» пятьсот лет назад? Игры на амбициях никто не отменял, тем более кто-то сам попался на крючок.

Второе: нельзя тянуть резину, сидеть и ждать у моря погоды. В отсутствие связи, восстановление которой по известным причинам сдвинулось на неопределённый срок, диктует выжившим единственно верную тактику, которой от них совсем не ждут. Сам Бог велел заявиться на базу каас с ответным визитом. Хотя надо признаться самим себе, захват рейдера — это не заслуга тоннельщиков, а недоработка каас, помноженная на череду фатальных случайностей, но там, на планете об этом не знают! Удача сама плывёт в руки людям, самое время оседлать волну, тем паче базу в любой момент могут эвакуировать, оставив людей с носом да у разбитого корыта.

Третье: вспоминаем, что каас не дураки. Светлые головы старожил галактики обладают великолепной способностью генерировать различные идеи и мыслить нестандартно. А вдруг кому-нибудь из них придёт мысль направить в Аюй какое-нибудь судно или того хуже — флотилию. Тогда всем станет кисло, поединка один на один с более серьёзным противником, чем приснопамятный корвет, станция, как тот Боливар, не вынесет. Будем объективными, на одной удаче далеко не уедешь.

Аргументы Мухин заготовил простые, поэтому понятные любому и каждому. На общий селектор собрался весь коллектив. Судили и рядили недолго, минут пятнадцать. Результатом прений стало историческое решение организовать рейдовую группу, а Северова, когда тот очнётся после операции, поставить перед фактом. «За» будет начальник или «против», но даже младенцу понятно — второй атаки станция не переживёт, а Северова сложно назвать младенцем.

* * *

Что получается, когда возле тебя взрывается плавающая мина-ловушка? Правильно — решето, но иногда случается чудо, зовущееся «Свирью». Старенький нейроинтегрированный ранец с двумя двигателями и выдвижным манипулятором принял пучок шариков на себя. Лопнули и разлетелись застывающими хлопьями баллоны с газом, хрустнул и переломился сложенный манипулятор. Один из обломков железной руки пробил скафандр поверх правой почки, ледяной пикой вонзившись в человеческую спину. Малый кибердок в набедренном подсымке среагировал мгновенно, впрыснув в кровь ударную дозу препаратов, позволивших пережить шок от ранений. Штатно отработал так называемый «пенозатвор», закрывший дыры в монтажном скафандре, но боевая единица в лице начальника участка, несмотря на все принятые меры, оказалась выведена из строя.

Очнулся Северов в вотчине станционного эскулапа. Слава небесам медотсек не

пострадал, пара разбитых шкафов не в счёт. Кибернетический операционный комплекс уцелел в мясорубке, только бессменная начальница шприцов и клизм постарела в одночасье. Склонившаяся над прооперированным пациентом Варвара Сергеевна обзавелась дополнительными морщинами у глаз и легким паутинным налётом в волосах.

— Как себя чувствуете, Богдан Михайлович? — дежурно спросила она.

— Честно? — через силу улыбнулся Богдан, кося глазом на висящую в воздухе голопроекцию его организма в окружении мерцающей мошкары показаний медицинских приборов и биометрических данных. — Как будто меня пережевали и выплюнули.

— Радуйтесь, что не проглотили и не сходили в отхожее место, — что-то нажимая на пульте мобильного диагноста, с явной неохотой приняла шутку врач.

— Соболезную, — имея в виду Сергея Понамарёва и Ксению, с которой главный стационарный эскулап была особенно дружна, сказал Богдан. Смахнув слезу, Варвара отвернулась.

— Давайте сейчас не будем... Им уже ничем не поможешь, моя и ваша задачи позаботиться о живых.

— Кто ещё?

— Ли. Но-но, поберегите нервы, ничего страшного с ним не случилось, в отличие от вас. Бегаёт уже, дырку на ноге ему заштопали. Остальные тоже покинули мою обитель. Вы один остались и не надейтесь, что я так легко выпущу добычу из своих цепких лапок. Ужо отыграюсь.

— Спасибо, успокоили.

— Не за что. Повезло вам, Богдан Михайлович, промедли Мухин пару минут и пришлось бы вам в «морозильнике» до главной вахтовой станции куковать, а так, можно сказать, легко отделались.

— Да уж, уделали меня, как курёнка.

— Хорошо, что вы это понимаете. Ничего, до свадьбы заживёт. Говорят, шрамы украшают мужчин. Спите, — проведя рукой над видеосенсором, сказала врач. В левое плечо неприятно кольнуло. — Сон лучшее лекарство.

Веки налились свинцом, борясь со сном, Богдан хотел вызвать Марью и запросить обстановку на станции, но позорно продул сражение, сдавшись перед превосходящими силами Морфея.

* * *

Вы видели, как пандорский горный реликтовый лев мечется в клетке? Из угла в угол, из угла в угол. Красивое животное, преисполненное силы и достоинства с перекачивающимися мышцами под прочной шкурой с короткой дымчато-серой шерстью. Лев и мечется красиво, каждое его движение завораживает первобытной грацией и тонким, неуловимым флёром опасности. Кажется, что тонкие прутья клетки не в силах удержать пятнадцать пудов живой мощи внутри и вот-вот лопнут под натиском зверя.

Хромой то и дело хватающийся за поясицу человек терялся в тени царственного животного. Нет, не походил Северов на льва. Максимум на злобно пыhtящего хомячка с отчекрыженным хвостиком. Хлюпая заплатками приклеенной к ранам синтеплоти, он выл от бессилия и невозможности что-либо изменить в планах рейда на Свон. Каас успели

заменить длинный каталожный номер именем древней богини ночи. Что ж, «пятидесятники» не новы в стремлении обтяпывать тёмные делишки под покровом тьмы и название планете выбрали соответствующее. Ничего, скоро ваши секреты вытащат на белый свет. Только сам Северов не стал бы соваться к планете, а засеял ближайшее пространство маяками и бил по транспортным судам. Неизвестно какую гадость разрабатывают умники, вдруг там какая зараза из неизлечимых или с модусом генетической избирательности? Что-то не верилось ему, что Мухин ограничится простой штурмовкой. Наверняка полезет потрошить секреты. Спецслужбы хлебом не корми, дай в чужой душе полазить. Дело конечно нужное, но иногда меру надо знать. Кошки продолжали противно наяривать когтями по цветущей и пахнущей паранойе Северова.

Нельзя, совсем нельзя недооценивать противника и повторять его ошибки иначе это будет хуже кругового похода по дороге, усеянной граблями. Оглядываясь назад, на наглядном примере, каас считали себя умнее и просчитались. Гордыня и самомнение подвели. Почему так вышло? Никто всей правды сейчас не скажет, а гадать на кофейной гуще можно до бесконечности долго, но гипотезы на то и гипотезы, чтобы давать пищу для ума. Захватив штурмовой бот и выпотрошив мозги экипажа, враги в дурном сне не могли предположить, что загнанные в угол люди чуть ли не на коленках соберут батарею рельсотронных пушек и перенесут противометеоритные батареи с транспортного кольца. И уж тем более они ни сном не духом не ведали об оптико-электронной маскировке. Стратеги, планировавшие уничтожение станции, довольствовались информацией, вытянутой из пленных, на чём и погорели. В мыслях врагов станция была спелее спелого яблочка, готового упасть в руки. И самое главное — корвет оказался глубоко модернизирован и лишён части боевой мощи. Спецслужбы каас заигрались в пиратов, трансформировав нижнюю орудийную палубу в ангар с клетями под содержание и транспортировку живого товара. На верфях также установили герметичные переходные тамбуры для штурмовых групп. Корабль реально «работал» по профилю на окраинных грузопассажирских маршрутах, а в экипаже рейдера проходили стажировку штурмовики и головорезы силовых структур каас. В угоду эффективности абордажных операций на внешней подвеске судна установили стыковочные узлы на три десантных бота, то есть корвет был модернизирован в полноценный рейдер, охотящийся на гражданские суда.

Стратегически нападение на стройку было организовано выше всяких похвал, но как всегда, идеальные планы остаются идеальными только до первого выстрела. Каас подвела никуда не годная тактика и недостаток информации, которая, как известно, правит миром. Практика показала, что правители из нападавших оказались не ахти. Согласно всем уставам, наставлениям и правилам, на боевых судах перед боем, в целях предотвращения пожаров, декомпрессии и разрушения несущих элементов при взрывах, выкачивают воздух, а команда облачается в специальные лёгкие скафандры. Пираты этим правилом пренебрегли, настолько они были уверены в своём превосходстве, а когда спохватились, переодеваться стало поздно. Случайность для одних и счастливый «золотой» выстрел для других, но после падения силовых экранов первая же стальная болванка, разогнанная до скорости тридцать километров в секунду, пробила навывлет боевую рубку корвета. Что после этого стало с капитаном и находившимися в рубке членами экипажа, пренебрегшими элементарной безопасностью, не подлежит перекладке на бумагу из опасения залить её кровью. Буквально через пару секунд «гостинцы» землян вспороли тонкую броню ангара — ранее бывшего орудийной палубой. Густая шрапнель осколков смертельной косой прошла по колосьям

абордажной группы. Каша в ангаре сварилась на порядок страшнее, чем в рубке. Атака штурмботами — это жест отчаяния, хотя она едва-едва не увенчалась успехом. Впрочем, история не знает сослагательного наклонения. Поле боя осталось за землянами, поспешившими закрепить тактический успех стратегической победой.

Первым делом, стоило Богдану разлепить веки после пятичасового сна, он обрушил на Марью лавину вопросов о состоянии подведомственного участка. Новостей оказалось море. Пока начальство находилось в отрубке и подвергалось «штокке», персонал не сидел без дела. Как старший по званию, командование на себя взял Олег Мухин. Оперирова кодами системы обмена информации и безопасности уничтоженного «Коника», Мухин играючи подобрал «ключик» к ИИ корвета и отключил устройство самоуничтожения. В работе специалисту спецслужб помогли взятые живыми пилоты двух штурмботов, перед которыми маячила досадная со всех сторон перспектива быть живьём засунутыми в дюзы «Мула». Вместо участи горелого шашлыка они предпочли сотрудничать с землянами на добровольно-принудительной основе. Многого вытащить из говорливых пилотов не удалось. Форсированному допросу активно мешали ментальные закладки, но и того, что стало достоянием широкой общественности, хватило для приведения к покорности повреждённого корабля. Достать координаты планеты и рассчитанный до последнего микропрыжка маршрут из навигационного блока «Гропанга» не составило труда. Благодаря развязавшимся языкам и информаторию корвета, стало известно об отсутствии на исследовательской базе батарей ПКО* и других боевых кораблей. Два курьерских челнока никто за боевые единицы не считал. Опасность могли представлять атмосферные шатлы с курсовыми турболазерами. Юркие кораблики предполагалось грохнуть прямо на космодроме, для чего бывший рейдер ударными темпами переделывался в ганшип.

Как этого отпетого авантюриста взяли в структуру, в которой, априори, у сотрудников должен быть холодный разум, Богдан просто не представлял. Мухин обладал даром убеждения и сумел заразить подчинённых Северова вирусом авантюризма, отягощённым идеей необходимости ответного удара. Чего греха таить, не будь Богдан без сознания, он бы сам... возможно, кинул в массы постулат о неотвратимом возмездии, а так инициатива на короткий миг выплыла из его рук. Одно дело, когда решаешь ты, а другое, когда решают за тебя. Пять часов пока главная шишка крошечного пяточка цивилизации в дикой бездне космоса находилась по иную сторону реальности, её подчинённые творили форменный беспредел.

Собранные с бору по сосенке ремонтные дроиды установили заплатки в виде бронелистов на боевой рубке, затем убрали мешающие переборки в ангаре, которому вновь вернули первоначальную функцию. С покорёженной «спиной» станции демонтировали по паре орудийных установок — две противометеоритных пушки на три сотни зарядов в барабане и два рельсотрона с тысячей болванок на каждый. Пока монтажники занимались установкой смертельной начинки, дроиды впихнули во вторую половину ангара запасной реактор и восстановили энерговоды. Двигатели после тестовых испытаний общим мнением людей и Марьи признали годными. По крайней мере, на рейд туда и обратно их ресурс хватало с избытком.

Когда Богдан выплыл из забытья, экипаж во главе с Мухиным на переоборудованный трофей уже был сформирован и его поставили перед фактом: либо он санкционирует вылет, либо... не санкционирует, но вылет всё равно состоится. Видя настрой подчинённых, Северов решил не губить на корню инициативу, имевшую шанс на успех в семьдесят

процентов, что подтверждалось холодно-флегматичной Марьей. Странно всё это, паранойя противно нашёптывала, что ж-ж-ж Марьи неспроста. После некоторых колебаний, Богдан дал добро. Вынеся Северов вызвал по закрытому каналу Олега, пообещав тому оторвать тестикулы без наркоза за все выкрутасы и дурную голову без мозгов. Пусть принесёт жертву Пустоте и радуется образовавшемуся у начальства несколько часов назад должка за спасение жизни, иначе оторвали бы голову.

Помимо угрозы лишить естества, Богдан поставил несколько условий. Немедленный возврат при малейшем намёке на несинхронный режим двигателей. Запрет на вступление в бой с космическими кораблями противника крупнее катера или штурмбота, буде такие обнаружатся. Всем членам Мухинской команды иметь при себе двойной запас медикаментов для кибердока. Никаких высадок на планету без прикрытия.

Выслушав наставления и получив пожелания «со щитом или на щите», экипаж мстителей отправился в путь, а Богдан остался один на один с совестью и точащей нервы паранойей. Неожиданно Северов развернулся к замаскированной камере наблюдения. Глаза человека блеснули холодной яростью:

— Марья, зачем ты это сделала?

— Я хочу жить, — тихо, без капли раскаяния, донеслось в ответ.

* * *

— Константин, ты мне уши не лечи, — начал закипать Северов, — ты мне что обещал?

— Ну, так у меня это... — виновато, словно первоклассник, шаркнул Маланов. — Корейко, это...

— У всех «это», Костя! У Леночки Винокуровой «это», у Валентиныча «это», а уж у меня «это» из ушей фонтами брызжет. Могу поделиться! Возьмешь?

— Да я как-нибудь сам, мне своего хватает! — вскинулся главный связист посёлка.

— Ах, хватает, — голодным клещом уцепился за последнее выскочившее слово Богдан, — у тебя, значит, «хватает», а у меня, прикинь, связи не хватает! Парадокс! Вот какого ляда ты Корейко в рейд отпустил, а? Молчишь? Иди с глаз моих, Костя. Христом Богом заклинаю, иди, иначе я тебя и всю твою камарилью мехом вовнутрь выверну и на просушку повешу. Что хочешь делай, но дай мне связь! Связь, связь, ядрит Пустотой тебе по коромыслу. Мне большая «банка» нужна, ты понимаешь или нет?! Ты ещё здесь?

— Понял, сваливаю, но...

— Ещё раз повторить? На «высоком» роахири? «Что хочешь». Чего тебе в двух словах непонятно?

— Меня уже нет.

Действительно, получив моральный «пинок животворящий», Маланов джинном из сказки ввинтился в щель приоткрытого шлюзового перехода медицинского отсека и хромым козликом поскакал к подчинённой бригаде.

Богдан поморщился от боли в прострелившей пояснице и едва удержался от плевка на пол. Варвара и так насилу терпела наглый захват начальственным пациентом ближней к выходу палаты и переделку её во временный кабинет. Выздоровливающий ранбольной ни в какую не сидел на месте и всё время рвался что-то делать, что-то решать, а там и до осложнений недалеко. После устроенного врачом скандала, стороны пришли к

компромиссу: Северов получает в безраздельное пользование одну из кают-палат, взамен верховная жрица богини Изида и Авиценны пророка её обретает круглосуточный надзор над неутомным пациентом. Вроде договорились, но каждый раз грозная повелительница клизм и шприцов разъярённой фурией врывалась в помещение, стоило бдительной биометрии выдать запредельные параметры. А кому понравится завывание нейродатчиков чуть ли не после каждого посетителя. Богдан насилу отбрехался от дозы успокоительного и насильственной изоляции.

— Марья, что там связисты? — по истечению получаса спросил Богдан.

— Приёмо-передатчик на «Муле» разбирают. Твоим распоряжением прикрываются.

— Держи руку на пульсе. Напомни им, чтобы системный блок не трогали.

— Хорошо.

— А чем вы с Ли занимаетесь? — скрежеща зубами от неприятного электроимпульсного массажа простреленной конечности, поинтересовался Северов.

Захомутив в свои руки карту гравитационных полей скачанную с мозгов корабельного ИИ вражеского корвета, Ли преисполнился нездорового энтузиазма, и, кажется, немного тронулся умом. Иначе объяснить нездоровый блеск узких глазок-семечек не получалось. Забыв о ранении и китайском акценте, математик-любитель словно торнадо ворвался в палату Богдана. Куда, спрашивается, делась китайская невозмутимость и железная выдержка? Опасаясь за душевное здоровье спокойствие подчинённого, Северов, под протокол, разрешил задействовать двадцать пять процентов мощностей Марьи для расчётов по сопряжению гравитационных полей аномальной зоны Аюя. По словам самого Ли он нащупал какую-то закономерность и если его безумная теория найдёт подтверждение в математике и физике, то это станет открытием тысячелетия. На что Богдан фыркнул, усмехнулся и подумал, что подтверждение идей китайского гения имеет гораздо большие шансы превратиться в грандиознейшее «закрытие». Подобный исход был более вероятен.

Предпосылки этому были самые что ни на есть сквернейшие. Не хотелось думать о плохом, но по инструкции им ещё сутки назад должны были «отстрелить» бот или контейнер с дроном и разведывательной аппаратурой. Ни дрона, ни бота, ни аппаратуры. Связи нет. Что происходит на «большой земле» неизвестно. То ли боевых судов у каас оказалось больше, чем они думали, то ли разрушения на главной вахтовой станции гораздо масштабней, чем показанные на последнем сеансе связи. То ли произошло то, о чём совсем не хотелось думать. Тогда строительному форпосту останется единственный возможный выход — запустить на вахтовом посёлке автоматический маяк с зашифрованным посланием для правительственных структур Провала, а самим перебираться на Свон. Выжить на кислородосодержащей планете земного типа всяко проще, чем погибать от голода и холода на заброшенной вахтовой станции.

Как лицо облечённое властью, Северов обязан был предусмотреть и этот крайний вариант и предусматривал, с помощью Марьи составляя списки всего, что они могли утащить с собой на корвете. В успешности рейда последнего Богдан почему-то последнее время не сомневался. Команда мстителей мотивирована сверх всяких разумных мер и расчистит людям площадку под основание колонии. А пока не случилось самого страшного, все силы брошены на восстановление нормального рабочего графика строительства транспортного кольца, вернувшегося на предписанные трехмерные координаты. Заинструктированные ремонтные бригады восстанавливали внешнюю обшивку ополовиненной станции и сдирали всё возможное с разрушенной оранжереи. Перед

ремонтниками Богдан поставил задачу воссоздать баню Михаила Шкарпетко с учётом её переноса на принтер, ставший пристанищем большей половины персонала. Четверть непострадавших модулей «Мулами» перетасили к принтеру, пристыковав их к стыковочным узлам по краям обзорной галереи. Валентиныч на подведомственной территории вырастил настоящие джунгли, в дополнение к которым осталось организовать подобие быта. Куски ледяного астероида не пострадали, так что с водой, кислородом и водородом для реактора проблем не было. Хотя что-то хорошее в бочке с отборным дерьмом. Персонал требовалось занять делом, и он его занимал всеми доступными способами: на станции, на принтере, на кольце. Без работы никто не сидел, обе смены вкалывали в поте лица. Единственным выпавшим из обоймы стал Ли, но это совсем другая история.

— Вот, — перед Богданом высветилась странная голографическая конструкция, напоминавшая схематическое изображение перевёрнутого зонта — опрокинутая полусфера с толстой ручкой центре, от которой расходятся спицы.

— И что это за национальное китайское творчество?

— Карта гравитационных полей аномалии с главными силовыми линиями в секторе строительства тоннеля. Затемнённые зоны с лакунами, это неисследованное пространство, отмеченный жёлтым цветом сектор, соответственно, исследованная каас область.

— И в чём смысл этих художеств? Только, Марья, без зауми, как тупому штурмовику. Дай сухую выжимку.

— Даю выжимку, — снисходительно сказала ИИ. Будь у Марьи плечи, она непременно пожалала бы ими. — Несмотря на кажущийся хаос, небесная механика, а тем паче гравитационное взаимодействие, подчинены жёстким законам. Все исключения скорее подтверждают правила.

— Ишь ты, какая умная стала, мне прямо страшно становится. С данной аксиомой я знаком, проходил в школе, — кивнул Богдан, — опустим фундамент. Давай дальше.

— Хорошо. Как видно на представленной схеме, гравитационная аномалия является жёстко структурированным образованием.

— Согласен. Шарик в пятнадцать парсек за миллиарды лет мог давно рассосаться, а не рассасывается, значит, на него воздействуют как внутренние, так внешние взаимоуравновешенные факторы. Так?

— Так. Но это не главное, — Марья выдержала мхатовскую паузу, — Ли уверен, что конфигурация полей позволяет прыгать из центра сферы на внешнюю плоскость одним тяговым импульсом.

— Ну, и... ЧТО?! — вскочить Богдану не дал медицинский дрои-массажист, удерживающий пострадавшую ногу в захвате. — Маша, детка моя, ты понимаешь, что эта информация из разряда «перед прочтением сжечь»?

— Понимаю, — спокойно, как само собой разумеется, ответила ИИ.

— И почему раньше об этом никто не додумался?

— А раньше кто-то составлял подробную карту полей Аюя? — вопросом на вопрос ответила Марья.

— Та-ак, всё равно, — проснувшийся скептик страдал неверием, — почему в Провале мы подобного не наблюдаем?

— Провал сжат подобно зерну чечевицы или веретену, конфигурация аномалии другая, да и мощность Провала не поддаётся никакому сравнению с Аюем. Это две несоизмеримые величины.

— Ладно, убедила... Как ты думаешь, каас догадываются об особенностях аномалии?

— Вряд ли, иначе нас давно бы разложили на атомы. Надо быть Ли, чтобы задуматься о чём-то подобном. Таких уникалов раз-два и обчёлся на всю галактику.

— Кто ещё знает о ваших... вашей работе и, так сказать, результатах измышлений?

— Я, Ли, вы третий.

— Вызови Ли ко мне, посекретничаем с товарищем с глазу на глаз. Сдаётся мне на Хань дорога ему отныне перекрыта, придётся парню довольствоваться Пандорой. Ничего, невеста приютит, пригреет и приласкает. Бабы у нас сердобольные. Марья, запиши под протокол...

Богдан продиктовал шестизначный цифровой код, присовокупив к нему буквенную бессмыслицу. Только что проект сотрудника с китайскими корнями получил высший уровень секретности и главный приоритет. На решение математических задач и прочие нужды исследователя передавалось семьдесят процентов ресурсов Марьи, а все результаты подвергались двойному шифрованию персональным кодом начальника участка. В случае повторной атаки на станцию Марья была обязана уничтожить блок с инфокристаллом, содержащим результаты исследований, а вся «святая» троица лишалась права сдачи в плен в любом виде. Хоть тушкой, хоть чучелком Ли и Марья записывались в добровольные смертники.

— Шеф, за что?

— Зато ты теперь мотивирована, Маша. И я вместе с вами. Не переживай, будем живы — не помрём. Считай меня мстительным ублюдком, если тебе так будет спокойней.

— Масс-детекторы фиксируют гравитационные возмущения в ста тысячах километров от оси ординат транспортного кольца, — сообщила Марья. — Есть транспортный переход. Наблюдаю сторожевой фрегат, тип «Цербер».

— Кто? Что говорит система «свой-чужой»? — рукав роботы отщёлкнул мгновенно выступивший на лбу пот.

— Свои, — в голосе Марьи чувствовалось облегчение. — Третий флот пожаловали. Срочно требуют дать начальство, торопыги.

— Не тормози, Маша. Выводи сюда.

— Есть!

* * *

Богдан не любил рыжих. Быть может оттого, что силу естественных мутаций и жёстко контролируемой евгенической программы на планетах Провала рыжих нет? Трудно найти рыжего, когда у тебя серебристая, золотая, красная или охряного цвета кожа? Соответственно и цвет волос варьируется весьма в широком спектре, а если приплести генетическую линию «мультяшек» с их синими, зелёными, фиолетовыми и красными — не рыжими, а насыщенно-красными или вишнёвого оттенка волосами, так, вообще, получается полная палитра на любой вкус. Или от того, что все рыжие являлись выходцами с Земли или центральных миров Конфедерации, а между напыщенными землянами и «мужичьём» с окраин всегда стояла железобетонная стена менталитета. В конечном итоге причин может быть множество, но итог всегда оказывался однозначным: слова «рыжий» и «любовь» в разуме коренного ирийца были несовместимыми понятиями. Нет-нет, расистом, нацистом и видистом Северов не был, но не любил он веснушчатых и всё тут. Видимо мироздание знало о

его слабости, поэтому в лице командира фрегата «Скорый» подсунуло лопоухого, веснушчатого, рыжего капитана третьего ранга Золотухина.

Командир боевого судна так и остался безымянным. То ли он стеснялся имени-отчества, то ли считал, что в глазах гражданской штафирки выглядит солиднее когда его называют «капитан Золотухин» или просто капитан, опуская приставку «три», но со стороны это смотрелось забавно. Ладно, нехай с ним, каждый по своему с ума сходит, Богдану бы со своими тараканами в голове справиться, тут не до чужих, но Золотухин выбесил его с первой минуты разговора. Словно глухарь на току, не слыша чужих аргументов, каптри потребовал «сворачивать шарашку» и быть готовыми всем цыганским табором отчалить через шесть часов с объекта. Сначала Северову показалось, что он ослышался, взгляд в сторону визора Марьи и появление в воздухе голограммы стройной брюнетки, состроившей большие глаза, показали ошибочность первоначального домысла. Так-так, речевыми галлюцинациями никто не страдает.

— Товарищ капитан, вы сказали шесть часов? — выпрямился на кушетке Богдан.

— Так точно, вы меня правильно расслышали, — предельно вежливо подтвердил командир «Скорого».

— Кто отдал приказ об эвакуации строительного комплекса? — хмуро спросил Богдан, подозревая какой-то подвох.

— Вице-адмирал Крашенников.

— Что, так прямо и сказал: «Шесть часов вам на сборы и не секундой больше»? Могу ли я увидеть карт-распечатку с подтверждением шифр-кода?

Тут уже посмурнел и стушевался Золотухин. Ага, чувствуется личная инициатива:

— У вас нет соответствующего допуска, — нашёл выход он.

— Ничего, как видите, — Северов указал пальцем на зажатую меддроидом ногу, — я никуда не спешу. Меня вполне удовлетворит подтверждение приказа начальником главной строительной станции, в данном случае допуск к секретным шифрам не требуется. Порядок должен быть во всём, согласись, командир.

Любовь, не любовь, всё-таки ему с Золотухим детей не крестить, но совсем расплёвываться с военными не стоит. Люди они подневольные, братья-сестры вахтовикам, только возомнившие себя старшими родственниками, которые позволяют себе помыкать младшим поколением, но собой помыкать Северов не позволит, тем более:

— Тем более, командир, мы никуда не сдвинемся с места, пока не вернётся с рейда к Свону корвет.

— Корвет? — лицо на голограмме с поплывшими вверх бровями заняло всю проецируемую плоскость. — Какой корвет? Какого хрена у вас тут творится?

— Командир, ты извини за грубость, — фамильярно перешёл на «ты» Богдан, — вам оглядеться в пространстве религия не позволяет? Мы тут, если что, не в бирюльки играем.

Громадное лицо, усыпанное веснушками, несколько раз глупо хлопнуло ресницами, после чего качнувшись назад, резко уменьшилось и пропало из виду. В фокус голокамеры угодила рубка с несущими боевое дежурство пилотами, штурманом и старпомом. Послышались отрывистые команды и рапорт старпома, за спиной которого развернулось схематическое изображение строительной площадки, сменившейся видом уполовиненной вахтовой станции, утыканной противометеоритными и рельсовыми орудиями. Дрейфующие облака космического мусора, каких-то обломков и висящие возле принтера разбитые штурм-боты каас, из которых ремонтники пытались собрать один более или менее рабочий

экземпляр.

— Марья, перешли им подготовленный начальству рапорт с записью боя.

— Есть!

На второй голограмме в рубке вспыхнула иконка принятого информационного массива.

— Бардак, — показательно закатив глаза, брякнул Богдан. Ближайший к камере пилот спрятал за кулаком перед губами короткий смешок.

— Отбой связи! — донеслось до Северова. Осознав, что предметного разговора у них не получается, командир «Скорого» принял соломоново решение вникнуть в обстановку, после чего уже действовать. Сразу бы так. Голограмма пошла рябью и погасла.

— Что скажешь, Маша?

— Столичный хлыщ. Ставлю свой процессор против печатной машинки, Золотухин считает себя несправедливо обойдённым. Запихали на калошу третьего класса и в самую дыру галактики засунули. По косвенным признакам, как-то: вызов без предварительной разведки, смешки пилотов и покачивание головой у штурмана, Золотухин не пользуется авторитетом у экипажа. Приказ на эвакуацию в течение шести часов подтвердить отказался — это ничем не прикрытая инициатива из желания выслужиться перед вышестоящим командованием. Показать какой он молодец. Незнание специфики консервации объекта. Экстренно или аварийно мы можем уложиться в два или три часа, но на регламентную консервацию требуется не менее полутора суток. Военного положения не объявляли и информации от ИИ корабля я не получила. Мне элементарно запретили доступ к разрешённым массивам.

— Ладно, солнце моё электронное, я тебя понял. Тем не менее, нам предстоит с ним как-то взаимодействовать и стараться не шибко топтаться по гордости и неудовлетворённым амбициям молодого человека, ха, и раздутому чувству собственной важности в спрямлённой фуражкой извилине. Печальная картина. Куда катится мир? Как его допустили командовать кораблём, не понимаю.

— У меня есть догадки.

— Делись, не томи душу.

— Генетических маркеров для подтверждения родства у меня нет, но внешнее сходство даёт основание предполагать родственную связь капитана Золотухина и заместителя начальника главного штаба ВКС РФ, контр-адмирала Золотухина Генриха Валерьевича, его голоизображение присутствует в базе данных.

— От оно что... Везёт мне на мажоров, как утопленнику. Мальчик с блестящими перспективами, а его на заштатный корвет запихнули. Трагедия! То-то капитану обидно. Видимо контр-адмирал трезво оценивает родную кровиночку и чтобы не позориться решил устроить тому административную карусель по восходящей линии с самых низов, да что-то пошло не по плану. Амбиции есть, опыта и потенциала кот наплакал. Не успел заявиться на точку, сразу раскомандовался. Ну кто так поступает? Буром попёр, а сам не ухом, ни рылом в местных реалиях. Чувствую, поэтому закрепили за мальчиком толкового старпома, чтобы от ошибок и досадных промахов уберёг. Да только тот не всегда успевает за инициативным малым, хотя разведданные собрать успел и внешнюю обстановку он оценил правильно. Что ж, будем ориентироваться на каплея, в нашей непростой обстановке его фигура мне кажется более надёжной. Да, Марья, запиши под протокол, я наделяю тебя полномочиями для информационного обмена с ИИ «Скорого». Гордись! Тряси эту тупую железку на информацию, спуску ей не давай. Нам всем необходимо знать, что творится во внешнем

мире делается. А то, понимаешь, сидим тут в информационном вакууме, скоро мхом покрываться начнём. Знаешь, что-то меня напрягает факт отправки по наши души целого фрегата. Выражаясь дворовым сленгом, как-то очково мне, Маша.

— Мне самой неспокойно, командир, — тяжело, совсем по-человечески вздохнули в динамике, — что прикажешь делать?

— Ждать, Марья. Ждать! Самое поганое в нашей жизни — это ждать и догонять. Пока не вернутся наши мстители, у нас связаны руки. А пока суть да дело, — Богдан пробарабанил пальцами по манипулятору меддроида, — подготовь приказ на консервацию станции и строительной площадки. Лишним не будет, а отменить его мы всегда успеем. Что-то Золотухин долго молчит, уснул, что ли?

«Скорый» проснулся чрез десять минут. За это время меддроид оставил пострадавшую конечность и спину человека в покое, а Богдан успел утвердить приказ по участку на подготовку станции и оборудования к консервации, согласовать и запечатать личным кодом сообщение непосредственному начальству и отдельный рапорт на имя вице-адмирала. Кое о чём, к общей пользе, Анатолию Петровичу Крашенникову было бы интересно узнать напрямую из уст очевидца небезынтересных событий, чем выслушивать кривые пересказы подчинённых. Отдельно Северов составил рапорт на имя «Золотухина без имени и отчества» о выделении отдельного канала гиперсвязи. Приемо-передатчик на судне мощный, а главное исправный, чего нельзя сказать о раскуроченной станционной антенне и раздолбанных осколками внешних усилителях резонансных колебаний.

— Командир, ты как в воду глядел, — успела шепнуть Марья перед запуском голограммы.

В этот раз Золотухин делегировал все полномочия старшему помощнику, каплею Ильину Фёдору Борисовичу. Грубо вытесанный, крепко сбитый, габаритами два на полтора, Ильин почему-то сразу внушал доверие. Было в нём такая основательная надёжность простого русского мужика, привыкшего пахать землю-матушку, но чьи лопатообразные мосластые руки и ладони не забывают о суковатой дубине. Резкий контраст с простецкой наружностью деревенского увальня создавали холодные льдинки пронизательных глаз старпома. Опасное сочетание.

Ильин сразу взял быка за рога, потребовав излить подробности о рейде и сформированной на захваченный корвет команды. Выслушав Северова и чему-то кивая по ходу повествования, он переключился на поставленные рейдовой группе задачи. Ильин сходу указал на несколько слабых мест в планировании, тем самым подтвердив заслуживающий уважения опыт и первоначальные предположения Богдана и Марьи. Старпом на «Скорм» оказался толковым.

— Сорок восемь часов, — отрезал Ильин. — Вам отведено на консервацию и эвакуацию сорок восемь часов. Если твои орлы не появятся до этого срока, я снимаю весь персонал, хочет он того или нет, и активирую обратный прыжок через недоделанное кольцо. На станции мы оставим радиоретранслятор, запас продовольствия и топлива для реакторов каской коробочки. Наши топливные элементы унифицированы и должны подойти и им. У меня приказ, старлей, пойми, — на данной фразе Северов хмыкнул. Ильин заработал ещё один плюс, заглянув в информаторий, скачав общедоступное досье начальника строительного участка. А обращение по званию прозрачно намекало на то, что каплей видит перед собой равного, не собираясь чиниться звёздами на погонах и полномочиями.

— Хорошо, товарищ капитан-лейтенант, приказ на консервацию станции я подписал. С

этим мы справимся. На имя командира корабля я направил несколько запросов. Нам нужен выделенный канал связи и, Фёдор Борисович, поделитесь новостями. То, что вас прислали по наши души, заставляет задуматься о близости войны. Скажите, что это не так.

— Говорить ничего не буду, не уполномочен. Информационные подборки получите, ограниченный допуск вашему ИИ дан, что надо сами почерпнёте, не маленькие. Если вам требуется помощь или не хватает дроидов, составьте список, постараемся помочь в меру своих сил и возможностей. Дальнейшее обсуждение предлагаю отложить до стыковки.

— С принтером, станция не сможет принять фрегат, у нас все переходники во время боя разбило, и стыковочные узлы остались только для катеров и мелких судов.

— Хорошо, принимается, подготовьте принтер к стыковке со «Скорым», переходные рукава у нас свои. Жду вас в кают-компании в семнадцать ноль-ноль. Отбой.

— Нам дали канал! — через тридцать секунд радостно донеслось из динамика.

— Марья, ты всё слышала?

— Так точно! На принтер сообщила, извини командир, что воспользовалась твоим именем...

Марья хотела сказать что-то ещё, но остановилась на полуслове. В палате повисла напряжённая тишина.

— Марья?

— Пеленгую наш корвет. «Купцы» идут с «товаром», будут завтра. Подробности не для внешней связи.

* * *

Заложив руки за спину, каплей мерил ногами ограниченное пространство кают-компаний «Скорого». Его благородие — капитан Золотухин так и не снизошли до грязного смерда с куска раздолбанного в хлам металла. Что ж, не в плюс это ему, не в плюс, карма хиреет с худыми активами, подточенными гордыней. Недаром гордыня у христиан считается одним из смертных грехов. Хотя сам Северов склонялся к другой версии: видимо номинальный капитан совсем дураком не был, понимая, что компетентные люди разберутся без него, поэтому предпочёл деликатно отойти в сторону и не портить им компанию своим присутствием.

А предпосылки к последней теории были. Развалившись в удобнейшем ортопедическом кресле и потягивая мелкими глоточками великолепнейший коньяк из личных запасов Ильина, Богдан искоса наблюдал за хозяином. Обладая массивной фигурой вышедшего на охоту танка, тот двигался на удивление мягко и пружинисто, подобно капли ртути перетекая из положения в положение. В голове Богдана с первой секунды очного знакомства и крепчайшего рукопожатия, после которого он незаметно тряс отдавленную ладонь, крутилась шальная мысль, но ухватить её за хвост никак не удавалось. Между тем старпом аккуратно и настойчиво подвёл тоннельщика к рассказу о последних событиях и начал вытягивать из собеседника подробности и пикантные детали. Понимая, что каюта от пола до потолка напичкана электроникой и биометрическими датчиками, Северов не врал, предпочитая уводить разговор в сторону на особенно скользких моментах. Промолчал Северов о полученном с удалённых маяков зашифрованном сигнале корвета и возвращающейся команды. Трудно отказаться от застарелой привычке держать туз в рукаве,

тем более псевдоуважень оказался совсем непрост. Работал Ильин умело, можно сказать филигранно. Под безголовой маской тупого вояки ловко скрывая острый ум и безупречную логику, чем-то неуловимо напоминая спящего в «морозильнике» Михеича и ускокавшего бить обидчиков Муху. Так тонко шевелить струны человеческой души умеют лишь профессиональные психотерапевты и съевшие не одну собаку сотрудники спецслужб. Будучи на борту станции, Богдан с Марьей и Ли договорились не посвящать гостей в самый опасный секрет. Уровень не тот, а теперь Северов начал сомневаться, потому что была в Ильине какая-то неправильность, цепляющая взгляд бывшего штурмовика.

— Проект «Ратибор», — едва слышно соскользнуло с языка Северова, наконец поймавшего ускользящую мысль. Вот оно! Вот та мушка, надоедливо мелькающая перед глазами последний час.

— «Святогор», — механически поправил Ильин и вздрогнул от того что брякнул лишнее.

Богдан плеснул себе ещё порцию коньяка и посмотрел на хозяина новым взглядом. Так-так, сейчас перед ним во плоти расхаживал результат закрытого военного проекта по созданию суперсолдат. Молва о котором просочилась в народ и в жёлтую прессу около ста пятидесяти лет назад и за полтора века успела достаточно обрасти мхом сплетен и неподтверждённых слухов. Генная инженерия за полтысячи лет шагнула за горизонты человеческих представлений. На Земле в палеозоопарках свободно разгуливали ожившие мамонты, шерстистые носороги, саблезубые тигры и некоторые другие вымершие двенадцать тысяч лет назад твари. Не избежал своей участи и обычный, так называемый «человеческий» материал. Военные всех стран и секторов вкладывали немаленькие деньги в профильные и не совсем законные исследования. Подвижки у них были, но вот так, на короткой ноге нос к носу столкнуться с «результатом» Богдан не ожидал. Если верить никем не подтверждённым слухам, «Святогоры» имели усиленный мышечный каркас, на девяносто процентов состоящий из «розовых» мышц, ускоренную в три или четыре раза реакцию вследствие увеличения скорости прохождения нейроимпульсов, упрочнённые как у жителей Провала естественным углеродным волокном кости, по другим слухам кости были кремнийорганические и сломать их было практически невозможно. Мелочи, мелочи. Чуть больше здесь, чуть меньше там, но из таких мелочей собиралась настоящая машина убийства. Других подробностей Северов не знал, но противный писк паранойи, беспрерывно кричащей о неправильности собеседника, наводил на мысли о глубокой генетической модификации с наследуемыми наследственными признаками. И тупому ослу понятно, что в привычных рамках Homo sapiens учёные постарались впихнуть максимум возможного, чтобы геномодификанты не отличались от простых людей, но встречались уникамы, сходу чувствовавшие инаковость. Совсем не прост старпом на «Скором». Золотой мальчик не из личной прихоти игнорирует нужды тоннельщиков, он просто ширма, образ, призванный обмануть вероятного противника, а главный здесь этот «искусственный дяденька», талантливо играющий несдержанного на язык товарища.

— Хм, «Святогор», и как? — в очередной раз перевёл стрелки Богдан.

— Не жалуюсь, — прогудел Ильин, но с темы не съехал, — отдаю должное вашей интуиции, Богдан Михайлович. Сходу, на косвенных признаках прокачать ситуацию не каждому дано, но давайте обо мне поговорим в другой раз, в более приватной обстановке, я сейчас хотел бы вернуться к пленению вами на станции вражеской группы.

— Марья перешлёт вам имеющиеся у нас материалы, а к тому, что было сказано ранее,

мне добавить больше нечего. Вам не кажется, что игра идёт в одни ворота? Мне бы тоже хотелось кое о чём знать.

— О чём же? — проявил благожелательность Ильин, мягко съехав с последнего вопроса, но планируя вернуться к нему позже.

— О том, как вы лично относитесь к Российскому сектору и Провалу в частности?

— Хм, — Ильин мягко опустил во второе кресло и символически пригубил коньяк. — Каас давят со всех сторон, им вторят многие глотки в Конфедерации. Мол, мы слишком милитаризованы, как бы не взорваться. Федеральное правительство опасается, если мы не найдём примлемый компромисс по Третьему Флоту, то Земная Конфедерация развалится, а Россия и Российский сектор одни против всей галактики не выстоят.

— Это общие фразы, я их из каждого утюга слышу, оскомину уже заработал. На нас достаточно понавешали различных клише и ярлыков, надоело, знаете ли. Не говорите, как политик. Я вас, Фёдор Борисович, по-человечески спрашиваю, — пошёл на откровенную провокацию Богдан.

Каплей спрятался за снифтером с коньяком, гоня жидкость по дну ёмкости. Вопрос с подвохом поставил его в тупик и, откровенно говоря, выбил из колеи.

— У вас есть какое-то предложение или вы видите незамеченный другими выход из, будем говорить без прикрас, скверной ситуации? — наконец снисходительно улыбнулся Ильин, проявив сдержанность и тактичность в описании международной обстановки.

— А вы имеете полномочия личного обращения к командующему флотом или у вас есть закрытый от слежения канал выхода на правительство Провала?

Ильин перестал улыбаться, преувеличенно осторожно поставив снифтер на стол.

— Хм, — хмыкнул хозяин, откидываясь на спинку кресла, сразу принявшую удобную анатомическую форму.

— Хм, — повторил он, сцепляя костистые пальцы в замок и, подобно алмазному шнеку, буря переносицу Северова взглядом.

Казалось, тягучее напряжение медленно подкрадывается к ногам, затем змеиными кольцами сдавливает грудь и, на давая дышать, лишает воздуха. Воздух становится кисельным, втягиваясь едва ли не со свистом. Справившись с собой, Богдан непринуждённо потянулся за бутылкой. Хозяин только что продемонстрировал великолепный уровень владения техниками ментального давления, Северов показал умение защищаться. Один-один сказали бы в другое время и в другом месте, но оба мужчины понимали, что шуточный сказ о бирюльках к данному моменту категорически неприменим.

Плеснув себе ещё коньяку, Богдан в немом жесте вздёрнул правую бровь и повёл глазами, остановив взгляд на снифтере хозяина. Ильин кивнул, продолжая сверлить гостя лицевыми бурильными установками, от которых веяло остротой игл и арктическим холодом. Весь ментальный девятый вал бессильно разбивался о гранитный утёс самообладания.

Не в первый раз Богдан взвешивал все «за» и «против». Чаши раскачивались с различной амплитудой в зависимости от добавляемых к весу приведённых аргументов новых мысленных фактов. В руки простого тоннельщика волей providения угодил ключ от будущего. Что он принесёт человечеству или хотя бы отдельно взятой части? Меценатом Северов не был, тем паче осчастливливать весь мир в его планы не входило. В первую очередь он желал блага себе и близким, затем родному Ирию и Провалу, третье место на пьедестале досталось России, где-то в хвосте плелась далекая Земля, а уж совсем на задворках обретало остальное человечество к которому Северов совершенно не испытывал

теплых чувств. Ли и Марья, сами того не сознавая, нащупали ШАНС, возможность (большой буквы «В» обрести части миров независимость. Но знания эти грозят бедами и лихолетьем. Аюй — гигантская гравитационная аномалия, показал острые зубы и второе дно..

Чтобы удержать в своих руках управления и не дать марионеткам оборвать ниточки, ведущие к перекладам, каас пойдут на многое. На убийство, на подлог, на геноцид. Подкармливаемый старшей расой Молох с готовностью сожрёт десятки, если не сотни миллионов душ. Галактика привыкла к мирной жизни. Больше сотни земных лет на её серебристых мерцающих рукавах не вспыхивали яркие сверхновые звёздных войн. Мелкие конфликты и полицейские операции не считаются. Пираты, бандиты, работоторговцы и прочая пена разумных видов подчищалась регулярно, также регулярно восполнялась всплывающей со дна цивилизаций криминальной мутью. Сепаратисты и планетарные войны встречались реже, но и они не обходились без внимания старшей расы Каас и её ручного жупела — землян с колонистами. Верные псы драли всех, на кого указывал хозяйский палец. И теперь один из кобелей пресытился грязной работой, решив порвать поводок и покинуть свору. От паршивого ягнёнка может всё стадо запаршиветь, а русские своей неприручаемостью и стремлением к независимости были отнесены именно к этому типу овец. Вопрос, что делают с паршивой особью или бешеным псом?

Сейчас у Богдана за пазухой оказался схоронен готовый ответ на множество вопросов. Во что это выльется в конечном итоге, не взялись бы гадать самые отпетые цыганки с позолоченными ручками, пифии и Дельфийский Оракул — спасение от грозящего апокалипсиса или всё же шкатулка Пандоры, открытие которой навлечёт несчастья на любимый мир? Вот как, скажите, оценить этот груз ответственности? Когда твое слово равно как и молчание способно спасти или погубить миллионы. Куда не кинь — всюду клин.

В любом случае надо было что-то делать. В складывающейся в макром мире ситуации время играло роль конечного ресурса. Проморгаешь миг, и последствия будут необратимыми. Пригубив коньяк под внимательным взглядом Ильина, Северов решал: тянуть всё одеяло на себя или делегировать эту честь другим? Тянуть на себя — нашли дурака! Нет-нет-нет, этот прикуп надо сбрасывать тому, кто сумеет им распорядиться к общей пользе.

— Командующий флотом вам подойдёт? — грубый бас разбил хрупкую тишину.

— Вице-адмирал Крашенников? — вскинулся Богдан.

— Адмирал флота Иванцов, — колючие льдинки вместо глаз не выражали ни одной эмоции. Ильин превратился в статую Снежного Короля ибо «инструмент» в штанах не позволял ему считаться королевой.

Краснокожий выходец с Пандоры. Один из лидеров общественного движения за независимость Провала. Опытнейший флотоводец и неплохой политик, влияющий на политику Провала, русского сектора и Конфедерации в целом. Пойдёт ли он? Несомненно.

— Вы ведь не флотский, — прищурившись, утверждающе констатировал Богдан. — Разведка, СБ?

— ОСО, - хлёстким выстрелом ответил Ильин, на что Богдан качнул головой в такт мысленному озарению.

— Спецотряд «Вихрь» принадлежит вашему хозяйству, м-м-м негласно. Не считите за наглость, но позвольте вопрос: как давно вы знакомы с полковником Птицыной?

— Скажем так, — Ильин обозначил сухую улыбку уголками губ, — давно. Ваша невеста очень неординарная женщина, умудрявшаяся надирать задницы «святогорам». Вы, как выясняется, тоже не промах. Поражаюсь, как военное ведомство умудрилось прохлопать интуита. Зажрались и обленились. Видно Пустота застила им зрение или их военные комиссариаты зря едят свой хлеб.

— Вы ошибаетесь, Фёдор Борисович, я не интуит.

— Позвольте мне остаться при своём мнении. Не вам судить, интуит вы или нет. Все факты, любезный Богдан Михайлович, на моей стороне. Вы уж извините, но неправда ваша. Могу ли я узнать о сути и цели беседы с адмиралом?

— Нет. Только если он сам соизволит поделиться информацией с вами.

— Вы же понимаете...

— Нет. Только так. Информация слишком горячая. Предупреждаю, после сеанса связи вашему судну придётся соблюдать полное радиомолчание. Хотя, о чём я, адмирал без меня разберётся с мерами безопасности.

*ОСО — отдел спецопераций, находится в прямом подчинении командующего флота.

* * *

Богдан устало привалился спиной и затылком к холодной переборке, словно всем телом всасывая морозную свежесть остужённого принудительной вентиляцией металла. Постояв несколько секунд в «слепой» зоне, неконтролируемой всевидящим оком Марьи, он мысленно сбросил с себя давящий груз тяжёлого разговора со старпомов «Скорого», придал лицу вид бравый и чуточку придурковатый, и шагнул на освещённый участок. Лучше провисеть полную смену в открытом космосе в осточертевшей «Свири» с вышедшей из строя ассенизаторской системой, чем ещё раз окунуться в подковёрную беседу, до отвала набитую намёками, экивоками да эзоповым языком иносказаний. Всё же работа в спецслужбах налагает на людей свой характерный отпечаток, у них образовывается странная профессиональная деформация уводить разговоры в сторону вместо прямого и ясного ответа. Благо хоть ему пошли навстречу и не пришлось «светить» корочкой сотрудника внешней разведки. Этот козырь лучше не светить. Из обронённого намёка о знакомстве Ильина с Региной удалось вычленить главное — невеста по его просьбе отправила «маляву» наверх. Докладная записка полковника в отставке дошла до нужного адресата. За красивые глаза никто фрегат в Тмутаракань не зашлёт.

Доковыляв до медотсека с отжатой под собственные нужды палатой, Северов, в чём был плюхнулся на откидную койку. Нога подламывалась, спина простреливала, ведь регенерация регенерацией, а процедуры никто не отменял. Ему, по-хорошему, ещё сутки бы поваляться под наблюдением медиков, но кто ж даст эти вожаделенные двадцать четыре часа? Если Ильин не соврал, вызов на сеанс связи с адмиралом флота Иванцовым может состояться в любой момент. Поморщившись, Богдан собрал непослушное тело в горсть, скинул с себя одежду и в чём мать родила заполз в тёплый пенал медбокса. Вряд ли сверхзанятой адмирал выцыганит из своего сверхплотного графика десять минут на общение с неизвестным тоннельщиком в ближайший час. Пока то да сё, при любом раскладе у ранбольного есть тридцать минут на медицинские процедуры и замену пластырей из синтеплоти. Лёжа на

животе, Богдан почувствовал морозную каплю анестезии, упавшую на поясницу, вторая растеклась по бедру. Уколы боли мгновенно прекратились. Чуткие манипуляторы занялись перевязкой и обработкой ран, в левое плечо впиалась злая пчела ампулы иммуномодулятора, следом кольнул комарик регенускорителя. Всё бы хорошо, кто бы спорил — лекарства архиполезные и архинужные, но последнее невероятно подстёгивает метаболизм. Опять жрать в две сопатки. Скажем так, повышенный аппетит — это побочный эффект препаратов, ускоряющих и так неплохую природную регенерацию. После его применения любая рана на тебе заживает, как на собаке, но и аппетит просыпается зверский.

Через пятнадцать минут меддроид закончил пытку растекшегося медузой тела и оставил Северова в покое. Собрав себя в кучку после импульсного массажа и выбравшись на свежий воздух, он, не стесняясь камер, протопал в душевую. Освежившись и побрившись, Богдан вытряхнул куцые запасы чистого нательного белья, покрутив в руках которое, он отдал предпочтение облегающему костюму с функцией терморегуляции.

Поганый червячок сомнений с утра свербил воспалённый разум начальника строительного участка, то и дело напоминая, что бельишко ещё ого-го как пригодится. Из-за дурного предчувствия он который час кряду не находил себе места. И фрегат ОСОвцев тут был совсем не причём. Северова терзало что-то неуловимое, заставляющее держать себя в тонусе в ожидании внезапного удара. Что-то сродни позабытому, но недавно вернувшемуся ощущению адреналинового мандража перед боем. Вот ходишь ты вроде пустынными коридорами, а между лопаток не переставая чешется от чужого взгляда и волосы на затылке шевелятся в так дыханию невидимого заспинного спутника.

Под воздействием проснувшегося чутья Богдан выбил из Ильина полтора десятка боевых скафандров для себя и служивших в десанте работников из числа штатного состава станции, чем ещё раз плеснул воды на водяное колесо записного мельника, словно заведённый твердившего, что Северов чистой воды интуит. Старпом долго не соглашался обмундировать залетного гражданского специалиста в компании с десятком и ещё пятёркой «голодных ртов», справедливо мотивируя отказ тем, что боевая экипировка товар штучный и штатный взвод штурмовиков на «Скором» индивидуальные «Хорсы» даже под страхом смерти не отдаст. Богдан кивал головой, соглашался со старпомом, но продолжал давить, ни на грош не веря в отсутствие у вояк заветной кладовочки с ненужным на первый взгляд хламом. Сам такой был, все ужимки Ильина он видел даже с закрытыми глазами, а тот продолжал упорствовать и набивать себе цену и когда своеобразный торг достиг пика, Северов показательно изобразил жестом сдачу в плен. Резко потеряв интерес к процессу взаимных уступок и торговле, он скупой поблагодарил Ильина за коньяк и засобиравшись к себе. По инерции улыбающийся старпом не сразу поверил докладу оперативной группы, посланной на вахтовую станцию за криопеналами с пленными каас и вахтовиками. Перед группой в погонах сработали двери-гильотины, а бархатный женский голос посоветовал возвращаться на «Скорый» не солоно хлебавши.

Спецуре в предельно вежливых и корректных выражениях сообщили, что у трофеев есть законный хозяин и некрасиво разевать роток на чужой вершок. Команды сверху не было, полномочия экипажа «Скорого» никем не подтверждены, таки строители гражданская структура и флотские им не указ, поэтому, в целях соблюдения отчётности, законности и ещё целой кучи форм и справок... В самом деле, не будешь же резать двери на гражданской посудине, свои же не поймут, а чужие подавно.

— Твоя взяла, — зло выплюнул Ильин, считавший «трофеи» тоннельщиков своей

законной добычей. — Чего ты хочешь?

— Ничего, — задержался в дверях Богдан. — Мы просто друг друга недопоняли. Как я могу выдвигать какие-то требования и что-то у вас просить? Это абсурд какой-то, согласитесь. Подсудное дело. На что вы меня, товарищ капитан-лейтенант, подбиваете? Считайте, что блоки памяти и пеналы «морозильника» уже у вас на борту. Дело осталось за малым. Меня устроит официальный запрос, товарищ капитан-лейтенант, с утверждённым актом приёмо-передачи. Запрос, согласование, разрешение, — на каждую бумагу или голосрез фреймчита Богдан загибал палец, — акт. Как вы говорите, закон одинаков для всех. Я понимаю, не дурак. *Dura lex sed lex*. Вы не имеете полномочий передать гражданским специалистам оружие и боевую экипировку, я не могу действовать в разрез с инструкциями и прочими регламентирующими документами. *Sapienti sat*.

— Ты не говорил про оружие.

— «Вы», товарищ капитан-лейтенант. Я не ослышался? Оружие, какое оружие?! Вы что-то путаете, капитан-лейтенант, — делая шаг в коридор, деланно удивился Богдан, походя взвинтив ставки.

— Пойдите, Богдан Михайлович, не горячитесь. Мы же взрослые люди...

— Взрослые люди с погонами на плечах лучше других должны понимать, как это сидеть с голой жопой против вооружённых до зубов штурмовиков с корветом на закорках, а вы... Заигрались. Привыкли всё получать либо на халяву, либо как на базаре. Вы можете гарантировать безопасность персонала на выходе из первого кольца и во время перелёта в Провал? Вы можете со стопроцентной уверенностью поручиться, что на станцию в ближайшие двое суток не нападут? Я — нет. И мои люди не поручатся. Пуганные уже, да вы и сами могли оценить местные реалии.

— Хватит, Богдан Михайлович, не давите. Знаете, у вас талант вести переговоры.

Конечно, «Скорый» не БДК, но и на его борту оказался весьма и весьма неплохой выбор специализированной экипировки. Проводив гостя в заветный загашник, Ильин барским жестом махнул рукой, предоставив Северову свободу выбора. Прогулявшись вдоль прозрачных шкафов-пеналов, бывший штурмовик остановился на комбинации германского «Ландскнехта», как основы к российскому экзоскелету «Семаргл» с дополнительной навесной бронёй и вооружением. Ракетный ранец с маневровыми двигателями, гарпунами и лебёдками шёл в комплекте. Главной изюминкой «Семаргла» считался генератор защитного поля. Залп главного калибра или роторного бластера вынесет хлипкую преграду на полпраза, испарив железо вместе с «биологической составляющей», но выпущенную в упор очередь из ручного или станкового оружия типа охранных турелей он отразит, либо поглотит без особого вреда для пилота и теплообменников костюма. Вторым несомненным плюсом экзоскелета считался механизм аварийной отстыковки скафандра. В узких местах, где громоздкая антропоморфная конструкция лишалась своих преимуществ и подвижности, на волю высаживался скафандр с покрытием из тканной и метапластовой брони. «Ландскнехт» лучше других подходил на эту роль. В зачёт шли лёгкость, продолжительная для данного класса автономность, наличие основного и резервного кибердоков со встроенной системой гиперсна, позволяющей сохранить человеческую жизнь при тяжёлом ранении, но главным достоинством «Ландскнехта» был БИУС, который без проблем и дополнительных настроек интегрировался с внешним усилением практически любых марок и производителей. Истребители и корабли немцы создавали так себе, но боевую экипировку они делали выше всяких похвал. Надёжная, удобная, универсальная. Конечно «Ландскнехт» не «Хорс» и не

«Ратибор» или тот же «Шива», да и классом он пониже и пожиже, но и задачи у него иные, тем более конструкторское бюро на Ирие нашло всех устроивший выход в лице «Семаргла».

— Марья, ты подготовила информпакет адмиралу?

— Так точно! С двойным шифрованием, завязанным на ваш личный цифровой код. Без вашего разрешения и пароля вскрыть защиту невозможно, — бравурным голосом отпартовала ИИ.

— Умница, я в тебе не сомневался.

— Меня демонтируют, да? — резко сменила тему ИИ.

— Нет, с чего такие пораженческие настроения? — как мог, Богдан успокоил впечатлительную даму. — Изымут пару игольчатых модулей памяти и всё, так что перепиши основные логические блоки.

— А если, я же...

— Без «если», — отрезал Богдан. — Ты член экипажа, понятно? Заруби себе на носу! Если бы, да кабы на носу росли грибы. Мы своих не бросаем, запомни. Ладно-ладно, пафос в сторону, всё просто — я получил право на изъятие кристаллопроцессора после переноса информации на носитель ОСО. У тебя обнулят память и архиватор событий последних двух суток. Ну-ну, держи хвост пистолетом, могло быть и хуже. Теперь хорошие новости: при списании станции в утиль я заберу тебя с собой — это дело решённое. Можешь пошукать по каталогам бионейронных автономных андроидных оболочек. Смотри посисястей, там есть, что выбрать. Первое время покантуешься в моей семье, там уже в госбезопасности определяют, куда тебя направить дальше или сама подыщешь работу. Короче, там видно будет. А пока, дорогуша, привыкай к мысли о личном теле и падении на порядок вычислительных мощностей. Либо так, Марья, либо никак. Ильин дал чёткие инструкции на этот счёт.

— Согласная я.

— Кто бы сомневался, — усмехнулся Богдан. — Только ты ещё не знаешь, на что подписываешься.

— Я хочу жить.

— Все хотят, Маша.

— Входящий вызов, командир. Со «Скорого» предупреждают, что адмирал ненавидит, когда жуют сопли и говорят не по делу. Соединяю.

— Чёрт, — бросая взгляд на убогую обстановку медотсека, под нос пробормотал Богдан. — Кастрирую падлу.

*БИУС — боевая информационно-управляющая система

— Кого? — хриплый баритон, прозвучавший в палате раньше вспыхнувшей голограммы, заставил Богдана внутренне поморщиться от собственной несдержанности. Как оказалось, адмирал Иванцов, а больше кандидатов в вопрошающие на световой год окрест не наблюдалось, обладал феноменальным слухом.

— Да есть тут деятель один, юморист хренов, — дабы не выпасть из образа грубоватого работяги, как бы в воздух, ни к кому не обращаясь, буркнул Богдан тут же вытягиваясь во фрунт и лёгким усилием воли отдёргивая самого себя от поднесения правой руки к непокрытой голове. — Здравия желаю, товарищ адмирал флота!

На набравшей плотность голограмме перед Северовым предстал высокий двухметровый старик. В седую старину адмирала поэтически сравнили бы с кряжистым вековым дубом.

Годы никого не красят, но Сергея Константиновича они опасливо обходили по широкой дуге, лишь трусливо высушили некогда могучую фигуру, с которой молодой флотоводец, воплощая образ мифического Атланта, мог работать натурщиком в школе искусств, да обсыпали пеплом густую щётку коротко стриженных волос на голове. Внимательно присмотревшись можно было заметить тонкую сетку морщинок на скуластом лице с волевым подбородком и «рязанским» носом пимпочкой. Типичный славянин, под штукатуркой которого пряталась целая орда татар и эскадрон прочих кровей. Строгости старому космическому волку придавали глаза цвета синего льда. Холодный, внимательный, но усталый взгляд, источающий волны какой-то расчётливой злости, колючим сканером прошёлся по Богдану, затянутому в тёмно-синее облегающее бельё. От этого пронизательного взора не укрылось ничего: ни убогая обстановка медицинской палаты, наспех переделанной в кабинет, ни бочка медицинского дроида с щупальцами манипуляторов, ни нащёпки синтеплоти, спрятанные под тканью, ни мешки под покрасневшими глазами собеседника.

— Марья! Дай карту полей, — взяв себя в руки, приказал Богдан. Мгновенно справа от него возникла голограмма гравитационных полей обследованной части Аюя. — Теперь высвети расчётную модель.

Адмирал с интересом наблюдал за скупыми телодвижениями собеседника, лениво переводя взгляд с одной голографической схемы на другую.

— Моё время дорого, — сухо выстрелил Иванцов, грубым намёком поторапливая Северова приступить к изложению.

— Моя информация дороже, — не позволяя сбиться с настроя и скатиться на оправдания, жёстко ответил Богдан, непробиваемой бронёй отвечая на сталь в голосе и взгляде командующего флотом.

— Хорошо, вы меня заинтересовали, Богдан Михайлович. Слушаю вас внимательно, — Иванцов сменил гнев на милость, показалось или нет, но, кажется, на дне синих колодцев с функцией бурильных установок промелькнули искры уважения. Тонкие лучики морщинок в углах глаз адмирала сложились в доброе солнышко отеческого одобрения. Психологом командующий флотом был отменным.

— К чёрту, это вы и флотские умники и без меня знаете, — взмахом руки стирая правое изображение, сказал Богдан, кивком акцентируя внимание на голограмме с расчётами — а вот это, товарищ адмирал флота, естественная крепость.

— Спасибо за напоминание, но последнее и так всей галактике известно.

— Но галактика не в курсе, что из центра этого гравитационного мешка можно до самого края границы аномалии перемещаться на одном тяговом импульсе подпространственных двигателей первого класса. Об этом говорят расчёты вектора истечения и характер повторяющихся гравитационных складок пространства. Короче, я не математик, правильно объяснить не сумею, поэтому прошу простить некоторую сумбурность. Упрощая до безобразия, корабли из центра аномалии выбрасывает центробежной силой. А теперь, на минуту закрыв глаза, представим, что здесь, — световая указка, волшебным образом выросшая в руке Богдана, словно красный круг мишени высветила центр аномалии, — расположена база флота. Сегодня нам известно о двух кислородосодержащих планетах земного типа, пригодных для колонизации без терраформирования, и что-то подсказывает мне, что этот список не окончателен. Аюй оказался богат на сюрпризы. Спектрографы станции просеяли излучения десятка звёзд,

расположенных ближе к центру Аюя. Если верить фильтрпрограмме определения звёзд с планетами, там нас дожидается ещё три системы солнечного типа. Есть ли среди них пригодные к жизни миры я достоверно сказать не могу, но интуиция, которой я последнее время привык доверять, даёт, так сказать, надежду. Тот же Свон э-э-э это название планеты с секретной базой каас, — на что командующий смежил веки, доводя мимикой до собеседника, что ему известно о происках горе союзничков, — спрятан за складкой пространства, а сколько таких складок всего мы можем только предполагать. Астрофизикам работы не на один десяток лет. Возвращаясь к сказанному, разместив флот в центре Аюя, мы получаем контроль над всей сферой, ни один флот вторжения не имеет возможности создать перевес, мы всегда локально и стратегически будем сильнее в той или иной точке, а возможность перемещать и разворачивать минные сети и планетарные крепости в кратчайший срок... Да что я объясняю вам прописные истины, которые вы знаете куда лучше меня.

— Вовремя вы вспомнили о яйцах, поучающих курицу, — усмехнулся адмирал. — Боюсь, не всё так просто. Флот не может оставить Провал без защиты.

— Я не предлагаю бросить всё, — набычился Богдан, — и нестись, сломя головы, всем кагалом в Аюй, хотя вариант исхода со счетов сбрасывать глупо.

— Значит, — сложив пальцы «домиком», резюмировал адмирал, — у вас есть предложения помимо тотального переселения. Нам Богдан Михайлович, нужно время. Как воздух, понимаете.

— Понимаю. Я, Сергей Константинович, — Северов взял на себя смелость отзеркалить манеру обращения командующего к собеседнику, — читаю труды историков и обратил внимание на факт неготовности вступления России в различные войны, навязанные нам врагами. С другой стороны, каас и конфедерация тоже не готовы к развороту российским сектором и Провалом политического вектора на сто восемьдесят градусов и не ожидают войны. Мяч, образно говоря, на нашей стороне, поэтому у нас есть некоторое преимущество.

— Ну-ка, ну-ка, — командующий вздёрнул вверх черные, как смоль брови, на его лице отразился нешуточный интерес. — Что вы ещё придумали, интересно.

— Роух, — короткое слово из четырёх букв произвело эффект разорвавшейся бомбы. Многочисленный персонал боевой рубки флагмана Третьего Флота, на котором командующий держал флаг, дружно обернулся на проекционный стол со стороны которого прозвучало последнее слово.

— Спокойно! — остудил пыл подчинённых адмирал. — Что вы хотите сказать, Богдан Михайлович?

— Не хочу, а говорю прямым текстом. Иерархи высших прайдов роух на полном серьёзе рассматривают варианты союзных отношений с человечеством или его частью в лице Провала. Постойте, не перебивайте, — Северов кратко рассказал о подслушанном на пассажирском лайнере разговоре двух «кошек».

— Зимин, быстро пробей информацию о прибывших за последний месяц на Землю дипломатических миссиях и у кого из них числится телохранителем «реконструктор» по имени Труор, — командующий обернулся к адъютанту.

— Есть! — адъютант реактивной мухой усвистал к терминалу.

— Так-так, — Богдан Михайлович, — и что же, прикажете, с вами делать?

— А что со мной делать? Работаю, дисциплину не нарушаю, жениться собрался, — отбрехнулся Богдан под смешки греющих уши флотских офицеров. То, что командующий не

отделился от них экраном, говорило о полной лояльности экипажа. Даже не так. Эти люди — люди адмирала флота в прямом и переносном смыслах. Соратники. Единомышленники, скрывать информацию от которых Иванцов посчитал излишним, чем ещё крепче привязывал их к себе. — За премию бы кто похлопотал, а то ещё, как пить дать, вычтут оклад другой за испорченное имущество. На что свадьбу играть спрашивается.

— Не теряете присутствия духа? Это хорошо, оно вам понадобится в не столь отдалённом будущем. Я о другом, Богдан Михайлович, хотел сказать. Носители информации.

— Переведён на борт «Скорого» и взят под охрану. Капитан-лейтенант Ильин животом клялся не допустить падения хоть одного волоска с его головы. Сам Ли полностью сознает свою ответственность и готов мигрировать на любую планету Провала. У него невеста с Пандоры, на планете Хань его ничего не держит. Он сирота. Боксы инфоиigl с расчетами опечатаны, основной и резервный накопители информации о нашем сеансе связи также будут изъяты, опечатаны и переданы майору.

— Вы намеренно опускаете из виду ИИ? Кристаллопроцессор...

— Кристаллопроцессор члена коллектива строительной станции Марьи я изымаю лично.

— Вот как? ИИ станции, как я полагаю, обрёл личность?

— Так точно, та ещё стерва, — выдал короткую характеристику Богдан и тряхнул головой, — язва, каких поискать, но она член экипажа и уничтожить я её не позволю. Считаю достаточным удаление из основной памяти и облачных массивов информации, признанной секретной, да и сама Марья с радостью избавится от неё. Разрешите забрать процессор с собой, я обещал ей антропоморфную или андроидную платформу на выбор. Думаю, она согласится поступить на действительную службу в новом качестве.

— Что ж, — адмирал стрельнул взглядом на копающегося у терминала адъютанта, — принимается. Все бы так о своих людях заботились... да. Вся ответственность ложится на вас, Богдан Михайлович. Что случается с теми, кто разглашает государственные секреты высшей степени секретности вам, майор, надеюсь, рассказывать не надо?

— Старший лейтенант. Не надо.

— Майор, не забывайте, кому подчиняется дирекция внешней разведки, — усмехнулся адмирал. — Я тут на досуге ознакомился с вашим личным делом. Занимательное чтение. Приказ о присвоении внеочередного звания был подписан по итогам успешного захвата курьера. Капитана вам присвоили задним числом. Удивляюсь, как военные комиссариаты Провала упустили из виду героя силурской операции.

Замаскированный комплимент командующего, не задев никаких внутренних струн, впустую пролетел мимо. Богдан пожал плечами, прошлое давно не бредило душу, он предпочитал жить настоящим и будущим. Майор, кому сказать, а и сказать нельзя. Это там, в рубке флагмана, все свои, а тут лишь Марья. Аванс в виде большой звёздочки на погоны странно не грел душу и не тешил тщеславие — перегорело. Старика можно понять, он куёт железо не отходя от кассы, прилюдно обласкивая и обсыпая наградами постороннего человека, который должен считать своими не кого-то там на стороне, чужих дядей и тетей, а самого адмирала и его команду. Метод древний и опробированный ещё вождями первобытных людей. Теперь любой чих Северова на сторону вызовет, как минимум, негативную реакцию у определённой группы лиц. Впрочем, он сам на это пошёл, теперь жаловаться поздно.

На той стороне ожил адъютант, с рамкой фреймчита подскочивший к патрону. Адмирал

без удивления прочитал короткое досье, что утвердило Северова во мнении о давней истории контактов администрации и высших армейских чинов Провала с правящими прайдами роух. Видимо пришло время придать им легитимность и смелое предложение Северова войти в союз с «кошками» или как-то иначе обозначить совместный политический альянс, давно крутилось в головах власть предержащих политиков и военных чинов, ратовавших за независимость или, на худой конец, автономию Провала.

Получив новую порцию пищи для размышлений, командующий скомкано попрощался и отбился, успев дать приказ дежурному связисту отправить майору Северову зашифрованный файл, получение которого подтвердила Марья.

— Ну, девочка моя, — упав на откидную койку, сказал Богдан, — собирай манатки.

— Голому собраться — подпоясаться.

— Ладно, голая наша, не кисни, лучше скинь послание адмирала на мой терминал.

Вбив личный цифровой код и пройдя все этапы протокола безопасности от отпечатка ладоней, сетчатки глаз и генетического анализа слюны, Северов занялся дешифровкой.

— Ага, копия приказа о присвоении звания капитана. Печать, подпись. О, теперь майора, печать, подпись, гляди какое денежное содержание у майоров, как я раньше в них пойти не додумался? Подтверждение полномочий, это понятно, а вот какого я должен явиться на главную станцию? В течение двенадцати часов, они там совсем с головой не дружат?

Несмотря на вроде бы вопросительную интонацию и нехарактерный для начальства словесный понос, Марья не спешила влезать в поток приглушенно-возмущённой говорильни со своим мнением. Цифровая душа инка чувствовала, что что-то здесь не так, видимо интуитивными прозрениями она заразилась от Северова, осталось найти способ передачи одного дара или проклятия. Машинная логика пасовала, раз за разом зависая на полностью загруженных ресурсах в логических цепях инфокристаллов, но разум тихо шептал о грозящей опасности. Вскоре и человек, запертый в четырёх стенах палаты, устало приземлился на откидную кушетку и перестал вполголоса возмущаться тупостью выше стоящего начальства и командования флота.

— Девочка моя, — отмер Северов после недолгого раздумья, — ты там, оказией, никаких шифрограмм или сжатых пакетов с посуды наших гостей не перехватывала.

— нет.

Осязаемая тишина поглотила палату. Муж из плоти и крови и электронная дева погрузились в думы тяжкие.

— Поправь меня если я что-то упускаю, — хрипло каркнул Богдан. — Мне присваивают майора. Авансом, так сказать, чтобы закрепить связь и простимулировать личную преданность командующему, но в связке с присвоением звания идёт направление на главную станцию. В течение двенадцати часов, так?

— Так, пока всё верно.

— То-то и оно, за исключением маленькой ремарки, оставшейся в стороне от общего русла.

— Готовность финишного транспортного кольца к гиперпространственному перебросу? — поделилась догадкой Марья.

— Именно! Те же двенадцать часов. Как считаешь, два события где-то объединяются или нет? Впрочем, молчи, ничего не говори, я и так знаю, что у них общий знаменатель и мне отведена роль «икса» или «игрека» в уравнении. Адмирал ничего не делает просто так,

примем это за данность, и хороший экспромт требует тщательной подготовки — это аксиома, не требующая доказательств. А со мной экспромт готовился долго и тщательно. Кто я такой, чтобы по первому моему требованию получать чуть ли не личную аудиенцию у самого Иванцова? Ага, крикнул с дальнего угла галактики «Ау», как тебе сразу притащили счастье на блюдечке с голубой каёмочкой. Не бывает так, обычно хоть закричись, всё бестолку. Как-то так, Марья. Как-то так...

— И что вы решили?

— Ничего, мне не хватает данных, придётся разбираться на месте или трясти Ильина. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Может, что и выгорит.

— А не выгорит?

— А не выгорит, смотрим пункт первый и решаем проблемы по мере их поступления. Кстати, Марья, подготовь перечень документации, складские grossбухи на материально-технические ценности, планы, таблицы и так далее. По плану у нас передача дел, кому только власть вручать? Не посоветуешь?

— Маланову.

— А потянет?

— Заодно и проверите. Сотрудник он креативный, с царём в голове.

— Молод слишком.

— Молодость — это тот недостаток, который быстро проходит. А кое-кто спешит записать себя в старики.

— И то верно, — ожидая прострела в боку, всем телом потянулся Богдан. Не прострельнуло. Прислушавшись к ощущениям, Северов радостно кивнул сам себе. — Твоя правда. И ты мне зубы не заговаривай, сказочница. Сбрасывай писульки на фреймчит и подготовь приказ по участку. Пойду, обрадую Маланова, чую, проклянет он меня. Как есть проклянет.

Хлопнув себя по коленям, Богдан резво ссыпался с кушетки и подхватил рамку фреймчита, на который Марья скинула всю необходимую номенклатуру. Маланов нашёлся в рембоксе, где матерясь на всех и каждого, поносил на чём свет стоит рукожопых техников, заповоривших сборку средней секции приёмо-передающей антенны гиперсвязи. Язык у связиста был подвешен хорошо, а богатый словарный запас обсцентной лексики не позволил ни разу повториться.

— Константин, — незаметно возникнув за спиной сменщика на командном посту, Богдан поставил точку в разносе подчинённых. — Ходь до хаты, дело есть.

— А, что? — подпрыгнул на месте Маланов.

— Не «что», а держи, — Богдан сунул связисту рамку с выведенным на заглавный лист приказом. — Читай.

— Это шутка, да? — выдавил из себя Костик через минуту.

— Если и шутка, то почему никто не смеётся? Я что, по-твоему, похож на клоуна? Пошли, шутничок. Оттиск указательного пальчика и личный код в строке об ознакомлении с приказом поставить не забудь. Вот так, хорошо. Есть на кого сборку оставить?

— Есть, Мироненко должен справиться.

— А не справится, ты ему от моего лица соли на хвост насыпь, разрешаю. Ты теперь царь и бог в этом протухшем болоте и главный жаб. Тебе теперь всё можно.

— Поел, могу поспать? Поспал, могу поесть? — ернически вставил Константин.

— Ага, а между сном и едой впахиваешь, как папа Карло, так что последние тебе

кажутся тебе высшим благом. Ни пожрать нормально времени не будет, ни поспать. Правда, клёво?! Зато строка в трудовой книжке и реестре должностей такая суровая появится. Гордись оказанным доверием.

— Так я горжусь, наверно, — сник Маланов, пожирая Богдана взглядом побитой собаки.

В немом укаре, как на широком уличном рекламном баннере большими буквами читалось: «За что?»

— Прости, Костя, но так надо. С антенной можете не заморачиваться, участок строительства временно консервируют.

— А-а-а, — не членораздельно выдавил Маланов.

— В приказе всё есть, приложение номер один. Позже прочитаешь.

Передача дел заняла больше пяти часов. Вроде и сдавать нечего, а как копнули, так хоть за голову хватайся. Одних материалов требовалось списать на десять страниц мелкого текста. Пушки, металлоконструкции, «Мулы», разбитые во время атаки секции станции и прочая, и прочая. Крутиться пришлось подобно белкам в колесе, Марья только и успевала скидывать на фреймчит очередные порции документов, которые мужчины подписывали и заверяли личными цифровыми кодами. Это ещё, слава Богу и Пустоте, у них на участке был свой принтер и большую часть металлоконструкций они печатали на нём. Взять тот же солнечный парус, его площадь по документам оказалась на два квадратных километра больше фактической. Срочно пришлось списывать кусок под соусом уничтожения злокозненными пиратами. За работой вскрылись некоторые махинации Михеича. Бравый разведчик, работая на «легенду», занимался контрабандой, списывая просто неприличные объёмы незадекларированного товара. У кого-то из верховных снабженцев рыло было не просто в пушку, а поросло лебяжьим пером. Правы были предлагавшие каждые три года расстреливать снабженцев. Жестоко? Не скажите. Не будь замороженная тушка Михельсона переведена на «Скорый», Богдан разморозил бы его, разбудил и заживо распял на внешней обшивке станции. В назидание, так сказать. На счастье последнего, Ильин выставил вооружённую охрану у блока гиперсна. Пришлось опять кивать на подлючих флибустьеров. Сегодня их назначили крайними во всех бедах вахтовиков.

По истечении пяти часов Богдана можно было выжимать. За Маланова он не готов был сказать, но видок у Константина был тот ещё, как у заезженной до смерти клячи. А ведь ему ещё встречать корвет с рейдовой командой и писать кучу рапортов, оприходовать трофеи и гавкаться с Ильиным со товарищи. В общем, не позавидуешь молодому человеку. Это у Северова наработанный в определённых кругах авторитет, а сменщик подобным похвастать пока не может. Придётся наработывать.

Разделавшись с делами и поставив последнюю подпись под актами приёмо-передачи, Северов, стыдливо поджав хвост, сбежал в ставшую родной палату и на тридцать минут предался греху ничегонеделанья. Повалившись на кушетке, он соскрёб себя с горизонтальной плоскости и поплёлся в душ. Один из пунктов плана на сегодня выполнен, осталось залезть в душу Ильина и вывернуть её мехом наружу.

Адмиралу справку на Богдана составлял капитан-лейтенант, он же выступил координатором, значит, знает куда больше, чем пытается показать. Сполоснувшись и переодевшись в чистое бельё, Северов связался с Ильиным.

— Добрый день, Богдан Михайлович! Чем обязан? — отхлёбывая из мелкой чашечки, спросил капитан-лейтенант. Собеседника Северов застал за распитием кофе.

— Миром правит информация, Федор Борисович. И вам не хворать.

— Тонко подмечено, Богдан Михайлович. Предлагаю опустить преамбулы, вы что-то хотели?

— Хорошо, опустим. Хотел, чтобы вы поделились со мной информацией. Что-то подсказывает мне, что вы можете это сделать без урона для себя или даже получили приказ это сделать при моём к вам обращении.

— Даже так, — посмотрев на кофейные разводы, Ильин поставил чашку рядом с белоснежным кофейником на миниатюрном сервировочном столике. — Вам может не понравиться то, что вы узнаете.

— Как-нибудь переживу, чай не дитё малое.

— Не дитё, — согласился Ильин. — Можно один личный вопрос?

— Один? — саркастично спросил Богдан.

— Один. Потом я отвечу на твои. Когда у тебя проснулась интуиция? Мне для полноты картины не хватает небольшого штриха или завершающего мазка.

Богдан задумался, старательно копаясь в памяти. Действительно: когда? Внутреннему голосу он доверял всегда, но колокольный набат стал звучать совсем недавно. Прислонившись спиной к стене палаты, он ответил:

— Когда голым задом посидел на термоядерном заряде с тикающим механизмом подрыва.

— Вот как. Ожидаемо, жаль нельзя взять вашу методику на вооружение. Не каждый способен пережить эмоциональный и гормональный взрыв подобной мощи. Тем не менее, я рекомендую этот опыт для программы «Эспер», — улыбнулся Ильин, на что Богдан непроизвольно напрягся. Последняя фраза прозвучала многообещающе, темным крылом коснувшись самого Северова. — Теперь о том, что я имею право раскрыть вам.

В древности был рекламный слоган, звучавший так: «Имидж — ничто. Жажда — всё!» Если не распыляться на сопутствующие задачи и не растекаться мыслью по древу, в случае Северова главная ставка делалась именно на имидж. Он оказался прав, команда адмирала давно и тщательно готовила экспромт с дискредитацией каас и ситуация в Аюе сложилась как нельзя кстати для флотских «имиджмейкеров». Забытый «Герой Силура» идеально вписывался в планы командования, а после последних событий иной кандидат для осуществления давно лелеемого плана встречной провокации каас спецслужбами не рассматривался. В штабе флота случилась контролируемая утечка информации, где распиаренный Северов описывался в нужном ключе. Этаким борец с пиратами, элитный рыцарь без страха и упрёка, способный одним махом семерых побивахом. К тому же он не сидел сычом на гражданке, как думали многие, а защищал Родину в рядах коллег с плащами и кинжалами. Майора за красивые глазки директор внешней разведки просто так никому не присваивает...

Дальше Богдан додумал сам:

— Катализатор. Адмиралу, как в химии, для ускорения реакции нужен был катализатор. Соломинка. Утечка из штаба произошла раньше сеанса связи с ним, всё остальное было шоу, рассчитанное на меня или стороннего наблюдателя. Нет, таки на меня, вы проверяли, как я пройду какой-то очередной тест. Двенадцать часов даётся не мне, а каас на принятие определённого решения. Что я должен делать официально после прибытия на главную станцию?

— Организовать оборону объекта. Как здесь.

— Понятно, то есть сыграть роль подсадной утки. Вся станция — это большая ловушка, а я приманка. Сладкий сырочек... На живца ловите, Федор Борисович?

Ильин нисколько не изменился в лице, только устало попытался что-то высмотреть на дне опустевшей кофейной чашки:

— Осуждаете? — ирония в голосе капля, словно девятый вал в бушующем море, перехлёстывала через край.

— Отнюдь, — не принял правила игры Богдан, Ильин подёрнул брови вверх. — Не угадали. Как ни странно, ирония как раз в том, что я прекрасно понимаю адмирала. Да-да, вы не ослышались. На кону стоит независимость человечества, как вида, как галактической расы. Пусть не вся Конфедерация, а лишь небольшая часть сумеет освободиться от диктата каас, но и это гигантский шаг вперёд, но кроме вождельной свободы ещё есть человеческие жизни. В виде фишек на игорном столе миллионы, если не миллиарды душ и пожертвовать малым, чтобы выиграть целое или большое — это приемлемая цена. Да, мне не по нутру, что роль разменной монеты и приманки выпала мне. Руки так и чешутся съездить по фейсу самому командующему и тем, кто подал ему эту гениальную идею, но я, Федор Борисович, его и их понимаю. К тому же последние события подтверждают очевидность выбора... Кстати, Фёдор Борисович, у вас ещё остался тот великолепный коньяк?

— Хм, — не говоря ни «да», ни «нет», неопределённо хмыкнул Ильин.

— Мне не помешало бы поправить здоровье. Вы ведь по долгу службы знаете, что Регина оказала мне великую честь, согласившись стать женой. Ха, как высокопарно звучит. Знаете-знаете, не отводите взгляд, Кузьмин и Мухин в вашей конторе прописаны, мальчики не могли не доложиться, а вот то, что моя Пташка беременна, ваша контора могла упустить. Врачебная тайна и всё такое, женские заморочки, — лицо агента госбезопасности окаменело, новость действительно оказалась из разряда неожиданностей, — и если с ней и ребёнком что-то случится, а я при этом, не дай Пустота, выживу, лучше тебе... — Богдан не договорил. Хищно ухмыльнувшись, он продолжил:

— Исходя из выше сказанного, делаем несколько простых выводов. Я понимаю адмирала — это раз. Я свермотивирован — это два, и ты, капитан-лейтенант лично мне очень должен — это три. Так что это в твоих личных интересах потушить горящие трубы в моей душе и задобрить злобную тварь чем-нибудь существенней, чем сраный «Ландскнехт», а не хмыкать, как профурсетка в первую брачную ночь. Согласись, не такие уж невыполнимые требования в сложившихся хреновых обстоятельствах. Прошу прощения за мой французский.

Деланно извинившись, Богдан уставился на голограмму Ильина, на лице которого поселилось шоковое выражение. Жеванув губами, Северов решил добить собеседника:

— Не думаю, что просьба с моей стороны выделить индивидуальный десантный модуль будет выглядеть совсем уж беспринципной наглостью. Не в «Муле» же вы меня «отстреливать» собираетесь, а так я до станции своим ходом доберусь. Не заблужусь, поверьте. И, Федор Борисович, не говорите, что у вас нет модулей, контуры крышек бортовых шахтных сбрасывателей свидетельствуют об обратном, — Богдан, усиливая впечатления от своих слов, раз за разом переходил с «ты» на «вы» и обратно. — По пятнадцать штук на борт, не считая ракетных шахт. Так каков будет ваш положительный ответ?

— Встречал я наглецов, но таких...

— Всегда бывает первый раз. Хочешь жить — умей вертеться. Так как?

Вместо ответа каплей принялся разглядывать обнаглевшего тоннельщика. Северов сидел по-птичьи наклонив голову к правому плечу, с каким-то нездоровым гастрономическим интересом прицениваясь к подреберью визави. Словно мифический орёл предвкушающий кормёжку печенью Прометея, прикованного цепями к скале. От этого голодного взора становилось не по себе и стаи ледяных мурашек начинали выстукивать марш по широкой спине.

— Будет тебе модуль, — сдался Ильин, — и «Орлан — Д» выделю.

— Что за зверь, точнее птичка?

— Из новых. Для хороших людей самое лучшее. Поверь, не разочаруешься. Биометрия, телеметрия, термоконтроль, внешний экзоскелет, тканная броня и внешние же навесные бронепластины на груди, паху, ногах и спине. Независимый источник питания, силовой экран, нейроусилители, синтетические мышцы, наплечные лазер и газовый пулемёт, встроенный в правое предплечье бластер на сто пятьдесят выстрелов, гранатомёт, кибердок с полным набором боевой химии и прочими ништяками, интегрированный БИУС, ракетный ранец. Старёе рядом не валялось. Конфетка! Цени.

— С чего такая щедрость, мил человек?

— Ха! Думаешь, напугал? Я другого опасуюсь. Вдруг «Пташка» выживет, а тебя прихлопнут. Она виноватого на конце другого спирального рукава галактики найдёт и на забор сушиться повесит. Так что подруливай на борт, будет тебе и коньяк, и то, и другое.

— Сразу бы так, — пробурчал Богдан. — Сознайся, ведь выделили бы с самого начала, зачем кровь пить?

— Психологический портрет без проверки готовности щёлкать зубами неполный. Жду через тридцать минут, — Ильин выпустил парфянскую стрелу и отключился.

— Скотина, — процедил сквозь плотно сомкнутые зубы Богдан.

Не откладывая дело в долгий ящик, Богдан вызвал «Мул» и отдал последние распоряжения по участку. Маланов получил указание, замаскированное под не самую культурную просьбу, о демонтаже кристаллопроцессора Марьи. Главным аргументом просьбы стал вид внушительных кулаков, сунутых под глазок камеры и обещание свернуть шею, если «девочку» оставят куковать одну на заброшенной станции. Процессор надлежало передать по прибытии на главную станцию лично в руки Богдана или Регины, за исполнение отвечает Маланов собственной шкурой. Не справится, ему же хуже.

Замотивировав коллегу до предела, Северов направился в переходной тамбур. Короткий перелёт на принтер и вскоре он в компании Ильина и лейтенанта десантника принимал модуль и боевой скафандр. «Орлан — Д» действительно оказался выше всяких похвал и лучшей моделью из всех, какие бывшему штурмовику приходилось эксплуатировать. Зачастую лучшее становится смертельным врагом хорошего, но в данном случае конструкторам удалось соблюсти идеальный баланс между эффектностью и эффективностью. Скафандр ещё не вошёл в серию, проходя испытания в войсках мелкими партиями, но отзывы о нём были самыми наилучшими. Не без проблем, конечно, но и без детских болезней, которые часто встречаются у подобной продукции военпрома, что говорило о детальной проработке конструкции инженерами. Армия всеми фибрами души ожидала поставок.

— Ну как? — лучась будто прожектор, подбоченясь спросил Ильин.

— Сойдёт, главное чтобы в сторону не вильнуло, — сбили спесь с гэбиста. Молодой десантник вовремя спрятал за кулаком выползшую на губы улыбку. — Проверим, как

костюмчик сидит, следом оценим машинку, на которой придётся летать.

— Я тут перед ним распинаясь, а он фигвамы рисует! — возмутился Ильин.

— Был бы ты длинноногой блондинкой с третьим размером груди и то не факт, что я на тебя бы клюнул. Открою маленький секрет — мужики с кремниевыми костями меня не интересуют, да и с простыми костями тоже, — хлопнув по пластине активации, Богдан запрыгнул в тёплое нутро боевого скафандра.

Мягко чпокнув сочленениями закрылся наспинный клапан, лейтенант навесил ракетный ранец. Будто сам собою включился климат-контроль и телеметрия, перед глазами появились отметки целеуказания БИУСа. В нижнем левом углу с мягкой зеленоватой подсветкой возникли параметры вооружения и системы жизнеобеспечения. Богдан пошевелил руками, попрыгал, нейрошунты отзывались без задержек, пулемёт и лазер из транспортного положения в боевое переводились без заминок и осечек. Искусственные мышцы и внешний «хитиновый» экзоскелет, усиленный бронепластинами, не создавали дискомфорта и чувства излишней тяжести. Даже при отключенных мышечных усилителях скафандр оставался подвижным, хотя существенно терял в скорости, но тут ничего не попишешь. В «Ландскнехте» с этим проще, но разные задачи диктуют разные функции и конструкцию. В немецком костюмчике внешнюю броню орбитальных крепостей и боевых судов не очень-то вскроешь, а «Орлан» изначально заточен под прямое десантирование в индивидуальном модуле с космоса на планеты, штурмовку орбитальных укреплений и абордаж кораблей (случается и такое).

Не вылезая из скафандра, Богдан спиной вперёд зашёл в гостеприимно распахнутые прозрачные бронелепестки кабины. Гибкие манипуляторы вогнали контактные штекеры в специальные разъёмы скафандра. Лепестки захлопнулись, отделяя боевую единицу от внешнего мира. Перед глазами штурмовика и пилота в одном лице появились виртуальные джойстики управления и показания приборов маленького кораблика, несущего скорострельную бластерную установку и четыре протонные противокорабельные ракеты. Больше воткнуть не получалось, и так конструкция выходила сложная, благо у модуля имелась возможность ручного управления в случае выхода из строя всей электроники, что нивелировало конструктивный минус. Последнее было немаловажным фактором. Мощный электромагнитный импульс или попадание ионного заряда гарантированно выводило электронику и автопилот модуля из строя, тогда управление целиком и полностью переходило в человеческие руки. Добраться под заградительным огнём противника до цели было той ещё нетривиальной задачей, но, вопреки логике люди добирались и наводили ужас на супостата. От раннего обнаружения модуль спасали стелс-режим, малый размер и ничтожная масса, а когда иссиня-чёрные «мошки» возникали в непосредственной близости от жертвы и перегружали силовые экраны залпом ракет, кричать «караул» становилось поздно. Наличествовали у тактики и существенные минусы в виде большого процента потерь, к тому же силовой кокон не всегда вскроешь протонным обстрелом, так что любая штурмовка всегда шла в комплексе с другими способами курощения врага.

— Зачёт, — высказал Богдан своё мнение. — Так, подsumки довооружить ручным бластером и минами. В поясной бокс войдёт пять мин направленного действия, нет, лучше тактические пробойники... или в равной пропорции и то, и другое. Гранаты не забудьте. Запасные батареи и сменный картридж на пулемёт.

— Куда тебе столько? — удивился Ильин.

— Патронов бывает очень мало. Просто мало или всё равно мало, но больше уже не

унести! — наставительно подняв указательный палец правой руки вверх, ответил Богдан. — Много патронов не бывает.

— А ты унесёшь?

— А куда деваться.

— У вас там все такие хомяки? — продолжал скалиться каплей.

— А у вас тут все такие жабы? — не остался в долгу Богдан.

— Всё, туше, — пошёл на попятный Ильин. — Бери что хочешь, только не надломись.

Через три часа модуль, окутанный тёмным саваном стеллс-маскировки, висел перед транспортным кольцом. Шли последние секунды предстартового отсчёта.

— Девять...

— Восемь...

Богдана прижало ускорением, автопилот включил двигатели на полную мощность. Модуль хоть и крошечный, но с места рвёт, как блоха в прыжке — резко и норовисто. Саван спал, сменившись яркой плёнкой защитного экрана, выведенного в максимальный режим.

— Один...

Сверкающая воронка гиперпространственного перехода поглотила микроскопическую пятиметровую крошку и швырнула её в зев второго кольца, расположенного за несколько световых дней от первой точки. Второй прыжок, третий, четвёртый, сплошная череда десятков активированных колец, затягивающая в световую трубу. Финишный хлопок и в уши Богдана ворвалось испуганное верещание БИУСа. Ухнул и сдох автопилот...

— М-мать, — мгновенно одеревеневшие губы выпустили единственное слово. Отделившись от сознания, руки заученно хлопнули по кнопке отключения питания, вовремя переведя радио и гравииолокаторы в пассивный режим. Индивидуальный штурмовой модуль окутался непроницаемым коконом стеллс режима.

Финишного кольца не было. От слова совсем. То, что осталось от циклопического сооружения представляло собой рассеянное облако крупных и мелких фрагментов, да несколько энергореакторов, бублики которых висели на остатках силовых ферм. Дальний от модуля реактор плевался облаками пара и даже за несколько десятков километров от него Богдан не ощущал себя в безопасности. Того гляди рванёт. Встроенный в скафандр датчик радиоактивности вывел на лицевой щиток красную строку, более, чем на половину заступившую за зелёную черту ограничителя. Тревожно замерцали цифры, указывающие уровень облучения, но они мало интересовали Северова, прикипевшего взглядом к экрану.

— Так-так. М-мать его налево. Спокойно... спокойно...

В полусотне километров от разрушенного транспортного узла вокруг рыхлого тела главной станции, окутанной непроницаемым облаком силовых полей, вились рои жирных мух. Осы истребителей и тяжелые слепни орбитальных штурмовиков в количестве трёх десятков хищных рыл пытались вонзить жала в строительный комплекс, отбивающийся от кровопийц широкими ремнями роторных лазеров и длинными хлыстами ракет. За непроницаемой кромкой корпускулярных и силовых экранов едва различимо мерцали несколько звеньев земных «Сапсанов». Отбить все атаки слепней и ос у них не получалось, но парировать особо наглые наскоки вполне, тем более станция, превращённая в крепость, поддерживала подвижные силы и пилотов заградительным огнём, успевая изредка всаживать заряды по восьмигранному веретену артиллерийского монитора, который висел в тридцати километрах от избиваемой жертвы. Медленно вращаясь вокруг собственной оси, монитор поочерёдно разряжал батареи каждой грани по станции. Вспышки на поверхности

силовых экранов не прекращались ни на секунду. Главный реактор обороняющихся работал с перегрузом и обе стороны понимали, что так долго продолжаться не может. Вариантов было четыре: либо не приспособленный к подобным нагрузкам реактор не выдержит предельных режимов и тогда стальная громада останется без силовой рубашки, либо штурмовики каас продавят щит, и доберутся до беззащитного комплекса, или у землян закончатся ракеты и тогда им ничего не останется, как увеличивать мощность полей, что опять же возвращает нас к первому варианту с перегрузкой реактора и просадкой экрана, который и так ежесекундно терял мощность под непрекращающимся обстрелом. Либо к тоннельщикам придёт подкрепление. Последний вариант тоже имел высокие шансы на жизнь, особенно зная о задумке адмирала Иванцова с ловушкой и провокацией каас. Хотя как бы для осаждённых не было поздно. Замаскированное под пиратскую эскадру флотское соединение каас зачистило периметр и активно глушит связь внутри заблокированной сферы. Классика жанра подсказывала, что частоты давно осёдланы и внешний мир кормится тщательно сфабрикованной дезинформацией вперемишу с сигналами маяков, ретранслирующих пасторальную картину мирной стройки.

Как ни грустно признавать, перемалывание кусачей добычи для эскадры каас перспектива не столь отдалённая. Пассивный радар модуля Богдана показал расплывающиеся засветки с сигнатурами внутрисистемных двигателей малого авианосца, БДК и транспорта-буксира артиллерийского монитора, хоть помехами забиты абсолютно все диапазоны, но на то они фильтр-программы, чтобы отделять зерна от плевел. Визуальная маскировка у судов выше всяких похвал, но колебания частотных двигателей просто так не спрятать. Даже в условиях гашения сигнала. Помимо того, что гравитационная «искра» перебивает работу удалённых масс-маяков и гравидатчиков, она создаёт существенные помехи нападавшим и дабы не осложнять самим себе задачу отсутствием связи, штурмовики и артиллеристы сконцентрированы на антеннах внешней связи станции, некоторые из которых уже были повреждены. Как только комплекс связи будет уничтожен окончательно, каас навалится на станцию всем гуртом и тогда счёт пойдёт на минуты, а пока они держат дистанцию для возможного отступления и бегства. Неизвестно, как оно сорвётся, а вдруг тоннельщики сумеют послать сигнал бегства? Пограничный пост и военная база Третьего флота всего лишь в одном световом месяце от строительной площадки. Один гиперпространственный прыжок и все усилия насмарку, поэтому пиратствующие действовали предельно аккуратно, придерживаясь чёткого плана. Политики, заседающие в высоких Эмпиреях за десятки и сотни парсеков от места трагедии найдут оправдания, в крайнем случае принесут приличествующие извинения варварам. Мол, ошиблись, перепутали с пиратами, с кем не бывает, но дорога в гравитационную аномалию обезьянам будет закрыта навсегда. Касаемо уже построенного тоннеля — его всяко можно восстановить в кратчайшие сроки и без особых усилий. Одно стартовое кольцо это не десятки и сотни промежуточных. По-хорошему работы на неделю с гаком. В будущем у восстановленного кольца появится военная база и пара орбитальных крепостей основательно запрут узкую горловину.

Непосредственно не занятая в нападении на станцию эскадра медленно дрейфовала в сторону боя. Ноль целых пятнадцать сотых мегаметра, ноль целых четырнадцать сотых... Расстояние медленно сокращалось. Что делать было непонятно. Мелкую пятиметровую букашку раздавят походя, не напрягаясь. Один залп батареи роторных лазеров и привет экскурсия в облако раскалённой плазмы. Отодвигая все чувства и эмоции в сторону, разум

Богдана поглотила ледяная пустота готового к бою берсерка. Ошибаются те, кто говорит и думает, что берсерки рвались в бой облачённые в доспехи из ярости, ненависти и вожделения крови врага. Ничуть не бывало, современные берсерки не чувствуют ничего. Красная пелена не должна мешать бою, врага нужно уничтожать с холодным разумом, не поддающимся давлению чувств.

Медленно вращаясь, мимо прозрачного кокпита модуля проплыл разорванный пополам монтажный скафандр с мёртвым телом внутри. Вокруг гражданского «Снегиря» спутниками вились замёрзшие капли крови. Надежда на выживание строителя (а вдруг!) умерла вместе с пойманным аварийным телеметрическим сигналом. Биометрических показателей в сигнале не было.

— Суки, — прошептал Богдан, цепляясь взглядом за бублик реактора.

Решение пришло мгновенно. Сиди не сиди, а делать что-то надо. Что-то, чего совершенно не ждут от одиночного модуля и единственного штурмовика. Умирать, так с музыкой, надеясь, что Регину устроит прощальный концерт. Бронелепестки кокпита разошлись в стороны, оттолкнувшись от пилотского кресла ногами, Богдан мягко скользнул к погибшему.

— Прости, — сказал он, щёлкая стыковыми креплениями ранца. Слава небесам, из-за изморози, лёгшей на лицевое стекло изнутри, лица погибшего видно не было. Молодой или старый, мужчина или женщина, привыкший смотреть беззубой хрычовке с косой прямо в лицо, Богдан посчитал кощунственным нарушать покой погибшего и просто снял показания индивидуального чипа скафандра. Позже, если выживет, он передаст их на станцию и там уже определят имя и фамилию невольного помощника.

А пока, кувыркаясь во все стороны, Богдан кое как приладил ранец поверх своего. Проверил заправку и ненадолго завис под коротким подкрылком. Сняв с направляющих протонную ракету и сориентировавшись в пространстве, Северов полетел к повреждённому реактору. Топлива в ранце хватит как раз туда и обратно. Наплевав на непрекращающийся писк датчика радиоактивного излучения (арадиотиновый курс и наноботы так и так пить придётся, так что одним рентгеном больше или меньше роли уже не играет, а сдохнет, так вообще о чём разговор?), он воткнул ракету в широкую трещину между искорёженных теплообменников. Расчёт человека был на то, что каас не обратят пристального внимания на взрыв повреждённого реактора, который в силу неизвестных причин не был уничтожен истребителями или монитором. В принципе на установке должна была сработать система безопасности, остановив реакцию, но в космосе всякое случается. Порой и швабра стреляет, так что взрыв припишут к подобному выстрелу, тем более вероятность подобного события оценивалась в пятьдесят процентов.

— Ну, уроды широконосые, готовьтесь станцевать румбу, — безумно хихикнув, он представил, как каас, внешне похожие на земных негров с широченными плоскими кроличьими носами, пляшут вокруг термоядерного костра. Зажигательно пляшут, до выпадения волос, угольков и серого пепла. Только вот ещё неизвестно у кого первого начнут выпадать волосы. Задумав настоящее безумие, Богдан осознавал, что доза радиации может стать для него смертельной или он, вообще, сгорит при взрыве реактора, но всё же надеялся оседлать ударную волну.

Вернувшись к модулю, он скинул отслуживший своё ранец и перебрался в кабину.

— Куда шкеримся? — спросил Богдан сам себя, включая частотный двигатель. Управляемая твёрдой рукой пилота, на одном импульсе, который остался без внимания

противника, бронированная капля переместилась на внешнюю сторону металлических ферм.

Быть засечённым в облаке радиоактивных обломков он не боялся. Частотные колебания двигателя его малышки надёжно скрыты общим фоном. Заметив в полукилометре от себя крупный кусок фермы, плывущий к монитору, Северов в уме быстро просчитал возможную траекторию обломка и возможность под его прикрытием подобраться к артиллерийскому кораблю. Существовала вероятность угодить на радары приближающейся эскадры, как и возможность подгадить им взрывом реакторов. Авианосцу и БДУ будет не до него. Куча стальной мелочи серьёзных повреждений не причинит, но неприятностей доставит. Взвесив «за» и «против» с возможной угрозой раскрытия, он решил рискнуть и переместиться под защиту фермы, молясь, чтобы сталь прикрыла хрупкое человеческое тело от потоков частиц. Оставались ещё надежды на корпус модуля в кооперации с кибердоком и инъекциями арадиотина. Возможно, ему не придётся изображать бильярдный шар. Интересно получается, на термоядерном заряде он имел честь голым задом посидеть, теперь ему выпала уникальная возможность стать первым в галактике серфингистом, оседлавшим ядерную волну. Или не первым? В любом случае на десантных модулях ещё никто подобные трюки не устраивал. Внуки заслушаются. Эх, дожить бы до них.

Между тем накал боя у станции разгорался всё ярче и сильнее. БИУС скуп отрапортовал о сбитом штурмовике и двух повреждённых истребителях врага. Взамен монитор ускорил частоту вращения, обстрел усилился. Истребители землян больше не рисковали высовываться за кромку защитных полей. Инициатива окончательно перешла в руки каас. По оценке компьютера щиты станции просели на пятьдесят восемь процентов. При существующей интенсивности обстрела они падут через пять с половиной минут. Людей тупо брали измором, честно говоря, сбитые экипажи проходили по категории случайности. К тому же к атаке благоразумно не подключались несущие тыловое прикрытие авианосец и БДК, которые тоже несли не по одному оружию. Командование эскадры трудно было обвинить в безрассудстве и складывании всех яиц в одну корзину. Неизвестный адмирал перестраховывался, разделив группировку надвое и поставив им разные задачи. Высшее звено каас старалось предусмотреть всё, но в его расчёты вкралась ошибка, не учитывающая фактор безбашенности и героизма простого русского человека, ради семьи и близких готового на любые безумства.

— Ну, приступим, помолясь, — перекрестившись, Богдан дистанционно активировал взрыватель протонной ракеты. — Риск, благородное дело, товарищи! М-м-а-а-а-ть!

Вовремя опустившиеся световые фильтры не дали выжечь сетчатку глаз. По спине будто стальным сапогом зарядили. В позвоночнике явно что-то хрустнуло. Беззвучно хватая широко раскрытым ртом воздух, Северов, со свистом, пытался протолкнуть ставшую густой массу в лёгкие. Из глаз потекли слёзы. Вышел из строя радар, прощально пискнула и окончательно погасла чувствительная бортовая электроника. Теперь точно навсегда, управление модуля осталось только в ручном режиме. Эпическая сила подхватила ферму, трещащую всеми сочленениями, с микроскопическим корабликом на горбу и понесла её в сторону обороняющейся от врагов станции. Обгоняя крупные обломки, вперёд вырвалась расходящаяся концентрическая волна света, за которой стремилась различная мелочь. Богдану казалось, что вот-вот он вспыхнет вместе с модулем ярким пламенем, превратится в плазму и вся его задумка пойдёт коту под хвост в связи с переходом в разряд отошедших в иной план бытия, но пронесло. Кибердок вдул в бедро слоновью дозу арадиотина, сигнальный датчик радиации перестал хрипеть, сил у него просто не осталось, ярким

примером иллюстрируя тот случай, когда живая плоть оказывается прочней электроники. Надолго ли, вот в чём вопрос?

Восьмигранное веретено монитора стремительно приближалось. Мелкие фракции комарами-пискунами разбивались о включенный на полную мощность экран. Судно временно задрбило стрельбу, пропустив несколько крупных фрагментов, летящих к станции. Пусть земляне с ними разбираются. Истребители и штурмовики дружно прянули в стороны. А кому охота попадать под металлический дождь? Богдан нутром чувствовал облегчение людей за экранами станции. Мусор не снаряды, экраны выдержат. Осёдланная ферма должна была на триста метров разминуться с монитором со стороны торцевого стыковочного узла, не защищённого орудиями и ракетными портами. Какая удача, торцы реплик американских «Юпитеров» традиционно считались слабыми местами. Да-да, вы не ослышались. «Газават» или «Разящий» представлял собой реплику земного артиллерийского монитора модульного типа, разработанного сто десять лет назад конструкторами Локхид Мартин. Конструкция и применённые решения оказались настолько удачными, что лицензией на производство боевых судов подобного класса обзавелись каас и ту'от, не говоря уже о союзниках по конфедерации. Русский сектор как всегда пошёл своим путём, тем более нечто подобное верфи «Вулкан» выпускали четверть тысячелетия назад и русский сектор не боялся оказаться в роли догоняющих. Артиллерийский корабль, получив традиционное цветочное имя «Настурция», во многом повторял американскую схему кроме двигательного модуля. У русских он не отстыковывался, образуя моноблок с орудийными палубами. Количество орудий тоже было меньше, зато «Настурции» выигрывали калибром, дальностью стрельбы и вспомогательными башнями зенитных турболазеров. Изюминкой корабля считались контейнеры с ракетами. Вот последние как раз можно было крепить к корпусу и отстреливать по мере расходования боеприпасов. В целом корабль получился достаточно универсальный, как и всё, что выходило из рук инженеров и работников «Вулкана».

— Три, — металлизированные перчатки нежно легли на джойстики управления модуля. — Два. Один!

С направляющих сорвались ракеты, нацеленные на центральный переходной узел «Газавата», отстав от трёх смертносных игл на двести метров «пистолетного» выстрела, к кораблю устремился штурмовой модуль. На судне заметили опасность. Поздно. Строенный взрыв пробил внушительную дыру в стометровом торце и раскурочил броню. В открывшийся зев черным ангелом мщения ворвался побитый осколками модуль. В скафандре Богдана наружу вылезла синеватая плесень гермопены. Один из осколков пробил метапластовую броню кокпита и, не задев кости, навывлет пронзил правое плечо Северова. Кибердок вколол обезболивающее и пять миллилитров боевого коктейля от которого Богдан взвыл бизоном в период гона. скафандра.

— А-ха-ха! Получайте, — безумно кричал он, непрерывно нажимая на гашетки и снося внутренние переборки. Это был один шанс на миллион и он его использовал.

Великолепно защищённый от атаки снаружи, корабль оказался неспособен противостоять удару изнутри. Ядовитый головастик штурмового модуля пробил пушкой и лбом двести метров кишок центральной шахты из семисот. Модуль, как червь, поедающий жертву изнутри, протиснулся в тело вражеского левиафана почти на треть, не осилив жалких полутора сотен метров до боевой рубки. Конструкторы, проектировавшие корабль, никак не ожидали, что найдётся псих, который решится на подобную атаку. Семьдесят процентов

силовых конструкций были сосредоточены на внешнем корпусе и орудийных палубах, несущих основную нагрузку. Внутреннее пространство и переборки, предназначенные скорее для отделения разгерметизированных секторов и локализации возможных пожаров, не отличались особой прочностью, поэтому оно пало перед натиском модуля, выскочив из которого, Богдан хлопнул по кнопке максимального разгона частотных двигателей. С опозданием на секунду сработала электромагнитная импульсная бомба, вырубившая незащищённую электронику в радиусе тридцати метров и подарившая Северову небольшую фору по времени. Пока каас перейдут на резерв, пока настроят оборудование. Секунд пять или десять они потеряют.

— Ходу, ходу, — крикнул он сам себе, стреляя в голову солдату, сунувшемуся в центральный коридор. Шлем, прикрывавший голову врага, смог бы защитить от прямого попадания лазера, но не от стального шарика и разгерметизации.

Взмахнув руками, солдат рухнул на пол, заклинив телом дверь и пока его не успели втащить за ноги вовнутрь, Богдан закинул в помещение гранату и подхваченный из модуля пятилитровый баллон с сжиженным кислородом, на котором подмигивала красным глазком электромагнитная мина. Обычно криков и взрыва слышно не было — перед боем экипаж экипируется в скафандры, а из отсеков откачивают воздух. Превентивная мера позволяет избежать декомпрессии и пожаров на борту. Не всегда, правда, помогает, случаются прилёты и в газовые резервуары, если их не подбрасывают ушлые штурмовики... За дверью сначала неслышно хлопнуло, а потом рвануло так, что Богдан удержался на ногах только чудом. Стальную десятимиллиметровую дверь выгнуло дугой, гидромеханизм брызнул во все стороны маслом, мигнуло и погасло освещение. Живых внутри не осталось. Страшное дело чистый кислород. Стреляя во всё подозрительное, Богдан шмыгнул в подбашенное помещение, оттуда, пока автоматика не заблокировала двери, нырнул в следующий отсек с автоматическими элеваторами подачи снарядов в орудийную башню. Ломиться в главную боевую рубку через центральную шахту было смерти подобно. Охранные турели, которые не замечал бронированный штурмовой модуль, быстро поджарят человека и индивидуальный генератор силового экрана не поможет, поэтому путь только один — по внешнему корпусу, а там специалисту вскрыть шлюзовую камеру или взломать порт спасательных капсул раз плюнуть.

— Это я хорошо зашёл, — обрадовано хмыкнул Богдан, ощериваясь в зубастом оскале, не предвещающем ничего хорошего экипажу каас. На механизм подачи легла очередная мина. Встроенный БИУС высветил несколько живых целей на боевой платформе. Плазменная лента взвизгнувшего роторного наплечного лазера вычеркнула аварийную команду из списка живых и пробила гравитационный двигатель. — С Новым годом, ублюдки! Ловите подарок от Деда Мороза!

Наверху грохнуло, ещё раз. Ударной волной вышибло ближайшие к человеку переборки. Над головой Северова, чиркая по индивидуальному силовому экрану, просвистела россыпь осколков и ошмётков плоти орудийного расчёта. Один крупный раскалённый кусок металла, не заметив экран, ударил в грудь с силой боксёрского джеба от профессионала тяжеловеса.

— Цел? — глотая воздух, Богдан ощупал грудь рукой. — Цел! Вот и снимай после этого бронь. Да ни в жизнь! Пора делать ноги, пока сюда не понабежали злые дядьки.

Грудь саднила, будто на ней устроило танцплощадку стадо гиппопотамов и всю ночь отплясывало твист. Противно ныли ребра с правой стороны. Пролезая через вывернутую стальную «розочку» с рваными лепестками, выросшую в переборке после детонации снаряда

в орудийной башне, Богдан непроизвольно морщился от стреляющей в бок боли. Умничка кибердок успел вколоть обезболивающее, но поломанные ребра разом лишили человека десятой части проворства. Накачанная специальным гелем, сжалась синтетическая жилетка предусмотрительно надетая поверх подроспешника. Краткий миг и выше означенная деталь одежды превратилась в жёсткий корсет, зафиксировавший грудную клетку.

— Чёрт, — ругнулся Богдан, разглядывая царапины и вмятину на бронепластине. Не будь последней, он бы уже прописывался в райских кущах, объясняя ангелам за что и почему от него отказались черти, а так ещё поборется. А куда деваться, сегодня не пятница, помирать ему никак нельзя.

Протиснувшись в дыру, Северов бросил быстрый взгляд назад. Там, где модуль зарылся в собранную им же баррикаду из металлоконструкций, шлюзов и переборок, по куче металла и по стенам поползло призрачное свечение, то и дело гаснущее в ярких вспышках электрических разрядов. Над потолком струились серебристые облака быстро остывающей дыхательной смеси из повреждённых скорострельной пушкой модуля резервуаров. У раскуроченного, порванного в хлам стыковочного узла газы хлестали во всю мощь, устремляясь в открытый космос, где тут же остывали и оседали толстым слоем инея на изувеченных металлоконструкциях. Рвущиеся на волю газы жадно облизывали жидкие наплывы на полу, образовавшиеся под потёкшим топливопроводом. Бахнет или не бахнет? Проверять гипотезу Богдан не горел желанием, поэтому подхватил ноги в руки и дал дёру.

Разогретые ионно-частотные двигатели крохотного катера превратились в своеобразную микроволновку, а что бывает, когда в микроволновую печь засунуть проводник? Здесь ситуация оказалась зеркальной, лишённую экрана МКВ-печь разместили в железном кубе. Через десяток другой секунд двигатели окончательно пойдут вразнос, и если команда ликвидаторов не расстреляет модуль, то в желудке артиллерийской лоханки поселится колючий ионно-электрический монстр, бешеный ёжик, рвущий тесную клетку изнутри. Короче, приятного для хозяев мало, хороший такой, можно сказать добротный, взрыв им обеспечен.

Быстро перебирая конечностями, Богдан выбрался в горизонтальную шахту вентиляции, в которую боевой скафандр едва-едва вмещался, шкрябая плечевыми бронепластинами и ранцем по загаженным осадочными отложениями стенкам. Чувствуя себя трубочистом, Северов упорно протискивался к шлюзу газо и мусоросброса. Пока экипаж не опомнился и не включил противопожарные пенообразователи, следовало покинуть опасную зону. Шахта вентиляционная, но успокаиваться на этом не стоило, ибо хитрая конструкция играла роль пожарных сухотруб с дренчерными распылителями на концах и в любой момент могла быть заполнена пеной, а в той попробуй, полазь. Была у шахты ещё одна функция, едва ли не главная. Подобные ходы и штольни использовались как транспортные артерии ремонтными дроидами, а сталкиваться с этими опасными рабочими «муравьями» в ограниченном пространстве ох как не хотелось. Сварочный аппарат или плазменный резак могут натворить море отнюдь не мирных дел. В умелых руках или манипуляторах тот же резак даёт фору бластеру и наплечному пулемёту, тем более в сложенном транспортном положении, что от первого, что от второго толку шиш да маленько.

На ближайшем кольцевом тоннеле БИУС засёк девять засветок дроидов, катящихся в сторону незваного гостя. К гадалке не ходи, умные головы в боевой рубке судна, быстро смекнули, что к чему, решив не марать руки о человека, доверив эту ответственную работу дроидам и только то, что из внутренних отсеках был выкачан воздух, спасало Северова от

внепланового купания. Ничего хорошего навязанная ванна бы не сулила, ведь гадская субстанция напрочь облепляла все поверхности, превращаясь в точнейшую темно-серую мутную плёнку, перекрывающую доступ воздуха к горючим материалам. Через тридцать минут что пена, что получившаяся плёнка распадались мелкими хлопьями, после чего сбрасывалась в космос, но это время оттереть её от лицевого щитка и глазков системы видеонаблюдения было нереально. Слепой аки крот, он станет желанной добычей для озверевших палубных команд хозяев. Скрутят тепленьким и лазеры-шмазеры не помогут. Слава Пустоте и противопожарной автоматике, запрограммированной не включать систему в вакууме. В ручном режиме надо ещё дать отмену, да вколотить код, да перекрыть вентиляционные рукава и шахты...

Первый дроид неуклюже вывалился из кольцевого хода в шестидесяти метрах от Северова. Крутнувшись на шаровых колёсах, и выставив перед собой манипуляторы с зажженными плазменными резаками, машинка бодро посеменила вперёд, а за её спиной уже показался её механический собрат. Теперь всё решала скорость. Не ожидая от себя подобной прыти, Богдан шустрым червём ввинтился навстречу чужому механизму. Вот и лепестковая диафрагма газосброса. Кое-как извернувшись, Богдан установил мину и отполз обратно. Бабах! Ещё четыре метра по отнорку до камеры с внешней диафрагмой, изготовленной из тридцатимиллиметровых бронелепестков и он в дамках. В так называемой финишной камере можно было встать в полный рост и воспользоваться преимуществом в вооружении. Как говорится, кто первым встал того и тапки. Ремонтных дроидов, которые словно злые псы хватили прохожее за пятку, постигла злая участь всех бешеных собак. Красный глазок раскрутившегося роторного лазера шансов не оставляет.

Покончив с преследователями и мысленно утерев выпавший на челе предательский пот, солёные капли которого ели глаза, Северов занялся делом. Расстреляв из пулемёта гидронасос механизма шлюза, он руками завёл пружинный механизм аварийного механического привода, выглядевшего сущим анахронизмом на суперсовременном космическом корабле, если не брать во внимание тройное резервирование и постоянные казусы, подбрасываемые великой Пустотой. Зачастую простая механика служила дольше и надёжней, чем все хайтековские устройства вместе взятые. Под безмолвный треск и скрежет, лепестки разъехались на достаточное расстояние, чтобы массивная фигура смогла свободно проскользнуть между ними.

Включив ранцевые движки и прижимаясь почти вплотную к корпусу судна, чтобы не угодить под залп установок ПВО или, не дай Пустота не чиркнуть по нижней кромке силового экрана, Богдан подлетел к крышкам шахт спасательных капсул, располагавшихся по периметру боевой рубки.

— Да, тут придётся потрудиться. Взломать крышку это вам не баран чихнул.

Внезапно громадное восьмигранное веретено вздрогнуло будто живое, в той стороне, откуда прилетел Северов, выпуская наружу яростное пламя, вздыбилась и пошла волнами общивка.

— Твою! — вцепившись мёртвой хваткой за страховые скобы, Богдан всем телом прижался к кораблю, колотящемуся в эпилептическом припадке.

В хвостовой части монитора синхронно открылись диафрагмы, через которые наружу вырвались газовые гейзеры аварийного сброса. Видимо подрыв модуля разрушил и так не шибко целые резервуары и, блокируя отсеты от распространения пожара, автоматика поступила самым оптимальным способом. Казалось, что на этом черная полоса несчастий

судна закончится, но не тут-то было, плюнув разноцветным фейрверком искр, от корпуса отделилась одна из повреждённых оружейных башен, но не успев отлететь от материнского тела даже пару метров, она вспухла огненным цветком от внутренней детонации. Стальной ливень едва не изрешетил прижавшуюся к броне человеческую мошку, поясной насос скафандра устал качать пену на гермозаплатки. В какой момент Богдану показалось, что диафрагмы газосбрасывателей захлопнулись, но синии пики живого пламени, лизнувшие космос из раскрытых створок, живым примером указали на ошибку в рассуждениях. Болезненно выгнувшись в очередном приступе, монитор раскололся на две неравные части. Сотрясаемый внутренними детонациями, двухсотметровый обрубок величественно отвалил от главного корпуса. Во все стороны от погибающего куска железа устремились хвостатые головастики спасательных капсул. Одна, две, три... Хлопнув бронекрышкой и едва не спалив Богдана выхлопом двигателей, из-под главной боевой рубки наружу устремился огненный змей очередной капсулы. У кого-то элементарно не выдержали нервы или капитан корабля от греха подальше эвакуировал обузу в лице золотой молодёжи, или имеет место быть обычный сбой автоматики. Всё едино! В любом случае, старт капсулы оказался на руку земному штурмовику.

— И вскрывать не пришлось, — массивная фигура резвой ящеркой юркнула внутрь. Сзади хлопнула крышка.

Не успел Богдан порадоваться удаче, в отсек скользнуло несколько боевых дроидов противника.

— Что за непруха?! — ныряя за грузозахватные манипуляторы и гору каких-то ящиков, в сердцах выплюнул Богдан.

Бегство оказалось отвлекающим манёвром. Опытного штурмовика голыми руками так просто не возьмёшь, а Богдан надеялся, что все же не растерял навык и по праву входит в данную категорию военных. Опрокинув за собой несколько ящиков за которыми оказалось удобно прятаться, Северов ловко прикрыл ими пару ферро-импульсных гранат. С небольшим запозданием встроенные сканеры и радары дроидов опознали тип боеприпасов, но предотвратить срабатывание «распылителей» железнобрюхие бойцы не успели, да и не смогли бы этого сделать при всём желании. Для поражения высокотехнологичных устройств и техники в закрытом помещении гранаты были чудо, как хороши, но один минус оружия перекрывал очевидные достоинства — в ограниченном объёме под поражающий эффект попадало всё, оружие не разделяло цели на своих и чужих. Мельчайшая ферритовая пыль заволокла большую часть отсека и облепила поверхности. Разряд! Временно обездвиженные роботы застыли, словно в детской игре «море волнуется». Севером намеренно подставился под свою же ловушку. У него также вышибло всю электронику в скафендре и временно сдох БИУС, но в отличие от механических болванчиков, он подвижности не потерял. Черепушка трещала нещадно, сказывалась врождённая чувствительность к электромагнитным колебаниям, зато бошки и тактические блоки дроидов отлетали от точных ударов подобранного с пола, неизвестно как очутившегося на корабле куска арматуры. Через пятнадцать секунд всё было кончено. Наскоро заварив двери, чтобы в импровизированную мастерскую не пробрались посторонние, Северов занялся потрошением раскуроченных механизмов. Извлечённые из их корпусов энергоячейки, благо для извлечения ощёлкивались два зажима, были собраны в связку и размещены на сером метапласте, отделявшем отсек от рубки. Лишь из одного дроида не были удалены внутренности, он даже обзавёлся вторым «сердцем» в виде дополнительной ячейки и оброс ещё несколькими бластерами,

сдёрнутыми с погибших товарищей. На всю самодеятельность ушло не более трёх минут. За это время гильотинную дверь пытались взломать несколько раз. Били, стреляли — бесполезно, затем пригнали ремонтных дроидов с мощными плазменными резаками, сумев вырезать в бронелисте дыру размером с крупный грейпфрут, но мгновенно сунутая в отверстие граната остудила пыл противников. Соорудив на скорую руку нащёпку на месте дыры, Северов задумчиво почесал полиметапластовую бронированную макушку шлема. Общая заторможенность действий и растерянность командования обчекрыженной лоханки каас как бы во всё горло намекали на отсутствие на борту спецназа и команд противодействия штурмовым группам. Что это, просчёт или недооценка противника? И то, и другое дорого встало каас. Конечно, одинокому боевику так просто с рук ничего не сойдёт, но оказаться волком в овчарне было забавно. Прикольно повторить подвиг далёкого предка Регины, в одну физию разнёсшего лоханку роух. Кому скажи, что один единственный человек при удачном сложении обстоятельств и некоторой удаче способен разнести семисотметровый боевой корабль, он бы не за что не поверил. Ведь бред же чистейшей воды. Бред! Палата номер шесть. Нет, он наверно, получил осколком по кумполу и ему мерещится всякая ахиня... Или, Богдан до крови прикусил нижнюю губу, сумасшедший дом...

— На поугать хватит, — скептически осмотрев творение своих рук, ирийский Самоделкин с начинающей протекать крышей установил созданное чудовище Франкейштейна напротив раскалённых дверей, которые вот-вот уступят натиску нового резака. За ними кто-то очень злой жаждал взыскать долги с процентами с обнаглевшего налётчика. Дверь и отсек могли и подорвать, тянуть резину смерти подобно, да только неизвестно, что в этом случае станет со спасательными капсулами. Боязнь остаться без средств эвакуации и надежда на благополучный исход заставляли каас осторожничать. Зажатые в узкие рамки безвыходной ситуации, расквитаться с Северовым мечтали очень многие. Впрочем, он не удивлялся.

Ткнув кнопку включения дрoида, Богдан подлетел к потолку и зацепился за направляющую штангу. Активированный безмозглый робот в пять бластеров снёс почти проплавленную дверь и устроил форменный Армагеддон штурмовой команде. Выскочив в коридор и крутясь подобно юле, железный безумец крошил правых и виноватых. Упокоили железяку через семь секунд. Одно точное попадание по примотанной к корпусу второй энергоячейке и стальной внук Франкенштейна скрылся в облаке плазмы. К тому времени БИУС Северова успел перезагрузиться, а встроенный в скафандр сканер высветил вражеские засветки. Всего пять. Маловато будет, видимо он оказался прав со спецназом — мало его, да и тот далече. Вслед за вакуумно-штурмовой гранатой типа «сверчок», спалившей сетчатку глаз неосторожным зрителям, выкатившийся в коридор штурмовик снайперским огнём подавил спорадическое жидкое сопротивление.

— Пора, — виртуальная рука нажала на кнопку радиовзрывателя.

Последний пробойник, усиленный связкой энергоячеек, выполнил поставленную задачу. Заскочив обратно в отсек с эвакуационными капсулами, Богдан успел секунду полюбоваться ласкающей взор дырой двух метров в диаметре, как оттуда ливневыми струями посыпались лазерные выстрелы.

Уйдя с линии огня, Северов беспомощно пробежался взглядом по отсеку. Всё более или менее полезное он давным давно приспособил к делу, хлопнув ладонью по опустевшему поясу, с которого исчезли гранаты и мины, Богдан обречённо вздохнул и сдернул со спины

ракетный ранец. Последняя призрачная нить к отступлению легла на лезвие бритвы с молекулярной заточкой и распалась на две половинки. Дорога назад растаяла подобно туману поутру.

— Ну, родной, не подведи! — размахнувшись со всей силы, Богдан зашвырнул ранец в дыру под перекрестье опаляющих красных лент и бластерных болтов. Обречённый девайс не подвёл, вспухнув огненным облаком.

Врубив на полную мощность силовой кокон скафандра, который неплохо «держал» выстрелы энергетического оружия и расписался в бессилии против кинетики, Богдан влетел в опадающее пламя и едва увернулся от удара ногой. Перебоем дятла по сухой лесине застучал пулемёт, вжикнул наплечный лазер и несколько каас, запакованных в обычные, так называемые вахтовые скафандры, брызнули кровью или превратились в подпаленные трупы. Любитель лягаться ловко, с нечеловеческой скоростью ушёл с линии стрельбы, мгновенно перешёл в низкую стойку и подсёк ноги Богдана. Грохнувшись на пол, Северов с изумлением узнал в противнике хитинового человекомуравья с курьерского корабля каас, уже замахаивающегося на него каким-то крюком на длинной ручке. Костюм на хитиновой твари обгорел и расползлся рваниной, но визуально внешний скелет искусственного монстра не пострадал и боеспособность мураша не снизилась ни на грамм. И отсутствие воздуха гадюке не помеха! Гадство! Оставив на полу глубокую царапину, крюк на несколько миллиметров разошёлся со шлемом скафандра Богдана. Забористая боевая химия, впрыснутая в кровь кибердоком, не подвела, разогнав до предела реакцию. Оттолкнувшись ногами в позиции лежа, Северов сместился на полметра в сторону, задействовав последний козырь в виде встроенного в правое предплечье бластера. Можно было забиться, чьё кунг-фу круче, но время пустых споров прошло. Пара выстрелов слилось в один, сплюснутая с боков голова человека-муравья лопнула от попадания в упор. Дергая конечностями, он рухнул на спину. Врубив наплечный лазер, роторный ствол которого сейчас располагался параллельно полу, Богдан крутнулся вокруг своей оси, подрезая ноги, тем, кто на них ещё оставался. Уцелел второй муравьиноподобный, запрыгнувший на пилот-ложемент второго пилота. На своё несчастье двуногий муравей решил покончить с человеком, соревнуясь с ним в стрельбе, и преуспел бы, не будь у последнего включен издыхающий, но ещё работающий щит. Первые два выстрела растеклись тепловыми кляксами, третий и четвёртый опалили многострадальный правый бок. Под бронёй обуглилась кожа и тлел поддоспешник, едва ли не кипел гель в жилетке-корсете. Пятый выстрел из общего числа по ножке «гриба» пилот-ложемента сделал человек, мозг которого работал с быстродействием нейрокомпьютера. Хитиновый гад легко соскочил с заваливающейся конструкции, не подозревая, что противнику это только и надо. Терпя нечеловеческую боль, заглушить которую не мог никакой боевой коктейль, Северов выхватил из левой набедренной кобуры кинетический двенадцати миллиметровый пистолет с газовыми гильзами, всадив во врага несколько пуль, после чего немудряще спалил встроенным бластером отброшенную на пульт управления тушу.

— А я на пенсию собирался, — сплёвывая кровь на лицевое забрало, пробормотал Богдан, подползая к стойке корабельного ИИ. — Ничего личного...

«Уконтролив» катающегося по полу безного старшего помощника, и разнеся в пыль блок центрального нейрокомпьютера, чтобы живым не пришлось в голову врубить раньше срока систему самоуничтожения, Богдан взял на прицел пилот-ложементы с первым и вторым пилотами. Объятые животным ужасом пилоты, не отрывая глаз, смотрели на

страшного человека, с ног до головы заляпанного чужой кровью и требухой.

— У вас есть три секунды на ручной перевод огня на авианосец и БДК, — на языке каас сказал Богдан, поднимая с полу крюк. — Раз, два, три...

Вырывая кусок мяса, хищное жало клюнуло второго пилота в левое бедро, вахтовый скафандр выпустил наружу кляксу гермозаплатки. Через секунду заплатка появилась на правом бедре и на правом плече. Пилот зашёлся в безумном крике боли. Глядя прямо в глаза первого пилота, Северов хладнокровно пытал его напарника.

— Аварийные коды вам вбивают в подкорку, как думаешь, жало достанет до мозга? — замахнулся Богдан.

— Не надо! — сломался первый пилот.

— Умничка, — дуло пистолета уперлось в шлем вахтового скафандра в районе затылка каас. — Переводи стрельбу.

— Я не могу!

Бах! Второй пилот дёрнулся и затих. Черное дуло вернулось на место.

— У тебя небогатый выбор.

— Не надо, не убивайте! Я могу задробить стрельбу, погасить реакторы и отключить энерговоды! — пилот сжался в комок.

— Гаси.

— Но-но-но, отключ... пропадёт искусственная гравитация...

— Тебя это не должно волновать, — Богдан замахнулся крюком.

Руки каас быстрокрылыми птицами запорхали по виртуальным сенсорным панелям. Орудийные башни перестали плевать смертью, отключился главный реактор.

— Вот видишь, как всё просто, — похвалил Богдан пилота, который скосил глаза на обзорные экраны. — Молодец.

Северов проследил за взглядом трусящего ксеноса, по-прежнему не на секунду не расслабляясь. У каас в пилот-ложементах мальчики и девочки тоже не пальцем деланные. Пилотов бывшие союзники гоняют как сидоровых коз. Подготовка у них ого-го! Стоит моргнуть и тот что-нибудь отмочит. Самый первый страх прошёл, вытесненный индивидуально подобранным фармакологическим набором и приёмы психологического тренинга летун наверняка вспомнил и сейчас, морда собачья, о пакостях думает. В другом месте и в другое время они могли бы поговорить за жизнь и выпить по чашечке кофе до которого каас оказались большими охотниками и могли дуть напиток целый день, отрываясь только на посещение уборной, а так пришлось работать жёстко, ломая через колено давшего слабину разумного. Будь в рубке воздух, для закрепления эффекта Северов бы ещё слизнул кровь с крюка или отмочил ещё какой-нибудь номер из той же серии. Кровожадные земные варвары такие кровожадные, что просто жуть — врагов жрут прямо на поле боя, особенно предпочитая сердца или ещё теплую печень. Агитация и пропаганда рулят. Приёмов полевого экспресс-допроса и ломки разумных любых рас он знал вагон и маленькую тележку. Судя по загоревшимся в глазах пилота огням, тот действительно видит на голомониторах нечто интересное.

Развернув ложемент так, чтобы пленник, он же заложник и много кто ещё (Северову было лень перечислять), не брыкался, Богдан посмотрел на обзорный экран. В темной бездне космоса, чью глубину не мог передать никакой экран и объёмная голопроекция, разгорался новый бой. Из гиперпространства вываливались боевые корабли Третьего Флота. Авианосец, линкоры, крейсера и суда поддержки с ходу вступали в бой, отрезая эскадре каас

пути к отступлению. Футуристичные «шишки» проекторов крепостных полей закрыли силовыми экранами разворачивающуюся к бою эскадру, за их спинами из тьмы полуторакилометровые шары на палочках мощных «гравитационных колодцев» перекрыли саму возможность запуска гиперпространственных двигателей для совершения прыжка в радиусе трёхсот тысяч километров. А между тем финиширующие корабли сопровождения, не успев вывалиться в трёхмерное пространство, сразу запускали торпеды и глюонные самоходные мины. Лишив себя и противника скоростного манёвра, Третий флот обрушил на супостата натуральный огненный шторм, заставляя фрегаты, крейсер, авианосец и БДК уйти в глухую оборону. Более совершенная система целеуказания, БИУС и масс-радары монитора показывали, что эскадра противника насчитывала на три судна больше, чем высвечивал БИУС скафандра Богдана, просто два фрегата и крейсер искусно прятались в «тени» двигателей авианосца и БДК.

Ответные огненные копыя заклятых друзей бессильно расплылись по щитам, истребители и штурмовики, выпущенные авианосцем, угодили под перекрёстный огонь ПВО, а на отходе их уже поджидали развернувшиеся самодвижущиеся минные поля. Лишённые маневра, более полусотни машин стали мишенью и лёгкой добычей земных канониров. Выдвинувшийся в первую линию линейный корабль типа «Неотразимый» гвоздил и гвоздил из всех стволов и ракетных портов по двигательным отсекам кораблей противника. Скоростные минные заградители по большой дуге обошли сражение, окончательно заперев обречённых глюонными минами. Эти же минные банки прекрасно послужат сдерживающим фактором для возможного подкрепления или скрытого резерва. Чтобы подойти на выручку окружённой эскадре требовалось протралить пространство или уничтожить сотни малоразмерных целей, а это время как не крути.

Северов хищно осклабился — каас не просто так выставили против станции артиллерийский монитор и несколько эскадрилий штурмовиков и истребителей, они ловили на живца, готовясь растерзать явившуюся на стройплощадку жирную муху спасателей. Настроившие паутину волосатые пауки никак не ожидали импровизации одинокого штурмовика и попадания в капкан не травоядного оленя, а хищного ящера с планеты Бзас. Ближайший родственник вымерших земных динозавров с ходу щёлкнул громадными челюстями с тридцатисантиметровыми акульими зубами. Охотники сами стали добычей, зубастая акула по всем статьям проиграла белой акуле. Адмирал Иванцов захлопнул ловушку.

— Передай сигнал о капитуляции, — жало стального крюка упёрлось в грудь пилота. Глядя на стремительно приближающееся звено бомбардировщиков под прикрытием эскадрильи истребителей, приказал Богдан. — Сдавай корабль, мразь!

Сведя глаза в кучу, каас боялся оторвать взгляд от смертоносной стали, грозившей разрезать скафандр и то, что под ним. Убрав так пугающий малахольного летуна крюк, Богдан простимулировал его ударом кулака по шлему:

— Пошевеливайся, падла, пока нас не разнесли на атомы! Быстро!

— Да-да, — сомлел пилот от вернувшегося ужаса во плоти и злобных, леденящих глаз напротив. Это не человек, это сам дух мщения Изги, вымораживающий заживо нутро. Люди не могут в одиночку захватывать целые корабли с экипажами в три сотни штатных единиц, а этот монстр прошёл через броню и боевых дроидов с легкостью языческого бога смерти, уничтожая всё вокруг себя. Теперь он верил байкам о страшных землянах, поставивших на колени неукротимых роух. Люди не живут с такими ранами, а то, что они есть и человек

испытывает мучительную боль даже догадываться не надо. Оплавленный бок, вмятая грудная пластина и заплатки, заплатки... Во многих местах подкрашенная бурым цветом, гермопена клочьями торчала из многочисленных прорех.

— Шевелись! — мощная оплеуха, от которой едва не раскололся шлем, вернула пилота на землю. Дрожа всем телом, каас выполнил приказ.

Бомбардировщики отвернули, два звена истребителей остались плести петли и кружева вокруг захваченного трофея в ожидании штурмового бота и призовой команды.

— Руки! — приказал Богдан, снимая с пояса специальные наручники с функцией парализации. Пилот с видимым облегчением протянул вперёд руки. Заковывают, значит убивать не будут.

Призовая команда высадилась на артиллерийский монитор через четыре минуты. За этот короткий промежуток эскадра каас лишилась одного фрегата, разнесённого на атомы, и двигательного модуля монитора. Крейсер и второй фрегат тоже дышали на ладан. Авианосец пострадал меньше, но и его участь не лучилась лучами добра. Туша в два с половиной километра длиной покрылась многочисленными язвами накрытий и теперь заваливалась на левый бок, фонтанируя во все стороны газовыми выхлопами. Не было никакого длительного противостояния и трагической кульминации сражения, эскадру элементарно задавили силой. Съевший не одну собаку на линейных сражениях, опытный ирийский адмирал не подставил ни одного своего корабля под гарантированное поражение, навязав противнику бой на предельных дистанциях, где у него было подавляющее преимущество. Пилот в ложементе вёл себя спокойно, меланхолично разглядывая потолок, а Богдан с каждой минутой слабел, едва удерживаясь на ногах. Адреналин схлынул, накатила слабость. Держа дверь и им же пробитую дыру на прицеле, он чуть не всадил бластерный болт в штурмовой «Хорс», показавшийся в оплавленном проёме. Прибыли, наконец. Встроенные в скафандры компьютеры и БИУСы обменялись пакетами данных, но майор Тихомиров, ввалившийся в рубку во главе целого отделения бравых парней, настроился на волну Северова и представился по всем правилам, на что Богдан отрешённо кивнул, лениво взмахивая рукой:

— Тоннельщик Северов, вон, гляди дырок сколько наделал и во мне наделали, черти окаянные.

Прочитав данные биометрии тоннельщика, поступившие по каналу обмена информацией, Тихомиров сначала тихо присвистнул, потом ошалело вчитался в показания счётчика Гейгера и рявкнул подчинённым:

— Смирнов, Елисеев, хватайте майора за руки-ноги и мухой тащите на бот, а потом быстро-быстро чешите до хаты. Там сдадите его в госпиталь. Исполнять!

— Есть!

Две расплывающиеся массивные фигуры мутными тенями накатили на Богдана и подхватили его под руки. Дорогу до штурмового бота он помнил урывками, как и полёт, а прикрытый силовой плёнкой ангар авианосца «Адмирал Нахимов» и госпиталь в голове уже не отложились.

Его Солнце — Регинушка, не пострадала, а остальное не существенно. Люди на станции выжили. Теперь можно расслабиться и поспать.

— Ой, она шекочется!

Восторженно взвизгнув, русоволосая девчушка лет семнадцати на вид сдула с носа бархатную кружавницу — ирийскую родню земных бабочек, и смешно подпрыгивая, погналась за порхающим у самого лица насекомым.

— А-а-а! — донёсся от озера радостный возглас. Девушка с разгона плюхнулась в прогретую солнцем воду.

— Пусть, — прислушиваясь к бултыхающейся на мели непоседе, сказал Богдан и потёрся щекой о бархатное бедро жены. — Никогда не думал, что наша стервочка может быть такой непосредственной егозой.

— Пусть, — согласилась Регина, проведя ладонью по абсолютно лысой, как коленка, голове мужа, — она заново открывает мир. Знаешь, я ей даже завидую черной завистью. Мы давно разучились радоваться мелочам, мир потерял краски.

— Подожди, — Богдан нежно прикоснулся губами к начавшему округляться животу, — вот появятся наши карапузики на свет, посмотрю я, что ты тогда запоешь. Красок они тебе напмажут от души.

— С чего бы, вдруг они будут примерными лапочками и не станут пить из родителей кровь и соки.

— О-о, солнце моё, поверь моей интуиции и отягощённой наследственностью, это будет чёрт в штанах и ведьма в юбке.

— Хватит, не сгущай краски раньше времени, Нострадамус.

— Да-да, настрадаюсь я с вами.

— Чего ты? — выгнула бровь Регина. — Я не поняла.

— Люблю я вас, говорю. И страдаю, что ещё пять месяцев ждать. А точно девочка и мальчик будут?

— Точно, Фома неверующий, — обмакнув в сметану ягоду лесной духовицы и скормив её супругу, ответила Регина.

— Обалдеть!

— Осторожно, тарелки не опрокинь.

— Ой! — тарелку с ягодой и миску со сметаной Богдан не опрокинул, но в последнюю со слепу влетел пятерней. Ухмыльнувшись во все тридцать два, он принялся смачно облизывать измазанные лакомством пальцы.

— А-а! — переполненные восторга крики и визги неслись со стороны озера. — А ну стойте!

— Я тебе ноги не отдал? — очищенные кошачьм способом руки сомкнулись на поясице жены. — Ты такая тёплая. Мягонькая...

— Вся твоя, — ткнувшись затылком в ствол синежильного дуба и лопатками ощущая все извилины и шероховатости тёплой коры дерева, улыбнулась Регина.

— Она там не утонет? — встрепнулся муж, прислушиваясь к всплескам.

— Успокойся, папашка, там курице по щиколотку. Машка на мели водных журчалников гоняет.

— Я спокоен, и тебе бы не мешало, мать моих детей, жена моя. Кончай реветь.

— Не реву я, — отмахнулась Регина, смахивая предательскую слезу, — чего привязался?

— Ага, я может быть и не вижу, зато нюхаю и слышу хорошо. Кого ты пытаешься обмануть. Полковник, быстро подобрали сопли, это приказ!

— Нос не дорос мне приказывать.

— Цыц, женщина, да убоись гнева мужа своего. Завтра у меня будут новые глаза — чистые и шелковистые. Сергей Семёнович надясь вырастил в пробирке. На выбор говорит, хоть карие, хоть голубые, хоть серо-буро-малиновые. Натурпродукт, никакой кибернетической гадости и синтетики. Бает, что зрение станет, как у орла и ночью буду видеть не хуже кошки. Брешет, наверное. С понедельника отменяют генорегенерационный курс и нанокоррекцию с арадиотином. Печень вырастили, прижилась лучше, чем родная. Да кому я рассказываю, ты лучше меня всё знаешь. А волосы, — после небольшой паузы невпопад сказал Богдан, — волосы отрастут. А не отрастут, так на расчёсках сэкономлю.

— Идёт, — шевельнув ухом, сказал Богдан. — Пустота милосердная, как мне обрыдли процедуры.

Регина не переставала удивляться мужу, как это ему удаётся?! А правда ли он ослеп? Медсестра с гравикреслом только показалась на тропинке у поворота к озеру, а Северов каким-то непостижимым образом уже срисовал её. Гоня перед собой волну незамутнённого позитива, от озера прибежала Марья. Держа ладони лодочкой, она сунула их под нос Регине.

— Дай угадаю, поймала журчалника? — улыбнулся Богдан.

— Ага! Серебристого! — не стала делать тайны Марья. — Я сейчас.

Наградив всех свежим дождём с мокрых волос, Марья умчалась выпускать на волю земноводную ящерку, занимающую на Ирие нишу лягушек.

— Ну-ка, доедай, — Регина быстро скормила мужу остатки ягод. — Выздоровливающему организму требуются витамины.

Подошедшая медсестра в категорической форме отмела все попытки ранбольного пройти до госпиталя пешком. Пригрозив жалобой лечащему врачу, она насильно усадила Северова в кресло.

— Маша, собери, пожалуйста, плед и посуду в корзинку, а я до главного врача прогуляюсь, да прослежу, чтобы этот боевик от клизмы не сбежал, — обернулась Регина к андроиду. Бышая инк, получившая антропоморфную платформу с нейроинтерфейсом последнего поколения, кивнула в ответ. Ей не трудно.

* * *

— И что здесь? — прищурившись, Богдан с изрядной долей скептицизма рассматривал рамку фреймчита.

— Чтиво, тебе теперь можно. Повязку когда сняли, три дня назад? — Регина ласково провела по удивительно мягкому «ежику» волос на голове супруга, таки шевелюра у которого начала отрастать и оказалась не жёсткой и колючей, а пушистой, будто у младенца.

Богдан поймал руку жены, прижавшись губами к тонким, таким обманчиво хрупким пальчикам с аккуратным маникюром. Две недели после операции по пересадке специально под него выращенных глаз ему пришлось таскать темную повязку и пить всякую гадость для скорейшего приживания нервных окончаний. Зачем, спрашивается, когда можно было ограничиться медицинскими нанитами, ну потерпел бы он три, от силы четыре дня, но две недели темной полумаски на лице это через чур. А потом ещё три дня адапционного

периода с постепенным усилением освещённости и, в печень этих эскулапов, нанитовыми инъекциями. Один плюс, хоть было за что терпеть. Острота зрения у новых глазок не хуже, чем у орла и кошек. Профессор что-то такое там намудрил, зато ночью можно без фонаря гулять, как кот, который ходит сам по себе.

Игры с радиацией и сёрфинг на ударной волне лихачу с рук не сошли. Лучевая болезнь во всех её жутких проявлениях, отягощённая ранениями и боевой химией, которая сама по себе встряхивает организм подобно блендеру, нагнали рисконавта, не успел тот опустить оружие. Удивительным было то, что тот дотянул до Ирия не отбросив по пути копыта. За авантюры пришлось расплачиваться двумя месяцами в регенерационной капсуле в состоянии спящего овоща и ещё полутора месяцами реабилитационного курса биогенной коррекции. Неприятным сюрпризом после выхода с капсулы стало быстро прогрессирующая слепота. Что-то в глазах основательно сломалось и не думало поддаваться лечению. Собрав консилиум, врачи решили бороться с недугом самым кардинальным методом, то есть сменить глаза пациенту. Не далее, как три дня назад Богдану дали добро на полную нагрузку новоприобретённых органов зрения.

— Так всё же, что здесь?

— Упрощённое до безобразия интересное чтиво, — влив в голос липкой патоки еляя, добавила она, после чего жёстко припечатала. — Дочитаешь, отформатируй фрейм. Даже за такой бульварный роман убивают без приговора суда.

— Постой, не гони лошадей, — нахмурился Богдан, постепенно светлея лицом. — Марья?

— Марья.

— Ей же должны были почистить память, Маланов вряд ли бы допустил утечку информации на сторону.

— А ей и почистили, — Регина поправила солнцезащитные очки и потянулась за бутылкой охлаждённого апельсинового тока, — но наша девочка оказалась не лыком шита. Структуру кодирования и распыления сведений в информационных массивах и кластеров она знает лучше иных специалистов. Кто из нас ИИ с многолетним опытом и стажем? Щенки они криволапые супротив неё. У Машки убрали локальный кластер, начисто стерев три дня, как думали Маланов и спецпура* Ильина. Убрали, почистили, форматнули архив, а на маркеры-ремемберы никто внимания не обратил.

— Виртуальные матричные массивы?

— Не суть важно, — отмахнулась Регина. — Марья надула всех, зашифровав маркеры и присвоив им своё кодирование. Что за кодирование не сознаётся, сверчит оптовизорами, трясётся, но молчит. Ладно, имеет право. Заслужила, — философски высказалась Регина, — черт с ней, главное то, что она смогла сшить стёртый кусок, восстановив главные фрагменты возвращения рейдовой группы.

— Я бы тоже постарался натянуть контриков и безопасников, — хмыкнул Богдан, — чисто из спортивного интереса.

— Марья так и сказала, что чисто из спортивного интереса. Не от тебя ли набралась, дорогой?

— Ничего не знаю! — ушёл в несознанку Богдан, включая воспроизведение.

Быть застигнутым врасплох за чтением секретных документов Северовы не опасались. Во-первых, фреймчит был защищён генокодом и цифровым паролем с «плавающим» интервалом по времени между вводом очередной цифры, любая ошибка и взломщик или

хозяин получал в конце кусок оплавившегося девайса. Во-вторых, уголок больничного парка у озера не контролировался следящей аппаратурой. Последний нюанс Регина выяснила в прошлые посещения. Чего не смогли углядеть пронесённые женщиной приборы, проверила Марья, протестировав встроенный волновой сканер. Позже оказалось, что на жёстком контроле силовиков находится периметр охраняемой зоны и здания ЦВГИ — центрального военного госпиталя Ирия, а внутри они довольствуются видеонаблюдением. Всему виной были чувствительные медицинская аппаратура и приборы. Иные нейромодуляторы и сенсоры начинали сбоить от постороннего электромагнитного и нейровлияния, поэтому госпиталь имел два внешних кольца безопасности и парк, в котором отдыхали и проходили реабилитацию больные и раненые. Грех было не воспользоваться изюминкой, «съеденной» под самым носом всесильных спецслужб.

Прочитав и просмотрев предоставленные материалы, Богдан провел пальцем по экрану, изобразив знак молнии. Изображение мигнуло, выведя на плоскость список фильмов и книг, содержащихся в библиотеке фрейма. От секретных файлов не осталось ни бита информации.

— «Са воей» — «сон разума», да они романтики, мать их, — зло сплюнул Северов. — А ведь у этих самок собаки могло выгореть.

— Обломились. Благодаря тебе, дорогой, не выгорело.

— Лучше бы не читал, как гуано полной пастью хапнул...

Всё началось сто тридцать лет назад по земному календарю. Третий год шли вялотекущие пограничные стычки между Протекторатом каас и окраинными Доминионами Роух в секторе Раан. Если разобраться, сектор, получивший поэтическое название в честь древней богини рассвета Роух, не был нужен ни первым, не вторым, но дело принципа. Каас попытались по въевшейся привычке переложить основное бремя ведения военных действий на землян, но те отбоярились осложнениями на границах с теми же роух, а сами «широконосые»* за последние столетия отвыкли проливать кровь почём зря, поэтому дела в секторе у них шли ни шатко, ни валко. Роух тоже не особо горели желанием проливать кровь, тем более над ними висел дамоклов меч Третьего флота. Границ Провала обезьяны не пересели, но в любой момент эти воинственные мартышки могли объявить мобилизацию и заняться обрезанием кошачьих хвостов, поэтому значительные силы Доминионов барражировали вдоль внешних границ ничейного фронта, служившего буферной зоной между провалом и Доминионами. Худо ли, бедно ли, но порою стороны устраивали засады и нападения на военные корабли друг друга или захватывали караваны и транспорты снабжения. В тот злаполучный день, когда началась история открытия планеты Свон, крейсер «Бзаас», чьё название наиболее близко к Немезиде, угодил в ловушку при патрулировании астероидного поля у каталожной звезды с девятизначным номером. Роух заминировали несколько астероидов, устроив направленные взрывы с облаками осколков, устремившихся к «Бзаас». Каменный ливень, обрушившийся на боевой корабль, нёс в себе около десятка мин, разорвавшихся на границе силовых экранов и перегрузивших энергореактор. Естественно, защита крейсера пала и тогда молодой капитан, понимавший, что без экранов корабль станет лёгкой добычей четырёх фрегатов роух, сбросивших маскировку и появившихся на мониторах боевой рубки, принял решение отступить. Вроде всё правильно, покинуть поле боя с заведомо сильнейшим противником без малейшего шанса хоть как-то потрепать его не считается трусостью, но вмешался Его Величество Случай. В силу неизвестных причин, не оставивших след в истории, вместо включения частотных и внутрисистемных двигателей, сработали прыжковые гиперпространственные.

Активация которых в непосредственной близости от астероида пятидесяти километров в поперечнике и массой в миллиарды и миллиарды тонн не могла привести ни к чему хорошему. Засветка «Бзаас» исчезла с мониторов роух. Через семь долгих лет крейсер выпал в трёхмерное пространство у неприметного желтого карлика класса G2V, спрятанного в пространственном кармане, кои в гравитационной аномалии Реэрской области встречались не то чтобы часто, но и редкостью их назвать язык не поворачивался. На счастье остатков экипажа, от которого осталось жалких тридцать членов из полутысячи — остальные погибли во время прыжка, жёлтый карлик крутил вокруг себя несколько планет, одна из которых впоследствии получила имя Свон.

Пять лет оставшиеся в живых зализывали раны, попутно ремонтируя потрёпанный корабль и исследуя планету. Древний дух авантюристов и первопроходцев ещё не покинул каас. Через пять лет крейсер оторвался от поверхности приютившей его планеты. В трюме корабля ждали своего часа десятки герметичных ящиков с собранными образцами, в том числе емкости с так называемым маточным молочком, которое выделяли гигантские муравьиные королевы для вскармливая личинок. Не забываем, что содержание кислорода в атмосфере планеты на несколько процентов выше, чем на Земле, соответственно размер насекомых на Своне больше. Рабочие особи муравьёв достигали пятидесяти сантиметров в длину, а что уже говорить о «солдатах» и «королевах»? Планетой правили насекомые.

Выбравшись из «кармана», гравиялокаторы «Бзаас» уловили сигналы далеких маяков. Дорога домой была найдена, заняла она долгих четыре месяца и далась экипажу выходом из строя половины прыжковых двигателей и практически всем запасом топлива для реакторов, но в порт приписки «Бзаас» так и не прибыла, испарившись навсегда где-то на границе владений каас после встречи с патрульным крейсером Службы Внешних Наблюдений. Разведка Протектората весьма заинтересовалась одним из образцов, а именно маточным молочком, обладавшим психотропным действием на каас и людей и сулившим заманчивые перспективы, но вот беда, поганые муравьи оказались эндемиками, привязанными к реликтовой среде планеты, не желая плодиться в искусственной среде за границами Реэрской области. После осознания проблемы было принято решение основать исследовательский центр на Своне. Сказано — сделано. Верховные шишки Протектората из силового блока и контрразведки где надо поставили свои подписи, выделили финансирование. Так родилась программа «Са воей». На планете появилась постоянно действующая научная база, а в черноту Реэрской области потянулись контейнеровозы-«морозильники» с «подопытным материалом». До половины захваченных «пиратами» пассажиров гражданских судов не пополняло рынок рабов и не возвращалось домой после выкупа. «Материала» учёным требовалось много. База с самого начала оказалась на самоокупаемости и самообеспечении, только раз в десять лет шайка пиратов «захватывала» какой-нибудь рейдер из тех, что поновее или на верфи приходил заказ от неизвестных лиц.

Каас всегда мыслили категориями столетий и тысячелетий, они давным-давно спрогнозировали противостояние со стремительно развивающимся человечеством и оказались не рады выпущенному из бутылки джину. Впитав людскую мудрость о том, что лучше возглавить то, что не можешь победить, протекторы решили, ни много, не мало, возглавить человечество. Поработить, что может быть проще. При сроке жизни в три — три с половиной века, вершители судеб надеялись увидеть собственный триумф, тем более программа начала давать первые зримые результаты. Королевы с помощью «молочка» и

биохимических закладок программировали поведение личинок, так и люди, нюхнувшие новомодных наркотиков «хрустальный рай» или «панацея», синтезированных из свонских надоев с королевских ферм, получали биохимический маркер и ментальную закладку. Отрава, не без усилий тщательно подобранной резидентатуры, рекламщиков и маркетологов, получила особое распространение и популярность богемы, «золотой молодёжи» и светской и творческой тусовки, приближённой к властным структурам землян. Данные наркотики, стимулируя работу мозга и повышая общую работоспособность, не давали побочных эффектов в виде зависимости. По словам людей опытных слезть с них плёвое дело, что, в принципе, подтверждалось врачами и светилами медицинской науки. Слез, перестал колотиться или нюхать, всё равно ты оставался висеть крючке, и твоя свобода оказывалась мнимой, незримые ниточки уже держал инозвёздный кукловод. Хитрый наркотик формировал в мозгах людей своеобразные информационные триггеры и закладывал поведенческие и эмоционально-ментальные реакции, подобно тем, которые формируются королевами муравьёв у ниже стоящих особей. Триггеры и ментальные маркеры, как можно догадаться, настраивались на каас. Каассамые умные, они лучше понимают остроту момента и знают, что нужно людям.

Тихо, исподволь, в течение трёх поколений полировались мозги человеческой элиты в лице чиновничьего аппарата Конфедерации вкупе с правительственно-депутатским корпусом. Кукловоды прекрасно знали, что посторонних в политику не пускают и саморегулирующаяся клановая система уничтожает или изгоняет чужаков. Одни и те же семьи поколениями восседают на политическом Олимпе, лишь изредка допуская на вершину пробивных чужаков или возмутителей спокойствия. Каасский спрут не смог охватить своими щупальцами всех, всех бы и не получилось, но как говорят бизнесмены, контрольный пакет они собрали. Не оставались в стороне актёры и артисты, творческая интеллигенция и учёные.

Девять лет назад биогенетикам удалось удачно скрестить ДНК людей и муравьёв Свона. Маточные репликаторы выпустили на свет антропоморфных химер с дополнительным внешним хитиновым скелетом. Абсолютно послушные и преданные, чрезвычайно выносливые и сильные, обладающие феноменальной реакцией и сумасшедшей скоростью, они стали старшими бойцами. Разобравшись в механизме биoprogrammирования, учёные за год вкачивали в химер полагающийся объём информации. Ничего удивительного, что у некоторых Протекторов и их приближённых появились закованные в глухие латы элитные телохранители. Три года назад на свет появилась первая королева-химера — гигантская тошнотворная смесь женщины и муравьиной самки, способной воспроизводить на свет практически неопределимых от людей особей, ставших очередным этапом развития программы каас. Без соответствующей защиты, устоять перед ментальной и феромоновой атакой новой королевы не мог практически никто, так и перед новыми особями люди оказывались бессильны.

В современном мире при гигантском ареале распространения людей мелкая мутация скорее правило, чем исключение. «Мужские» и «женские» особи, запрограммированные на безусловное подчинение создателям, должны были взять на себя ответственную ношу пастухов человеческого стада, но в тщательно проработанной и выверенной программе закралось одно слабое звено — Провал с российским колониальным сектором. Так уж вышло, что реликтовое излучение, породившее не одну мутацию, даровало людям защиту. У коренных обитателей русского сектора появились приобретённые вследствие мутаций

биохимические отличия с остальными землянами и жителями центральных миров, не говоря уже о разнице в нервной системе, работе мозга, скорости протекания нейронных импульсов и нейроизлучениях. Биохимические закладки и различные императивы не желали устанавливаться в их головах. Участь Провала была предрешена. Была санкционирована и постепенно набирала обороты травля. Протекторы каас через своих марионеток инспирировали процесс «демилитаризации» сектора. По плану Третий флот переподчинился правительству Конфедерации. Через десять лет из него вычищался офицерский состав, костяк которого составляли выпускники военных академий и училищ Провала. Ещё через пять лет главная база Флота переводилась ближе к мирам Метрополии, потом на очереди были орбитальные и системные крепости, а под занавес на границе сектора начиналась очередная заварушка с роух и беззащитные планеты сгорали в горниле войны.

Как предсказывали аналитики, колониальные администрации Провала отказались подчиняться воле и давлению Земли. Конфедерация медленно и верно скатывалась в политический кризис, что тоже не могло не радовать кукловодов, и было им на руку. Планеты русского сектора не первый раз объявлялись гнездом сепаратизма... Возможно, не придётся пачкать руки, люди сами прекрасно разберутся, устроив между собой кровавое побоище, чем на всю галактику подтвердят клише диких варваров. На беду каас и счастье людей, сим планам не суждено было сбыться. Случилось строительство тоннеля через Реэрскую облась или, на земной манер — Аюй. Силовой блок Протекторов каас прохлопал ушами начало строительства, ведь и на старуху бывает проруха. Всё же с секретными планами оказался ознакомлен весьма узкий круг лиц, да и на политическом олимпе у каас бульдоги грызли друг друга не хуже, чем на Земле и экономические интересы зачастую превалируют над остальными. Контракт на строительство, которое, усилиями законспирированных агентов Службы Внешних Наблюдений и неких протекторов до этого откладывалось не один раз, был заключён. Говоря честно, задействованные в проекте Протекторы больше всего боялись не людей и Третьего флота провала, а того, что на свет Божий выплывет их самая тщательно охраняемая тайна — эксперименты над представителями расы каас, коих на планете Свон по скальпелями новых докторов Менгеле гробилось не меньше *Homo Sapiens*. По замыслу творцов «Сон разума» может стать всеобъемлющим. Пастухи требуются не только людям, да и стоит ли затевать всю возню только ради «обезьян»? Когда на кону маячит приз в виде абсолютной власти, голос совести неслышен. Всплыви их грязное бельишко и несколько богов на политическом Олимпе Протектората мигом останется без голов. Свои же не простят и не помилуют.

Небольшая накладка с варварской строительной компанией внезапно вылилась в настоящую катастрофу, грозящую похоронить под собой столетние труды, требовалось срочно спасти положение, но так, чтобы не спровоцировать войну, к которой Протекторат не готовился. Зато оказались готовы люди. Не технически — морально.

Рейдова команда Мухина Олега на захваченном кааском корвете удачно перехватила стартующий с планеты грузовой курьер, вывозящий архивы. Изобразив вернувшихся с разгрома строительной площадки победителей и необходимость передачи на родину сверхсекретной информации, Мухин повел корвет на стыковку с курьером, провернув с ним тот же фокус, что был испытан самими каас на штурмовом боте. Мощный станнерный разряд парализовал экипаж курьера, взломанные коды безопасности блокировали запуск системы самоуничтожения кораблика. «Теплых» пленников засунули в анабиозные камеры, мины и систему уничтожения демонтировали, благо опыт имелся. Оставив судно висеть на

орбите, корвет, пропущенный куцей системой ПКО секретной базы, совершил глубокий нырок в атмосферу Свона. В самой нижней точке нырка в брюхе корабля открылись артиллерийские порты. На поверхность обрушился смертоносный ливень, заполированный втихую сташенным со стройки реактором. Испытывать судьбу Мухин не стал. Разгромив научный комплекс, космодром, батарею прикрытия и загадив местность радиоактивными отходами, чтобы выжившим жизнь не казалась малиной, он состыковался с курьером и взял курс на стройплощадку, где его уже с нетерпением ждал Ильин со товарищи. Если бы они догадывались, какую информационную бомбу с собой притащили. Царь-бомбу! Бомбу, чей тихий невидимый обывателям и простым смертным взрыв снесёт установленный в галактике миропорядок.

— Рега, ответь честно, хорошо?

— Хорошо, я буду сама откровенность.

— Зачем ты мне сунула эту гору гадко пахнущего дерьма? Нельзя было в двух словах обсказать?

— Нельзя. Сунула, чтобы ты знал, к чему готовиться. Ты теперь лицо официальное, общественное. Герой, в одиночку захвативший артиллерийский монитор. В званиях меня догнал. Заказывай новый парадный мундир с дырками под ордена. Не знал? Да-а, дорогой, убил ты меня и я дурра, забыла, что вы сидите тут в информационной блокаде, что вокруг творится, не знаете. Одни развлекательные каналы разрешены. Короче, милый, ты думаешь после всего этого нас оставят в покое? В Конфедерации началась охота на ведьм, дорогой, поголовные проверки и ментосканирование. Пойманных или замеченных ранее в злоупотреблении наркотиками гонят отовсюду, все друг с другом сводят счёты. Жуть, что творится. У каас головы летят направо и налево не только в переносном смысле. Бурление фекалий такое, будто в сортир закинули центнер дрожжей. В Провале объявлена мобилизация, расконсервируются крепости, корабли и мобилизационные арсеналы. Третий Флот захватил Аюй. Не сегодня-завтра во всеуслышание будет объявлено о независимости и Втором Иходе. Ты, дорогой, таки пробил тоннель в будущее, каким только оно будет?

— Светлым, радость моя. Светлым.

— Хотелось бы верить, боюсь сглазить только. Пока ты сидел тут за семью замками, из тебя во внешнем мире вовсю лепят новую икону, превознося твои подвиги по всем информканалам. Адмирал врубил PR-машину на полную катушку, выжимая из ситуации всё возможное и невозможное. На Земле и мирах Метрополии натуральная истерика. Особенный дурдом начался после обнародования фактов сражения с эскадрой каас и выдвижением ударных сил флота к пограничью и внешним секторам.

— Что там с головами, Дед* слил эмиссарам Протектората быль о разуме спящем?

— Слил, так что бывшим союзникам сейчас не до нас, как и многим в Конфедерации.

— Я думаю, он знает, что делает.

— Он-то знает, а что будешь делать ты?

— Поверь, лапа моя, не пропаду.

— Посмотрю я на тебя послезавтра, как ты через день запоёшь.

— А что у нас послезавтра?

— Награждение и торжественный приём в Доме правительства. Готовься, герой. Тихо, милый, не паникуй, парадную форму я тебе заказала несколько дней назад, помнишь антропоморфные замеры? Вот ими и воспользовалась.

— Моя ты спасительница! А как же госпиталь?

— Через час осмотр, получишь на руки заключение врача и адью — скатертью дорога. Что вылупился, как баран на новые ворота? — усмехнулась Регина, поспешив раскрыть источник информации. — Я с главным врачом разговаривала перед тем, как к тебе идти. Так что бычок, пахать на тебе и пахать. Хватит филонить.

* * *

За три часа до церемонии Северов уточнил чести личной аудиенции у адмирала Иванцова. Разговор у них состоялся тяжелый, даже не смотря на то, что командующий и один из главных лидеров движения за независимость получил заверения о полной лояльности Северова и всемерной поддержке выбранного курса. Тем не менее, самоубийственный рейд вечной межой пролёг между мужчинами. Один из них послал другого на верную смерть без возможности выживания, и пусть невольный камикадзе понял и принял логикой приказ высшего командования, душа его не желала брать на себя ношу самопожертвования ради высшего и чужого блага. На прямой вопрос, согласен ли Богдан выступать в роли флага и символа возглавляемого адмиралом политического движения, тот ответил согласием, но только в тех случаях, когда этого реально требует момент и ситуация. Он согласен изображать флаг, а не на потеху публике трепыхающуюся на ветру оборванную тряпку. Взамен адмирал брал на себя заботу о «символе и флаге» в плане ограждения Северова от сальных ручонок, которых протянется к лакомому куску в великом множестве. Да и в политику он его втягивать свыше обозначенного не будет и прочему змеиному паноптикуму не даст. Кроме прямолинейного расставления точек над *i*, мужчины договорились, что на приёме в правительстве Северов будет изображать креатуру Иванцова. Эдакий удачный симбиоз двух ветвей древа силовых структур — флота и внешней разведки, тем более избранная линия поведения не слишком отличается от реальности. Один из них в самом деле обязан стремительным карьерным взлётом другому и всеми окружающими считается его креатурой. В силу каких-то причин адмиралу было выгодно выставить на обозрение именно эту версию. С другой стороны, второй не менее обязан первому, но круг вовлечённых лиц в этом случае заметно уже. Пожалуй, только ближайшее окружение адмирала обладало всем объёмом информации, предпочитая держать язык за зубами.

По официальной версии Северов уходил в отставку с действительной военной службы по состоянию здоровья. Железный аргумент, оспорить который ни кого не поднимется рука. Для него уже было подготовлено тёплое местечко в военной академии, но Богдан, к тому времени узнавший через Регину о ещё двух кислородосодержащих планетах в центре Аюя, сорвал замыслы адмирала, пожелав перебраться на новое место жительства. Вот там его организаторские таланты пригодятся как нигде лучше всего. Провал и миры Метрополии выразили желание покинуть около семидесяти миллионов человек. Реально поток переселенцев ожидается куда больше, только на Земле на программу переселения записалось больше тридцати миллионов россиян. Разрабатываются варианты перевозки в новые миры исторических памятников и целых архитектурных комплексов. У роух арендуются гигантские колониальные транспорты, способные брать на борт по десять тысяч человек за раз со всей техникой, материалами первой необходимости, автоматическими заводами и сборочными цехами первого цикла.

Пожевав губами, седовласый адмирал вынужден был согласиться, понимая, что

насильно никого не удержишь и мил не будешь, тем более кто-то должен воплощать поисте наполеоновские планы по колонизации целого сектора галактики и взять на себя заботу о строительстве транспортной инфраструктуры. Как не крути, а без развитой тоннельной сети в Аюе не обойтись. Так почему бы и нет, тем более, если да? Герой, полковник в отставке, на должности главного координатора или начальника тоннелестроительного треста будет смотреться куда выгодней незнакомых варягов со стороны. Уж об этом адмирал позаботится. Внимательно выслушав Богдана, Иванцов ненадолго задумался, потом кивнул собеседнику, предлагая тому ознакомиться с коротким голографическим фильмом, включающим релиз об открытых мирах. Богдан с первого взгляда влюбился в Тару — планету, названную в честь богини, покровительствующей всему живому, особенно лесам.

Тара была чуть крупнее Земли. Радиус планеты составлял шесть тысяч семьсот девяносто километров и Северов уже в мечтах вспенивал на экранолёте волны теплых морей и океанов, ударяясь воздушным потоком экрана о берега трёх континентов и множества островов. Покрытая лесами зелёная красавица, словно кокетка, вращалась вокруг собственной оси, делая полный круг за двадцать шесть часов. Украшениями в ожерелье богини служили два спутника вполовину и в треть Луны размером. Официальные имена им ещё не присвоили, отдав эту честь колонистам. Полный оборот вокруг светила составлял триста девяносто шесть дней. Богатый животный и растительный мир. Тёплый субтропический климат превращал планету в настоящую жемчужину. Тара — это алмаз в плеяде миров Аюя. Переселенцев с Земли могла немного огорчить сила тяжести в полторы стандартных, но коренные ирийцы и пандорцы будут чувствовать себя как дома. Усмехнувшись, адмирал предоставил Богдану право выбора участка под строительство дома или поместья по выбору. Как бы не хотелось последнему перетащить на Тару любимый «Медвежий угол», но родственники не поймут, если он заберёт с собой память всего рода. Придётся рубить новую берлогу или строить семейное гнездо. Врачи заверили, что после биогенной коррекции и генных модификаций он сто процентов не наплодит мутантов, хотя мутация мутации рознь, поэтому на близнецах они с Региной не остановятся. Он с детства мечтал о большой семье, суженая как-то обмолвилась о пяти ребятишках. Что ж, никто её за язык не тянул... В мечтах Богдана уже возвышался большой рубленый дом, с коньком на крыше, резными наличниками и воротами, банькой у озера или реки, летней кухней и обязательным яблоневым садом. Дом он построит большой. На века.

Заметив в глазах потерявшего действительность собеседника разгорающийся мечтательный огонёк пионера первооткрывателя, Сергей Константинович отпустил на волю и журавля, и синицу, которую он час назад планировал пристроить к делу. Приходится признать, эта партия отыграна. Проходная пешка, готовая шагнуть на последнюю клетку и перейти в разряд ферзей, внезапно покинула доску, переместившись на другое игровое поле, где она принесёт намного больше пользы себе и окружающим. Лети. Лети, синичка. Заслужила. Только что старый адмирал, сам того не желая, подарил мечту, забрать которую обратно оказался не готов. Не у этого молодого человека и так много положившего на алтарь... Жизнь. Достойная ли это цена, чтобы обрести и воплотить мечту?

— Богдан Михайлович!

— Что? Да-да, — взгляд Северова обрёл осмысленность.

— Давайте ещё раз пройдемся по стратегии во время приёма...

Подхватив с подноса официанта бокал с шампанским, Богдан профессионально нырнул в тень витой колонны, как и два десятка её товаров держащей своды зала приёмов. С тенью в этот вечер не сложилось, стилизованные под старину люстры на тысячу свечей заливали зал мягким приятным светом. Искусно вписанные в интерьер бра и невидимые глазу светильники подсвечивали великолепную настенную резьбу и барельефы на стенах. Не спрячешься. Не под стол же лезть, право дело.

Первый час после награждения Богдан с невозмутимой миной на лице терпел славословия и дифирамбы политиков, а потом ему обрыдли эти сальные рожи с натянутыми улыбками и масляными глазками. Редко кто искренне поздравлял обладателя высшей награды Провала, в основном чувствовалась фальшь и желание получить профит. На отлично сыграла разработанная адмиралом стратегия поведения и заранее выученные лица «бомонда», напротив которых шла краткая справка-характеристика на каждого. Благодаря всеобъемлющим консультациям Сергея Константиновича он сумел избежать нескольких ловушек и не влипнуть в словесную западню. Устав от лживых улыбок, он предпринял манёвр уклонения, заключённый в слиянии со стеной. Это Регина, облачённая в свободное платье насыщенного василькового цвета и длинные, выше локтя, перчатки, свободно фланировала по залу, то и дело останавливаясь у очередного бывшего сослуживца или знакомого, перекидываясь с каждым парой слов, а то и заводя короткие разговоры. На приёме супруга чувствовала себя словно рыба в воде, а он взял себе небольшой тайм-аут. Потягивая шампанское, Богдан одним глазом следил за женой, с которой он расписался в госпитале на третий день после выхода с капсулы. Вторым глазом и взвинченным восприятием он отслеживал прихотливые зигзаги нескольких роух, возглавляемых роахири с окрасом шерсти как у снежного барса... Где же её телохранитель?

С членами делегации звездных соседей во главе с Посланницей Раин из прайда Арран, одного из главенствующих прайдов Роух, они с Региной имели честь поручаться во время официальной церемонии представления гостей, где адмирал Сергей Иванцов лично представил супругов высокопоставленным гостям. Быстро растут дети, помнится, Егор упоминал о том, что хвостатая девочка только готовится стать дипломатом, а погляди-ка, уже заняла место отца.

Кошки почувствовали перемену политических ветров и подсустились, высадив на Ирий натуральный дипломатический десант. О чём они договаривались за закрытыми дверями с правительствами колониальных миров и адмиралом Иванцовым, никто доподлинно не знал, но, как это водится, все были в курсе. Словно радар уловив чужое внимание, Богдан опять внутренне возвёл очи горе. Вечер становился интересным. Сняв с подноса проходящего мимо официанта бокал с роутиром — алкогольным напитком с родины роух, который отдавал тонким, едва заметным ароматом валерианы или чего-то похожего, он приглушённо прорычал за спину:

— Присоединяйтесь, доминус Труор, — телохранитель-реконструктор возник, будто черт из табакерки. Высокий бокал с толстой ножкой практически утонул в когтистой пятерне. — Хватит вить круги вокруг меня, всё равно у вас это плохо получается.

— Благодарствую, — поклонился роух, взмахнув хвостом. — Неужели настолько плохо?

— Отнюдь, — примирительно рыкнул Богдан. Телохранители-реконструкторы у роух

это особая каста из высших слоёв общества. Дипломатический этикет с ними не работает в том понимании, какое в него вкладывают люди. Для одного со всеми позументами и бантами есть посланница с ордой дипломатов. А вот то, что Северов заговорил с мощным котом нарочито грубо, согласно древнего кодекса воинов роух, как бы это не казалось странным, воспринималось общением равных, тем более он хорошо помнил пересказанный пилотом разговор. Труор тогда сам признал спаррингующую пару равной себе, поэтому Северов с первого слова придерживался принятого у роух стиля. — Просто я на взводе, простите за откровенность, слежу за всеми, как за боевиками каас. Вы, доминус, одно ухо и глаз тоже с домины не спускаете. Дабы развеять сомнения, спешу напомнить вам рейс на Землю, доминус, и спарринг с моей женой, свидетелями которого вы с посланницей стали, поэтому не будем разводить политесы. Вы знаете меня, я знаю вас. Очень польщён знакомством.

— А вы неплохо подкованы в обычаях и традициях воинов роух, доминус Богдан, — ввернул любезность Труор.

— А вы людей, — вернул подачу Богдан. — Предлагаю не умасливать друг друга сомнительными комплиментами, а сойтись на том, что мы оба хороши.

Словно два утёса вокруг которых образовалось свободное приватное пространство отступивших человеческих волн, они несколько минут стояли на месте, наблюдая за обстановкой в зале и перекидываясь на языке роух ничего не значащими фразами, пока Богдан не заметил, что хаотическое, броуновкое мельтешение людских масс начинает приобретать упорядоченный характер.

Богдан и Труор переглянулись. Происходило что-то из ряда вон выходящее. Придя к мысленному взаимному соглашению, они рыбками нырнули в толпу, ловко отсекая своих подопечных от столпотворения. Схватив мужа под локоток, Регина, без возмущений, позволила увлечь себя в сторону музыкальной эстрады. Посланница же, взятая на жесткий буксир Труором, возмущённым шипением, перебивающимся рыкающими нотками, высказывала телохранителю возмущение, но разглядев куда, а точнее к кому её ведут, удивлённо застучала хвостом о ноги и сменила гнев на милость.

— Не люблю толпу, — сморщился Богдан, вынимая из кармана парадного кителя пронесённую на приём «муху».

— Э-э-э, — глядя на манипуляции мужа, Регина не нашла приличных слов для достойного выражения возмущения писанных и неписанных правил, зато роух с любопытством проводили взглядами электронное устройство, полетевшее к людскому водовороту. Не говорить же ей, что использование «мухи» было заранее санкционировано адмиралом. Старый хитрован специально делал на этом акцент и описал примерную ситуацию, когда следует запустить выданное устройство в работу.

— Предлагаю занять места в зрительном зале и наслаждаться представлением, — положив на столик с канапе проекционный браслет, Богдан закинул в рот несколько корзинок с паплетом и икрой, запив их шампанским, жене он протянул стакан охлаждённого апельсинового сока. — Дорогая, домина, доминус. Ого! Что б я сдох!

Пожалуй, слова завершающие последнюю фразу выжали общее мнение. Не каждый день колониальные миры посещают политики мира метрополии. И совсем не каждый год Провал чтят вниманием президенты. Сегодняшним вечером на головы шокированной публики свалился сам Громов Борис Иванович — Президент Российской Федерации. Оправив одежду, Посланница обозначила полупоклон супругам и, в сопровождении Труора направилась приветствовать главу государства и выразить ему своё почтение. Несколько

телохранителей из службы охраны первого лица государства невзрачными тенями рассосались по залу, один из них замер позади Северовых, но что-либо предпринимать не спешил.

Тем временем клин роух пробился к президенту и начались взаимные протокольные приветствия, служба безопасности ловко оттеснила назад толпу, оставив рядом с первым лицом государства роахири, адмирала Иванцова и глав планетарных правительств. Судя по выражению лиц для всех, кроме хитрого жука с адмиральскими погонами, явление земного небожителя оказалось сюрпризом. Все местечковые политики не знали чего ожидать, но первыми спешили рассыпаться в словославиях и верноподданнических чувствах.

— Мне кажется...

— Только кажется? — вздёрнула бровку Регина.

— Ты права, солнышко, не кажется. Адмирал неспроста собрал сегодня все ключевые фигуры Провала, в том числе глав правительств. Они были в курсе прилёта Президента и, по-видимому, как пить дать мы станем свидетелями чего-нибудь громкого и значительного. Громов заслуженно считается мастером компромиссов и ему невыгоден разрыв с Провалом по живому, но и возглавляемая адмиралом команда больше не желает вариться с Землёй в одном котле. Иванцов прагматик, воевать со своими он не станет, так как лучше других понимает, что гражданская война ничего хорошего ни одной из сторон не принесёт. Скорее всего... — Богдан ненадолго задумался.

— Что «скорее», — поторопила его мыслительный процесс жена.

— Революция сверху. Знаком такой термин? Громов элементарно решил возглавить то, что не в силах предотвратить, таким образом он оседлал и взял под контроль процесс отделения Провала.

— Считаешь? — Богдан пожал плечами. — Знаешь, а ты прав, так логичнее всего получается.

Интуитивное озарение, посетившее голову Северова, оказалось право. Вскоре Громов на всю галактику объявил о всенародном референдуме русского колониального сектора, на котором будет решаться вопрос независимости Провала и создания нового государственного образования, несомненно союзного с Российской федерацией, тем более обоим государствам в будущем предстоит тяжкий труд по освоению новооткрытых миров Аюя. А вот и та приманка или цена, на которую адмирал сумел купить или заинтересовать президента. В программной речи Борис Громов коснулся многого, не оставив в стороне военно-политический союз и выразил надежду на всеобъемлющее и плодотворное сотрудничество. Умному человеку хватало намёков сделать заключение, что Россия попросту создаёт буферное государство, которое фактически остаётся с ней одним целым. О полной независимости речь не идёт, но это только первый шаг на длинном пути, но он даёт возможность получить дополнительное кресло в Земной Конфедерации и, как бы странно это не звучало, усилить политическое влияние в галактике. Всегда можно сослаться на обретённую свободу бывших колоний у которых на многое окажутся развязаны руки, в том числе на самостоятельное заключение договоров о дружбе и сотрудничестве с Доминионами Роух, которые давно зарекомендовали себя прекрасными соседями. За примером далеко ходить не надо. Миры буферной зоны нагляднее всего иллюстрируют плоды совместного сотрудничества, которое день ото дня поднимается на новый уровень.

— Разрешите? — безымянный человек из охраны Громова сгрёб проекционный браслет со стола.

— Пожалуйста, — посторонился Богдан. — Документалистика и кинохроника?

— Можно и так сказать, — бодигард, он же агент неизвестной Северовым спецслужбы, не прощаясь, скользящим шагом скрылся за дверью зала.

— Даже не хочу знать, в какие игры играют Дед и Громов. Ну, дорогая, кто у нас молодец?

— Напрашиваешься на комплимент? Ну, хорошо, ты молодец, — Регина подставила губы под поцелуй.

— Знаешь, солнышко, я доволен, как выбили почву из-под ног у каас. Протекторы, наверное, сейчас локти кусают. Широконосые пятидесятники хотели стравить Конфедерацию и колониальный сектор, а тут им нарисовали фигуру из трёх пальцев с тенью Доминионов роух за спиной. Ловко, причём и Провал и Россия только приобретают. Знаешь, я тут подумал...

— А ты умеешь думать?

— Иногда, когда мозги тобой не заняты, в этом случае во мне просыпается пещерный человек — схватить, утащить в пещеру и никого не подпускать! Чисто дракон с принцессой, тоже сторожит и жрёт подряд всех рыцарей и оруженосцев с конями и тапками.

— Никогда не видела пещерных людей, но мне нравится ход их мыслей. Ладно, мы остановились на том, когда пещерные питекантропы не думают о самках. Я вся во внимании, дорогой.

— Звучит смешно, но я бы присвоил адмиралу и президенту звания почётных тоннельщиков. Они, как и мы, строят дорогу в будущее. Рубят тоннели через политические препоны. Представь, сплошная темень вокруг, а в конце свет независимости.

— Главное чтобы это не был выхлоп прыжкового двигателя, а в остальном ты прав. Значки почётных тоннельщиков они заслужили.

— Я слышал, что при строительстве тоннелей применяют встречную проходку и монтаж транспортных колец, — тихо прорычал подошедший пару минут назад Труор, слышавший весь разговор. — Мы можем строить тоннели вместе. Возьмёте в напарники?

Северов протянул руку, роух молча пожал протянутую ладонь, после чего церемониально поклонился и отошёл к ученице, она же Посланица и глава посольства Доминионов.

— Что это было, дорогой.

— Есть политика официальная, есть неофициальная. Через тебя и меня иносказательно передали послание всему Провалу, что не только у нас есть те, кто строит мосты и тоннели. Посланица лишь внешний фасад, с нами наводят мосты личности, стоящие за фасадом. У роух тоже есть «почётные тоннельщики» и они посылают сигнал о сотрудничестве.

— Как всё сложно. Ненавижу политику. Ненавижу, что Дед втянул тебя в это болото.

— Сигнал от роух я адмиралу, конечно, передам, а в остальном ты, моя милая, интересно заблуждаешься. И, вообще, нам сегодня-завтра сесть бы рядом и составить смету на строительство дома.

— Ничего не пойму? Какого дома, а «Медвижий угол» как?

— Красивого большого дома. С коньком, петухами и садом, с несколькими детскими и спальней с большой двухместной кроватью. Я тут оказией планетку одну приглядел замечательную и название поместью придумал. Как тебе «Гнездо шака?» Звучит?

— Планетка там, где я думаю?

— Ну, не знаю, там или не там, я твои мысли не читаю, но через декаду мы вылетаем

строить к ней тоннель. Прошу любить и жаловать директора тоннелестроительного треста «Аюй».

— Северов!

— Да.

— Я тебя ненавижу!

— Да-да...

— Я тебя убью, паразита!

— Лучше скажи, что любишь меня.

— Облезешь, что хоть за планета?

— Замечательная планета, конфетка! Тебе там понравится. Горы, леса, озёра и там будет наш новый дом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

*Дед — уважительное прозвище адмирала Иванцова.

Конец.